

Марк Мак-Аллистер

БЕСКОНЕЧНАЯ РЕКА

**Роман основан
на реальных событиях**

В этой удивительно теплой, печальной и мудрой книге вымысел переплетается с реальными событиями.

В 1937 году в маленьком тexasском городке Нью-Лондон произошла трагедия. Из-за утечки газа в школе прогремел взрыв. Погибло более трехсот человек — дети и учителя. В эти страшные дни Люк Робертсон, главный герой романа, потерял горячо любимую сестру, а священник Расс Смит — способность говорить. Через несколько лет Расс выздоравливает, и судьба таинственным образом сводит его с Люком. И Расу, и Люку предстоит переосмыслить историю своей жизни и найти ответы на вопросы, не дающие им покоя. В конце концов они оба убеждаются в том, что милость Божья беспредельна.

Посвящается
Уильяму Сидни Мак-Аллистеру
(1916–2001)
и
Женевьеве Лэнгхам Мак-Аллистер
(1916 – 2004)

Благодарность

Исторический роман в одиночку не напишешь. Мне бы хотелось поблагодарить всех, кто меня поддерживал и вдохновлял.

Прежде всего, это жители Остина: моя жена и главная помощница Джени Мак-Аллистер, Джоан Холл, Мелисса Гаскилл, Альберта Дикон, Джон Берч. Кроме того, мне помогали члены писательской группы, проводившей собрания в воскресные дни. Среди моих коллег — Том Полк, Лора Дельфельд, Сюзан Хенсли и Кэрри Сьюс.

Я очень обязан Дженет Бенри, которая стала моим литературным агентом, а также редакторам Джеффу Данн, Джимми Пикоку и Джорджии Хофф из города Рой, штат Юта (кстати, она приходится дочерью Лорин Зилкс Брайт — о ней будет сказано ниже). Я также хотел бы назвать Дэвида Кинга из Эшфилда (Массачусетс), Бена Уэлмейкера и Харольда Палмура из Лафкина (Техас), Молли Уорд из Нью-Лондона (Техас), Милдред Мак-Аллистер из города Форт-Уорт (Техас), Патрисию и Джеймса Эбни из Рошарона (Техас), Жене-ву Уиллард из Хендерсона (Техас), Майка Палмиери из Нью-Орлеана и Ори Нил из Ливингстона (Техас).

Для того чтобы написать роман, мне пришлось обратиться к следующим замечательным книгам:

Лорин Зилкс Браун. Нью-Лондон, 1937. (Wichita Falls, Texas: Eastex Press, 1977).

Мишель Т. Хэлботи, Джеймс А. Кларк. Последний взрыв. (Bryan, Texas: Shearer Publishing, 1984).

Р. Л. Джексон. Уроки трагедии в Нью-Лондоне. (Nashville: Parthenon Press, 1938).

Пол Пертцер. Большой каньон. (Pullman, Wash.: Washington State University Press, 1994).

Блейн Харден. Затерянная река. (New York: W.W. Norton, 1996).

Ричард Родз. Как создавалась атомная бомба. (New York: Simon & Schuster, 1986).

18 марта 1937 года, в четвертом часу дня, две учительницы вышли из здания начальной школы города Нью-Лондон, что в штате Техас. Они направились к строению, которое находилось в паре сотен ярдов от школы: там должна была проходить встреча с родителями. Учительницу музыки звали Женестьева Лэнгхам. Ей исполнилось двадцать лет, и она только что окончила Университет Бейлора. Миртл Брасвелл вела уроки физкультуры. Подруги жили в одном доме. Они не знали, что собрание состоится не в аудитории, где занимаются старшекласники, а в спортивном зале за главным зданием. Дело в том, что дети собирались показать спектакль, и спортивный зал больше подходил для такого мероприятия.

Они отошли от здания на сто ярдов, как вдруг Миртл Брасвелл остановилась, вспомнив, что забыла пальто. Женестьеве это не понравилось. Она догадалась, что на самом деле Миртл интересовали сигареты, лежащие в кармане пальто. Тем не менее она тоже остановилась и стала ждать, пока вернется подруга. И всего через одну или две минуты стены школы обрушились от взрыва. Девушка увидела, как крыша здания поднялась, а потом вновь упала на него, и то, что мгновение назад было школой, превратилось в груды камней, известки и частей тел погибших людей.

Женестьева пережила сильный шок, хотя и осталась целой и невредимой. 20 марта она играла на органе методистской церкви Нью-Лондона на тринадцати похоронных церемониях — они следовали одна за другой.

После этого девушка продолжила преподавать музыку. В 1940 году в ее жизни появился мужчина. Он окончил университет штата Айова и работал на нефтяном месторождении инженером. Это был спокойный красивый темноволосый человек. В 1941 году мисс Лэнгхам вышла замуж за своего жениха Билла Мак-Аллистера.

Через три года у них родился первый ребенок, то есть я. В послевоенные годы мы жили неподалеку от Нью-Лондона, но у меня не сохранилось воспоминаний об этом времени. Зато я помню, как мы обосновались в поселке нефтяников недалеко от Глэдстоуна — отец получил место управляющего на заводе, где производили бензин.

Я провел детство около буровых вышек. Каждую ночь, засыпая, я слышал, как работают газовые компрессоры завода. Когда я учился в третьем классе начальной школы Глэдстоуна, мне удалось написать сказку. Комета улетела, чтобы описать еще один круг вокруг солнца, но через сорок пять лет вернулась, и я был заморожен исходившим от нее сиянием.

Марк Мак-Аллистер

1

Расс

Я уже стар, и память подводит меня. Прошлое вылетает у меня из головы, словно песок из обветшавшего дырявого мешка, — стало быть, мне нужно успеть записать историю Люка Робертсона до того, как я позабуду ее детали. Хочется, чтобы люди узнали о том, что с ним произошло. Вчера я пытался вспомнить имя человека, который подошел к Люку, когда тот сидел на краю каньона. Только через несколько секунд мне пришло в голову: Боб Коулман. Инженер электростанции. Он еще беспокоился о рыбе, обитающей в реке. Да, точно, теперь я вспомнил, как его звали. Но как насчет других людей, городов, событий? Все это имеет значение.

Когда я думаю о прошлом, меня обуревают смешанные чувства. Десять лет назад, в 1937 году, в одной из школ произошёл взрыв. Память о той трагедии жива до сих пор. Наверняка многие жители Восточного Техаса скажут, что писать о случившемся — все равно что беречь незажившие раны. Возможно, они правы, и меня это очень беспокоит.

Но история Люка не должна кануть в вечность, я просто обязан записать ее. Люк, конечно, этого не сделает. Мне самому придется рассказать о том, что произошло. Нужно торопиться, ведь в январе мне стукнет семьдесят один и я

боюсь, что вскоре мое здоровье ухудшится и тогда уж мне будет не до литературы.

Жизнь Люка тесно связана с моей. Последние десять лет я словно находился в каком-то тумане, испытывал страх и неуверенность. У меня был секрет. Мне не хотелось, чтобы кто-то раскрыл его, и поэтому я предпочитал жить один, вдали от чужих глаз и ушей. Теперь же у меня есть цель, а все страхи будто ветром унесло.

История эта начинается там, где другие обычно заканчиваются, — на кладбище. Три месяца назад я встретился с Люком на кладбище Плезант-Хилл. Дело было в самом центре нефтяного царства под названием Восточный Техас. Солнце уже клонилось к горизонту...

Стоял тихий июльский вечер. Громко звенели цикады. Солнце катилось вниз по безоблачному небу, ярко освещая буровые вышки и сосны. Цикады стрекотали то громче, то тише, словно приветствуя своим пением наступление ночи.

Я уже закончил косить траву, но решил чуть-чуть задержаться, чтобы полюбоваться великолепным закатом; я уселся около дуба в южной части кладбища, лицом к пламенеющему небу, и принялся думать о всяких пустяках. Интересно, как цикадам удастся петь так слаженно? Может, у хора есть дирижер? Или изменения тона обусловлены неким внутренним чувством?

И тут я уловил краем глаза какое-то движение, посмотрел на север и увидел мужчину, который вошел в ворота кладбища. Но откуда он появился? Если бы он припарковал машину у часовенки, я бы услышал шум мотора.

Незнакомец остановился у одного из надгробий. Затем сел на землю, внимательно глядя на могильный камень. Прошло несколько минут. Я решил, что мне пора уходить.

В любом случае чары рассеялись и мое настроение изменилось. Бывают моменты, когда кажется, что два человека на кладбище — это слишком много.

Я встал, взял косу и направился к выходу. Надгробие, у которого сидел мужчина, находилось всего в двадцати футах от меня. Поначалу я собирался пройти мимо, ничего не говоря. Возможно, он, как и я, хотел побыть один. Но потом меня разобрало любопытство. Я поравнялся с ним, откашлялся и сказал: «Добрый вечер».

Он резко вскинул голову и уставился на меня. Прошло несколько секунд, и мне стало ясно: лучше бы я шел своей дорогой. Цикады опять запели, и я был им за это очень благодарен. Но мало-помалу их хор смолк. Бородатый человек пристально смотрел на меня.

Я решил, что все-таки спрошу его кое о чем, и если он промолчит, просто уйду. «Вы отец Марти?» — отважился я наконец.

Незнакомец дернулся всем телом, вскочил на ноги и шагнул ко мне.

Он оказался приблизительно моего роста — шесть футов и один дюйм. Как и у меня, у этого здоровяка были широкие плечи. Больше никакого сходства между нами не наблюдалось. Его черные волосы были спутанными и сальными, а на лице темнела неопрятная бороденка.

Что касается одежды, то всякий нормальный человек выбросил бы такое тряпье или просто сжег. Рубашка цвета хаки промокла от пота. Джинсы — грязные, в пятнах, протертые насквозь.

В пяти футах от меня мужчина остановился и поднял руку, всю в синяках и шрамах. Затем ткнул в меня пальцем и зло пророкотал низким голосом:

— А ты кто такой? Что ты тут делаешь?

— Работаю садовником.

Он грязно ругнулся — таких слов я уже давненько не слышал — и подошел ближе. Его налитые кровью глаза сузились.

— Садовник, значит. А теперь скажи мне, садовник, почему ты назвал ее Марти?

— Это же ее могила. Вот я и подумал, что вы...

— На надгробии написано «Марта Ли Робертсон», а не Марти, не так ли?

— На памятнике написано, что ее звали Марти.

Незнакомец покачал головой и изверг очередное ругательство.

— На каком еще памятнике?

— На том, что стоит напротив школы. Разве вы о нем не знаете?

Он сжал кулаки и впился в меня глазами.

— Уже темно, и ты с того места, где стоишь, никак не мог прочитать надпись на надгробии. Так откуда же тебе знать, что это ее могила?

— Я знаю, где находятся могилы всех погибших школьников, не только ее.

Это была чистая правда, но я понял, что она его не интересует. Незнакомец продолжал смотреть на меня. Ни он, ни я не произнесли больше ни слова.

Наконец он перестал разглядывать меня, бросил прощальный взгляд на надгробие и направился к воротам, прошел через них и повернул на восток, к Хендерсону. Я же продолжал следить за ним до тех пор, пока он не растворился в темноте. Потом подошел к могиле и опустился перед ней на колени. Сумерки сгустились, и я едва мог различить дату рождения, высеченную на граните. 9 ноября 1923 года. Марти было тринадцать, когда это случилось. Тринадцать плюс десять — двадцать три. Нет, вряд ли этот человек ее отец.

По-моему, ему сейчас лет тридцать, может, тридцать с небольшим.

Он ушел. Я никогда не видел его прежде, но вряд ли мне удастся его забыть. Он выглядел таким изможденным... У него был вид человека, доведенного до отчаяния. Почему-то этот совсем не старый мужчина едва передвигал ноги. У меня в ушах до сих пор звучал его низкий раздраженный голос.

Я сел в свой грузовичок и поехал домой — на запад. Но потом притормозил на обочине. Неужели я испугался неизвестного человека, и он только что навсегда ушел из моей жизни?

Может, он живет неподалеку? Вряд ли. Однако он знал, где находится нужная ему могила. Куда же он сейчас направляется, если не домой? Как бы там ни было, бедняга едва ли сумеет добраться до своего пристанища, где бы оно ни находилось. Казалось, он вот-вот рухнет от усталости.

Надо предложить ему воды, вреда от этого не будет. Я развернул машину, миновал кладбище, и вскоре фары выхватили из темноты фигуру незнакомца.

Обогнав его, я остановил грузовичок на обочине и вышел из него, встав у кузова.

— Послушайте, может, вы хотите пить? У меня есть холодная вода. Я был бы рад угостить вас.

Я достал жестяной термос, открутил крышку, налил в нее воды и протянул ему. Красный свет задних фар освещал мрачное и суровое лицо незнакомца. Чем-то этот человек напоминал дикое животное.

Он посмотрел на меня, затем на воду. Взял крышку и выпил все — до последней капли.

— Хотите еще? — спросил я.

Незнакомец покачал головой, вернул мне крышку и тихо, почти что шепотом, произнес:

— Спасибо, старина. Первый раз сегодня попил водички. — А потом добавил: — Что ж, всего хорошего. — И зашагал прочь.

— Подождите! — крикнул я. Он остановился. — Куда вы идете?

— В Лонгвью. Сяду в товарняк и поеду на запад. — Он поднял руку и вытер пот со лба. — Интересно, в этом проклятом штате когда-нибудь бывает прохладно?

— Но Лонгвью отсюда в тридцати милях. Когда вы ели в последний раз?

Он вздохнул и опять затряс головой.

— Слушайте, мистер. Мне надоели ваши вопросы.

— Я живу в Тернертауне. До него семь миль, — заторопился я. — В холодильнике у меня есть немного рагу. Я мог бы подогреть его, и мы бы поужинали вместе. Соглашайтесь! А потом я отвезу вас в Лонгвью.

Он отрицательно покачал головой. Но не двинулся с места. Я залез в машину, приоткрыл дверцу и, призывая его поторопиться, махнул рукой. Незнакомец помедлил, затем уселся рядом со мной и захлопнул дверь. Я перевел рычаг на первую скорость, отпустил сцепление, и грузовичок с привычным лязганьем помчался вперед.

— У вас клапаны перегорели, — буркнул мой попутчик.

Пока мы сидели за столом, этот парень умял две миски мясного рагу и четыре куска хлеба с маслом. За ужином мы не произнесли ни слова. Наконец он положил ложку, встал из-за стола и сказал:

— Спасибо за еду. Теперь я намерен оставить тебя в покое. Дойду до Лонгвью пешком, подвозить меня не надо.

— Да, ты парень молодой, дойти, конечно, сможешь, даже если шагать придется всю ночь. Но ты измотан. Думаю, тебе

лучше остаться: будешь спать на диване. А утром я доведу тебя до Лонгвью на машине.

Несколько секунд он внимательно разглядывал скатерть.

— Ты прав. Я так умаялся, что даже спорить сил нет. Лягу на полу. Честно говоря, я уже много недель не спал в постели. Так что на полу мне будет удобнее.

— Ладно, как знаешь. Устраивайся. Можешь принять ванну, если есть такое желание.

Я убрал со стола, вымыл и вытер тарелки, а когда закончил, то обнаружил, что гость уже уснул, свернувшись калачиком на полу около дивана. Он даже ботинки не снял.

Тогда я достал чистый комбинезон, рубашку, нижнее белье, кусок мыла и полотенце и сложил все это на диване. Затем принял ванну и лег спать. Но долго не мог заснуть.

Кто он такой? Этот человек сказал, что собирается сесть в товарный поезд, идущий на запад. Может, он и сюда так добирался. Тогда понятно, почему на нем грязная одежда. Впрочем, судя по произношению, парень родился и вырос в этих краях.

Наверное, десять лет назад он здесь жил. Потом случилась трагедия: Марти Робертсон погибла, и он уехал.

А теперь вернулся. Кажется, этому человеку пришлось пройти долгий, очень долгий путь. Зачем же? Чтобы навесить могилу девочки? И все?

Я понимал: ему нужна помощь. Он нуждался в совете и утешении. Кто-то должен был его подбодрить. Когда-то я знал человека, который сумел бы помочь моему новому знакомому, мог бы найти нужные слова. Но его давно уже нет на свете.

Парень, уснувший на полу моего дома, попал не туда, куда нужно. Завтра я отвезу его в Лонгвью, и он сядет в товарняк, как намеревался. Надеюсь, ему повезет.

Вот такой план. Потом я вспомнил о вдове Дэниэлс из Хендерсона. Она хотела, чтобы я занялся обустройством внутреннего дворика ее дома, но я все откладывал — тяжело мне уже поднимать железнодорожные шпалы, которыми стоило укрепить склон двора.

2

Расс

Проснувшись на рассвете, я первым делом подумал о человеке, который ночевал в моем доме. Честно говоря, в глубине души я надеялся, что он уже ушел. Но парень по-прежнему безмятежно спал на полу.

Позавтракав, я взял мотыгу и отправился в огород — он давно требовал хорошей прополки. Утро было прохладным, на небе ни облачка. Воробьи и сойки весело распевали свои песни, вскоре и я начал им вторить. Люблю петь, когда работаю на природе. А вот говорить — не очень. Я пел песни, которые выучил еще ребенком. Люди называют их псалмами, но для меня это просто старые песни.

Потом я обернулся, посмотрел на заднее крыльцо. Незнакомец стоял на пороге, одетый в комбинезон, оставленный мною на диване.

— Яичница с беконом на плите. Я уже поел, — крикнул я ему.

Он помахал рукой в ответ и вошел в дом. Через несколько минут мне захотелось выпить кофе. Мой гость сидел за столом, жадно уписывая завтрак. Взглянув на меня, он без тени улыбки произнес:

— Спасибо за одежду. И за еду. Если не возражаешь, я постираю свои вещи, а когда они высохнут, ты отвезешь меня в Лонгвью, хорошо?

Теперь его глаза не казались мне воспаленными. Они были темно-серыми и... какими-то безжизненными.

Я пожал плечами.

— Хорошо. Стиральную доску, пресс и мыло найдешь на заднем крыльце. — И, налив себе кофе, я тоже присел за стол.

Не глядя на меня, он сказал:

— Еще я принял ванну. От меня так воняло, что было просто невозможно надеть чистую одежду.

Я кивнул и пригубил кофе.

— Видишь ли, чтобы вернуться на север, мне придется побираться. Я ведь оттуда приехал. И еще мне нужны деньги. Никто не даст тебе хлеба, если ты воняешь.

— И куда же ты направляешься?

— В Сиэтл.

Он задумался на минуту, а потом сказал:

— Чтобы добраться сюда, мне понадобится три недели. И ради чего, спрашивается? Пустая трата времени. Так что пора возвращаться.

И он стал доедать яичницу. А мне пришло в голову, что я даже не знаю его имени.

— Меня зовут Рассел Смит. Можно просто Расс, — сказал я, протягивая ему руку.

Он ее пожал, но без всякого чувства.

— Люк, — представился он, вставая из-за стола. — Что ж, Расс, спасибо за завтрак. Теперь моя очередь мыть тарелки.

Чуть ли не полчаса ему пришлось отстирывать въевшуюся грязь со своих штанов и рубашки. Затем Люк прополоскал их и отжал. Странно, что при таком обращении они вообще остались целы. Наконец он развесил одежду на бель-

своей веревке и уселся на крыльцо дожидаться, когда она высохнет.

Я стоял на распутье. Проще всего было бы отвезти Люка в Лонгвью и распрощаться. Он ведь и так мне кое-чем обязан. Ему не пришлось идти пешком тридцать миль. Кроме того, он переночевал в моем доме и дважды плотно поел.

Но можно было сделать и по-другому. Я хотел выполнить обещание, данное вдове Дэниэлс. Люк — сильный мужчина, он сумеет мне помочь. Наверняка он обрадуется моему предложению. Уверен: этот человек из тех, кто работает упорно и спокойно. Но что если он начнет задавать вопросы?

Его одежда уже почти высохла. Я сел на крыльцо.

— Люк, ты, кажется, говорил, что тебе нужны деньги.

— Да. И что с того? Я и без денег справлюсь. Раньше по крайней мере мне это удавалось.

— Мне нужна твоя помощь. Я тебе заплачу.

Он резко обернулся и угрюмо посмотрел на меня.

— Какая именно?

— Видишь ли, я совершил ошибку. Пообещал сделать работу, с которой мне на самом-то деле в одиночку не справиться.

— Что за работа?

— У одной женщины, живущей в Хендерсоне, есть большой дом. Он стоит на склоне. И поэтому, когда идет дождь, ее дворик смывает вниз, на улицу. Так вот, я сказал ей, что решу эту проблему. Я собирался поставить ограду из железнодорожных шпал — высотой в три фута. Потом разровнять дворик, посадить кусты, деревья и засеять газон узкобородником. Еще я хотел сделать ступеньки. Хозяйка была в восторге от моей задумки. Она сказала, что спешки никакой нет, но с тех пор уже минул месяц. Несколько раз шел дождь, и я знаю, что она спрашивает себя, почему я до сих пор не приступил к работе.

— Ну и почему же?

— У меня не хватает силенок. Я уже не так здоров, как тридцать лет назад.

Люк покачал головой.

— Нет, я не хочу здесь задерживаться. Извини.

Что ж, его ответ меня удовлетворил. Я даже почувствовал облегчение. Вдова Дэниэлс подождет еще немного.

— Твоя одежда вроде бы высохла, — сказал я. — Так что переодевайся — поедем в Лонгвью.

Люк снял рубашку и штаны с веревки и зашел в дом. Через несколько минут мы направились к машине. Я уже вытащил из кармана ключ, как вдруг услышал за своей спиной голос Люка:

— Эй, мистер!

Я обернулся.

— Хочу спросить...

Сердце у меня замерло.

— Да?

— Вчера вечером ты сказал: «Я знаю, где находятся могилы всех погибших школьников». Зачем тебе это? — Он ждал, глядя мне прямо в глаза.

— Я прихожу туда, чтобы подровнять газон. Эта работа не требует особого напряжения, вот я и решил запомнить все имена. Что-то вроде тренировки памяти. Очень полезно для пожилых людей.

— Почему вы запоминали имена только тех детей, которые погибли при взрыве?

Мое сердце забилось быстрее. Не зная, что ответить, я просто пожал плечами.

Люк, прищурившись, смотрел на меня.

— Знаешь, я передумал. Я готов помочь тебе поставить ограду. Думаю, прежде чем ехать на север, мне не помешает подзаработать.

Мое спокойствие лопнуло, точно мыльный пузырь, но я сумел выдавить из себя улыбку.

— Что ж, очень рад. Это займет дня три. Завтра и послезавтра мы будем перевозить шпалы. В мой грузовичок помещается только десять штук, а всего понадобится шестьдесят, не меньше. Так что поедем-ка в Тайлер, а не в Лонгвью. Залезай.

Мы забрались в машину, и я завел двигатель. Люк обернулся и посмотрел на синие клубы дыма, которые вырывались из выхлопной трубы.

— У тебя, наверное, хомут в машине перетерся. И так клапаны сожжены, а тут еще хомут. Надо бы твой грузовичок посмотреть. Ну ничего, думаю, починить будет нетрудно.

Мы приехали на железнодорожную станцию Коттон-Белт, загрузили в грузовик шпалы и поспешили в Хендерсон. Потом вернулись, и так еще два раза. В течение дня мы почти не разговаривали — пожалуй, и десяти слов друг другу не сказали. Когда сидишь в машине, приходится прямо-таки кричать, чтобы тебя услышали — старый двигатель ужасно шумит.

Домой мы вернулись поздно, так что я просто разогрел рагу и порезал овощи. Мы сели за стол и начали есть. Немного погодя Люк сказал:

— Тебя не назовешь болтуном, Расс.

— Похоже на то.

— До сегодняшнего утра мне никогда не приходилось просыпаться из-за того, что кто-то распевает псалмы.

Я кивнул ему, улыбнувшись.

— А обычные песни ты поешь?

Я отрицательно покачал головой.

С минуту Люк молча жевал мясо, а потом снова заговорил:

— Ты часто ходишь в церковь, так ведь? Готов поспорить — ты поешь в церковном хоре.

Я почувствовал, как на лбу у меня выступает пот.

— А вот и нет.

Он удивленно приподнял брови.

— И никогда не пел?

— Только в детстве.

— Странно. Тебе бы стоило. У тебя прекрасный голос.

— Спасибо.

Доедали мы молча. Я очень устал и поэтому лег спать рано, в девять часов, но около двенадцати проснулся от жажды и пошел на кухню попить воды. Люк лежал на диване, мерно дыша во сне. Я взял стакан, и тут заметил на столе какие-то бумажки. Оказалось, что это фотографии. Мои снимки лежали в коробке, так что эти принадлежали Люку. Естественно, мне стало любопытно. Я прихватил фотографии с собой, тихо притворил дверь спальни и включил лампы. Всего там было шесть выцветших снимков с обтрепанными краями.

На одном из них — две маленькие девочки и мальчик, все на белой лошади. Мальчик сидел сзади, обнимая своих подружек обеими руками. Мне показалось, что этот парнишка и есть Люк — двадцать лет тому назад.

На другой фотографии я увидел девочку лет семи-восьми. Она сидела на качелях перед крыльцом какого-то дома. На ней было светлое платье и темный пояс, на ногах — белые носочки и черные туфли с пряжками. Ее коротко стриженные волосы слегка вились. Наверное, они были каштановые, судя по оттенку серого на снимке. Одной рукой она держалась за качели, а вторая лежала у нее на коленях. Глаза — яркие, светлые. Девочка едва заметно улыбалась.

На следующем снимке были запечатлены три человека, стоящие у биплана с открытой кабиной. Невысокий лысый мужчина — слева, а справа — темноволосый паренек, лет двадцати с небольшим. Я сразу узнал Люка — хотя он и был без бороды. Лицо у него было бледное — казалось, ему стоило немало труда улыбаться. Между ними стояла девочка лет двенадцати — та самая, что раскачивалась на качелях. На лбу у нее были защитные очки, а волосы растрепаны так, словно только что пролетел торнадо. На лице сияла радостная, торжествующая улыбка.

Остальные фотографии представляли собой обычные, сделанные в разное время снимки той же девочки.

Я выключил свет, сходил в кухню и положил фотографии на стол. Потом лег в кровать, задумался и вдруг понял: это его сестра. Она умерла десять лет назад. Он уехал из города, а теперь вернулся. Люк — брат этой девочки, и, значит, его зовут Люк Робертсон.

Мы проснулись на рассвете и не спеша, в полной тишине позавтракали. Я ничего не сказал о фотографиях — они уже исчезли со стола. До полудня мы, загрузив в машину шпалы, трижды подъезжали к дому вдовы.

Я, конечно, уже представлял себе, как должна выглядеть ограда, оставалось только объяснить это своему помощнику. Люк быстро понял, что от него требовалось, и большую часть дня мы занимались тем, что выкапывали специальные канавки для бревен, а также распиливали некоторые шпалы на две части, чтобы использовать их для ограды: ее кладка должна напоминать кирпичную стену.

На небе не было ни облачка, а во дворе — ни деревца, так что к двум часам дня пот лил с нас градом. Когда я закончил петь очередную песню, меня внезапно окликнул Люк.

Он прислонил шпалу к откидному борту машины и готовился распилить ее.

— Знаешь, чтобы разделаться с этой штуковиной, мне потребуется около пяти минут. А вот на лесопилке, принадлежавшей моему отцу, бревно разрезали за две секунды.

Я бы предпочел, чтобы Люк работал молча. Так мне было спокойнее. Я хотел сделать вид, что ничего не слышал, но мой помощник явно ждал ответной реакции.

Закончив пилить шпалу, он вытер пот со лба.

— Ты говорил, что помнишь имена всех детей, похороненных на кладбище. Но ты же не знал их лично, верно?

Кивком головы я подтвердил, что он прав.

— Имена сами по себе немного значат, правильно? — спросил Люк.

Я ничего не ответил.

— Скажи, что ты думаешь, когда произносишь имена Эвис, Дарла или Энни?

— Они сестры, — пробормотал я.

— Да, их похоронили рядом. Это тебе известно. И все. Ты даже не знаешь, что они сочиняли музыку. Тебе понравились бы их пьесы. Эвис любила псалмы. Она, наверное, и во сне могла их сыграть. Она исполняла псалмы в тот день, когда состоялась самая первая служба в нашей церкви, Эвис было всего двенадцать.

Сказав это, он замолчал почти на полчаса. Все это время мы пилили шпалы. Когда мы начали возводить фундамент для ограды, он опять заговорил: вспомнил одну историю из своего детства. В том, как он рассказывал, было что-то странное. Люк говорил так, словно был тем самым мальчиком, а не отчаявшимся, уставшим от жизни мужчиной.

Слушая его, я задумался, не сходит ли он с ума. Может, горе стало для него слишком тяжелой ношей, и он вопреки ходу человеческой жизни пытается вернуться в детство? Ве-

роятно, он мечтает превратиться в ребенка, который живет в безопасном мире, полном радостных надежд. А что если он возвратился для того, чтобы воскресить прошлое?

И вдруг я понял, почему он здесь. И, поняв, начал слушать его вполуха. Я даже не глядел на Люка, лишь безразлично кивал. Это была история о том, как мальчик стал мужчиной.

3

Люк

Да, Расс, у папы была лесопилка в Овертоне, в южной части города, недалеко от шоссе. Я часто приходил туда посмотреть, как огромная пила управляется с бревнами. Ничто не сравнится со свежим запахом сосновых стружек, смешанным с дымом парового котла.

Мама выросла на ферме. Ее звали Вильма. Они с папой поженились в 1910 году. После свадьбы мама переехала в белый дом, который отец сам построил. Мы жили в полумиле от лесопилки. В 1913-м в этом доме родился я. Помню, какие крупные руки были у моего отца, помню его черные, как уголь, волосы и густые усы. Он любил рассказывать мне, как устроены разные вещи, — уже до школы я знал, как работает двигатель в машине.

У других детей были сестры или братья, а у меня нет. И это огорчало меня, хотя я никогда не спрашивал родителей, почему так получилось. Я ел не меньше трех раз в день, спал в теплой мягкой постели, учился у своего отца, который всегда возвращался с лесопилки счастливым и довольным, а днем исследовал близлежащий лес и железнодорожные пути. А что еще нужно мальчишке?

Все изменилось в 1920 году. Папа стал приходить домой злым. За обедом и ужином он почти всегда молчал. В то лето я бывал на лесопилке и видел, что там никто не работает.

Однажды я подошел к маме — она как раз складывала одежду — и спросил ее, почему остановилась лесопилка. Мама всегда разговаривала со мной серьезно и ничего не скрывала.

— Понимаешь, у фермеров нет денег. Урожай не приносит им дохода, и они не могут покупать лес.

— Почему так получается?

— Этого никто не знает. Хотя, похоже, все дело в том, что кончилась война. Видишь ли, мы поставляли продукты в Европу. А теперь им не нужно ни наше зерно, ни наше продовольствие.

Мне это показалось странным.

— Неужели жизнь стала хуже из-за того, что закончилась война?

Мама улыбнулась.

— Конечно, нет. Это ужасно, когда люди убивают друг друга. А нашим фермерам просто нужно подождать, пока цены опять поползут вверх. Да и нам с тобой тоже надо набраться терпения.

— А у папы его хватит?

Ее улыбка потухла.

— Работа очень много значит для него. Знаешь, Люк, нам нужно окружить его вниманием и заботой. Не стоит говорить с ним о лесопилке, ладно?

— Ага.

Но когда мы сели ужинать, я забыл о своем обещании и сказал папе, что хотел бы работать вместе с ним, когда вырасту. Тогда он, оттолкнув стул, резко встал из-за стола и молча вышел из дома.

Если фермеры терпят убытки, от этого страдают все горожане, чем бы они ни занимались. Никто не может чувствовать себя спокойно и уверенно. В то лето я редко сидел дома, предпочитал слоняться по лесу.

Зима выдалась такой холодной, что вода в прудах замерзла. Мне казалось, что небо навсегда останется бледно-серым. Но в один погожий апрельский денек я вдруг понял — скоро все наладится. Солнце приятно пригревало, с юга дул легкий ветерок, сладко пахнувший хвоей. К сожалению, в тот день нужно было идти в школу.

На переменке ко мне подошел мой приятель Майк — он был, как всегда, взъерошен — и предложил убежать в лес. Его считали хулиганом. Прежде я никогда не прогуливал с ним уроки, но в тот день мне так сильно, так отчаянно захотелось побывать в лесу, что я согласился.

Мы стали следить за учительницей, которая приглядывала за детьми на спортивной площадке. Когда она на секунду отвернулась, мы прокрались за ограду и направились к железнодорожным путям, соединявшим Овертон и Хендерсон. Балансируя на рельсах, мы двинулись на восток.

Пройдя половину мили, мы свернули в лес. Майк достал из кармана спички и предложил зажечь костер. Для этого нам пришлось собрать целую кучу сосновых иголок, которую мы потом окопали. Майк чиркнул спичкой, и мы увидели, как появились оранжевые языки пламени и белый дым.

— Давай разожжем большой костер! — воскликнул мой приятель.

Мы побросали в огонь хвою, и он весело затрещал, словно был живым существом, которое может радоваться. Языки пламени уже доходили нам до шеи. И тогда Майк сглупил. Он поднял сухую сосновую ветку — длинную, покрытую бурными иглами — и бросил ее в костер. Огонь сразу же охватил ее, и она упала на землю; в этот момент поднялся ветер,

и вдруг у нас возникло уже два костра — один внутри круга, а другой за ним, причем последний разгорался все сильнее. Мы попытались затоптать его, но густой белый дым не давал нам дышать. Казалось, он заполнил все легкие.

Мне стало страшно.

— Нужно позвать кого-нибудь на помощь! — громко закричал я и побежал к железной дороге, к городу, а Майк, наоборот, бросился в глубь леса.

Я ворвался к мистеру Россу в гараж — он находился прямо напротив железнодорожной станции. Через несколько минут я уже вел в лес мужчин, вооружившихся топорами и лопатами. Мужчины боролись с огнем, а я смотрел на них и мечтал побыстрее вырасти и стать таким же большим и сильным, как они.

Огонь отступил, оставив после себя около акра обугленной земли. Увидев, что неприятности позади, я успокоился, но вдруг один из мужчин указал на меня.

— Это ведь он пришел за нами. Видимо, мальчишка сам развел костер.

Мистер Граймс, работавший на железной дороге, позвал меня:

— Подойди сюда, сынок.

А потом положил мне руку на плечо и повел в город. Мы пришли на лесопилку, и он все рассказал отцу.

От гнева у папы глаза чуть не выскочили из орбит.

— У меня столько проблем, а тут еще ты, негодник! — Он показал на огромную колоду. — Ложись.

— Но это Майк устроил пожар, папа!

Однако мои слова ничего для него не значили. Отец снял ремень и высек меня. А работники лесопилки смотрели на порку. Конечно, он наказывал меня и раньше, но никогда не делал этого с такой злостью. Я до сих пор слышу, как в воздухе свистит его ремень, и чувствую боль от ударов.

Когда все было кончено, отец велел мне идти домой. Размазывая по лицу слезы, я опрометью понесся прочь. Я стрелой пролетел по городу, повернул на север, помчался по проселочной дороге и, наконец, очутился в лесу. Я все бежал и бежал и остановился только после того, как у меня пресеклось дыхание. Я упал навзничь на землю, усыпанную хвоей. Мне хотелось плакать, но мало-помалу я успокоился, дыхание выровнялось, и я лег, положив подбородок на руки.

Меня заинтересовало, как движется тень, отбрасываемая старой сосной. Мне и в самом деле казалось, что я вижу, как тень медленно подползает ко мне. Я внимательно глядел на нее. Наконец она накрыла мою голову, затем — спину. Наблюдая за перемещением тени, я пролежал в лесу целый час, не меньше. Было тихо. Боль, причиненная мне отцом, исчезла, словно тень забрала ее с собой.

Вдруг я уловил какое-то движение — это голубая сойка опустила на ветку сосны. Спустя мгновение она перелетела на старый пенек, а потом взмыла вверх.

Я уставился на мертвое дерево. Оно упало на маленький холм, и между землей и пнем возникло укромное местечко. Я подполз ближе и заглянул внутрь. Ствол дерева и большая ветка образовали нечто вроде крыши. Если положить сверху и по бокам несколько бревнышек, получится настоящее убежище! Отличная мысль!

Так что я совсем забыл об утренней порке, Расс. Меня даже не пугало то, что папа может опять наказать меня, ведь я не сразу пошел домой. В следующую субботу я вернулся в лес, срубил топориком ветки и построил маленький домик. Это было мое убежище. Никто не знал о его существовании. В течение трех лет я навещался туда чуть ли не каждый день — летом, конечно. Мне по-прежнему нравилось исследовать лес и речку и ходить по рельсам, но этот шалаш стал моим домом, моим пристанищем. Я и предста-

вить не мог, что в один прекрасный день захочу пригласить туда кого-то еще.

Моя комната располагалась рядом с родительской спальней. По вечерам, перед сном, я слышал, как они тихо переговариваются за стенкой. Мамин голос то становился громче, то умолкал — это было похоже на мелодию, на песню. Папа говорил спокойно, уверенно. У него был низкий голос. Эти звуки убаюкивали меня, и я засыпал, прислушиваясь к ним.

Но иногда родители начинали громко спорить, и тогда я мог различить отдельные слова. Однажды зимой, на следующий день после моего десятого дня рождения, я вдруг проснулся.

— Ты пьян. Не надо мне лгать. Ты же пьян, — взволнованно говорила мама.

— Знаешь, мне едва удастся сводить концы с концами, а тут еще ты... Может, мне продать лесопилку? Тогда у нас будут деньги на молоко. Точно, надо ее продать. Представляешь, что мне заявил Ван Хорн? «В этом году не получится отремонтировать сарай. За арахис я смогу выручить лишь самую малость». А этот крохобор Рейнз? «Можно, я заплачу тебе попозже, Уолтер?» Ненавижу этих болванов! Они все должны мне, но, кажется, никто не собирается платить!

Заскрипели половицы, громко хлопнула дверь. Я услышал шаги на крыльце. Затем все стихло. Вдруг мама опять заговорила. Наверное, сама с собой. Теперь ее голос звучал монотонно, почти как папин. И вовсе не был похож на прекрасную мелодию.

Утром я спросил ребят в школе, что значит «пьяный». Один мальчик сказал мне, что есть такая штука — алкоголь. Чтобы его сделать, нужна какая-то «змеяка». Вкус у него отвратный, и когда его пьешь — начинаешь громко разговаривать.

Через два дня, когда мы сели завтракать и отец уже произнес молитву, мама повернулась ко мне. Она старалась улыбнуться, но по ее глазам я видел, что она вовсе не чувствует себя счастливой.

— У меня хорошая новость. В этом году у тебя появится братик или сестричка.

Папа продолжал молча есть, глядя в свою тарелку. Я задумался над тем, что услышал.

— У тебя будет ребенок, да, мам?

Она кивнула.

Отец, обращаясь ко мне, сухо произнес:

— Твоя мама нуждается в тишине и покое. Если будешь шалить дома или в школе, я тебя накажу. Ты меня понял?

— Да.

Мама перестала улыбаться.

По дороге в школу я, недоумевая, размышлял о том, что услышал сегодня утром. Мне всегда казалось, что, ожидая ребенка, люди радуются. Неужели мои родители также спорили и ссорились, когда на свет должен был появиться я?

Вскоре мама узнала, что Рэйчел Эрвин — она жила на соседней улице — тоже беременна. Они подружились. Рэйчел была невысокая пухленькая женщина чуть моложе мамы. И очень хорошенькая: милое лицо, огромные голубые глаза и блестящие темные волосы. Благодаря Рэйчел мама опять научилась смеяться.

Лето выдалось замечательное. Целыми днями я пропадал в лесу, думая о том, какой у меня будет брат и как я приведу его сюда и покажу свое убежище. А что если сестра? После долгого размышления я пришел к выводу, что девочке домик тоже понравится.

Наступила осень. Начались занятия в школе. Мамин живот стал просто огромным, а вот Рэйчел почти не потолстела.

Однажды ночью я проснулся от того, что отец потряс меня за плечо.

— Одевайся и иди к Эрвинам. Мама вот-вот родит.

Рэйчел застелила диван, дала мне одеяло и сказала, чтобы я ложился спать, а сама поспешила к нашему дому. Папа уехал за врачом.

Но я никак не мог уснуть. Перед глазами стояла ужасная картина: я пытался представить, как ребенок будет выбираться из маминого живота. Наверняка это очень страшно — не зря же мне никто ничего не рассказывает!

Через несколько часов забрезжил серый рассвет. Мрачные мысли не покидали меня. Наконец на стене заплясали солнечные зайчики, и я услышал чириканье воробьев. Эти веселые звуки прогнали прочь жуткие ночные видения.

Кто-то поднимался по крыльцу. Это был отец. Он открыл дверь и посмотрел на меня. Глаза у него были красными, уставшими. Мое сердце бешено забилося.

— Мама хорошо себя чувствует?

— Да. Пойдем, познакомишься с сестренкой.

Я стоял у двери, боясь зайти внутрь, но мама подняла голову, увидела меня и улыбнулась. Глаза ее смеялись. Она махнула мне рукой, и я присел на край кровати. Правой рукой мама держала завернутого в белое одеяло ребенка, ее голова лежала на взбитой подушке.

— Посмотри, какие чудеса творит Господь, — нежно сказала она, приподняв сверток.

Я не мог оторвать от него взгляд — ни разу в жизни мне больше не довелось радоваться так же сильно, как в тот миг, когда я смотрел на этот розовый комочек.

— Можно ее поддержать? — спросил я наконец.

Мама кивнула. Я взял у нее малышку и поцеловал в лобик. Девочка засопела, и я испуганно застыл.

— С ней все хорошо?

— Да. Думаю, ей понравилось, что ты ее поцеловал. Можешь мне заботиться о ней?

Знаешь, Расс, когда она сказала, что мне нужно заботиться о малышке, я ужасно разволновался. Трудно описать это чувство.

— Конечно! Я буду за ней ухаживать!

Я покачал сестренку, а потом передал ее маме.

Немного позже папа опять позвал меня в спальню.

— Люк, мы решили назвать девочку Марта Ли. Так звали мою бабушку. Тебе нравится это имя?

Я кивнул. Тогда мама велела внести это имя в Библию — она лежала около кровати. Отец протянул мне ручку, и я вывел имя сестры и дату ее рождения под той строкой, где было написано мое собственное. Подняв глаза вверх, я увидел, что мама улыбается, а малышка тихо спит рядом с ней. Тогда мне почему-то пришли в голову слова церковного гимна, который мы разучивали в воскресной школе. Ну, ты его знаешь.

*Мир наш яркий и прекрасный,
Всех зверей — больших и малых,
Все, что мило и чудесно,
Сотворил Господь*.*

* Автор гимна — Сесил Фрэнсис Александер. Сочинен в 1848 г.

Лежа в постели, я думал о Марте. Где-то я уже слышал это имя. В школе? В церкви? Наконец вспомнил. Так звали девочку-сорванца из сборника рассказов для детей. Она любила играть в лесу со своими друзьями и собакой. Правда, все называли ее Марти.

Поначалу маме не нравилось, что я придумал сестре такое имя. Она запрещала мне называть ее Марти, но я вновь и вновь принимался за свое. Я старался произносить «Марта», но это имя ей не подходило.

В общем, так продолжалось целый месяц или около того. Папа предпочитал называть девочку не Мартой или Марти, а просто малышкой.

К Рождеству мама сдалась. Да, в Библии было написано, что мою сестру зовут Марта, но в доме все чаще звенело имя Марти.

Расс

Люк очень изменился с тех пор, как я встретил его на кладбище. В его истории прослеживалась логика, и меня больше не беспокоило его состояние. Одно могу сказать наверняка: ему было чем поделиться.

Мы работали чуть ли не до захода солнца, укладывая первый уровень. Зато потом нам не придется вкалывать до седьмого пота. По дороге домой я задумался об ужине, но едва мы вылезли из грузовичка, мне стало ясно, что о нас уже позаботились. Ветерок донес до наших носов приятный запах съестного. Как я и ожидал, на столе лежал жареный цыпленок, завернутый в фольгу.

Я нарезал огурцы и помидоры, и мы поели. Обошлось без болтовни. После ужина Люк какое-то время еще выдерживал паузу, а потом обратился ко мне:

— Расс, я знаю, ты предпочитаешь есть молча, но не мог бы ты объяснить, как здесь оказался этот цыпленок.

— Очень вкусно, не правда ли?

— Ну да. Однако странно, что мы нашли его на столе. Кто мог принести сюда цыпленка?

Это уж было совсем ни к чему. Мы так хорошо поужинали, и вдруг он начинает задавать вопросы. И это только начало!

— Его принесла одна из прихожанок нашей церкви.

Люк удивленно приподнял брови.

— А-а, понятно. Ты приглянулся какой-то вдове?

Я покачал головой и продолжил обглаживать куриную ножку.

— Расс, ты когда-нибудь был женат?

Я утвердительно кивнул.

— Твоя жена умерла?

Еще один кивок.

— Когда?

— Девять лет назад.

— Наверняка какая-то вдовушка положила на тебя глаз! Ты отлично сохранился, Расс, — густые седые волосы, загорелое лицо... Она не в первый раз приносит тебе еду, верно? Знаешь, когда будешь благодарить ее за цыпленка, скажи спасибо и от меня.

Похоже, придется рассказать ему эту историю, иначе он замучает меня вопросами.

— Да, эта женщина уже не раз сюда приходила. Только она не вдова, она замужем. Но благодарить я ее не собираюсь, ведь она и понятия не имеет, что мне известно, кто она такая.

— Как это?

— Все началось в 1939 году — месяцев через шесть после того, как я здесь поселился. Прихожу я как-то раз домой и вижу на кухонном столе яблочный пирог — между прочим, на том же самом месте сегодня лежал цыпленок. Пирог был очень вкусным. Мне казалось, что тот, кто принес его, обязательно объявится, но этого не случилось. Спустя месяц таинственный гость вновь принес мне пирог — с черникой. Я спросил соседей, не видели ли они у моих ворот машину, но они ничего такого не приметили. Что ж, войти можно и с черного хода. Для этого нужно припарковать автомобиль на той дороге, что идет к западу от дома, а потом пройти огородом.

Так продолжалось несколько лет. Каждый месяц мне приносили пирог или цыпленка. Я взял за правило мыть тарелки и ставить их на стол, чтобы тот, кто угощает меня, мог забрать их в любую минуту. Однажды я даже положил на стол записку со словами благодарности. Миску забрали, но мое послание оставили.

Никто так и не признался в том, что приносит мне еду. Но как-то раз — дело было в 1943 году — я ехал из Арпа в Хендерсон по шестьдесят четвертому шоссе, что к югу отсюда. Я посмотрел на проселочную дорогу и увидел, что на обочине около моего огорода припаркован автомобиль. Тогда я тоже остановился на краю дороги и стал ждать. Наконец заинтересовавшая меня машина выехала на шоссе и двинулась к перекрестку. Конечно же я запомнил цвет и марку автомобиля. Дома на кухонном столе меня ждал персиковый пирог. В воскресенье я отправился в церковь и увидел женщину, приехавшую на той машине. Я знаю, как ее зовут, но никогда с ней не разговаривал.

— Ну и кто же это?

Я покачал головой.

— Не могу тебе сказать. Она не хочет, чтобы ее секрет был раскрыт, и я должен относиться к этому с уважением. Слушай, мне давненько не приходилось так долго работать языком. Даже в горле пересохло. Не возражаешь, если сегодняшней вечер мы проведем в тишине?

Люк внял моим словам, и в последующие дни дома мы в основном молчали. Но в Хендерсоне (все это время мы трудились под палящим солнцем) он продолжал рассказывать свою историю — видимо, она не давала ему покоя.

5

Люк

Рэйчел разрешилась от бремени через две недели после того, как родила моя мать. Ее дочку назвали Мари. Но это имя продержалось только полтора года. Наши семьи жили рядом, и поэтому обе малышки проводили вместе много времени. Когда Марти начала говорить, одним из первых произнесенных слов было имя маленькой подружки. Вот только она сократила его до Ри. Это было забавно, и мы быстро привыкли к новому имени малышки. «Мари» просто испарилась, так же как и «Марта».

У Ри были темные волосы и голубые глаза. Никто не сомневался, что она вырастет красавицей, и действительно, так оно и случилось. У Марти волосы и глаза были светло-коричневыми, прямо как у мамы. Она научилась говорить раньше, чем Ри. Ей это очень нравилось, и она с легкостью запоминала новые слова. Когда я возвращался домой из школы, она поджидала меня у двери, и пока я подходил к крыльцу, весело выкрикивала мое имя. Она обожала болтать со мной и радовалась, что может продемонстрировать, сколько новых слов выучила за день. А у Ри был заразительный смех. Все, кто слышал, как она хохочет, улыбались. Мама с Рэйчел утверждали, что Ри научилась так смеяться, чтобы успеть

подумать над тем, что сказать в ответ на слова Марти. Дочка Рэйчел была спокойной девочкой. Зато моя сестренка оказалась настоящей болтушкой!

Я мог возиться с ними часами. После занятий я ходил с Марти к речке, протекавшей в полумиле от нашего дома. Малышка любила там играть: она бросала в воду камушки, разглядывала пауков и ящериц, карабкалась на берег. Конечно, я с нее глаз не спускал. Она же то и дело обращала ко мне свое личико и улыбалась, ее карие глаза светились от радости.

Однажды, вернувшись с прогулки, мы обнаружили, что папа уже пришел с работы. Он сидел на диване, уронив голову на руки. Отец даже не взглянул на меня и Марти, а мама жестом попросила нас уйти в кухню.

— Ему пришлось уволить еще одного парня, — прошептала она. — Остался всего один помощник. Им придется вдвоем таскать, рубить и укладывать бревна. Это тяжело, ведь папа уже не молод.

И тут у меня появилась отличная идея.

— После школы я могу работать на лесопилке.

Мама отвернулась, закрыв лицо рукой. Потом обняла меня. В ее глазах блестели слезы.

— Мой милый мальчик... Ты будешь помогать ему, когда немного подрастешь.

За ужином отец молчал и ни разу не взглянул на Марти, которая весь вечер весело щебетала. Как можно чувствовать себя несчастным, если в доме есть такой прелестный ребенок?

Август 1925 года выдался жарким и засушливым. Я решил сделать тележку, чтобы катать Марти и Ри, и в тот день

как раз обтесывал доски в гараже; внезапно у нашего дома затормозила машина. Из нее вышла Рэйчел и ее муж Том. На месте водителя сидел человек, который, как я знал, работал врачом. У них были хмурые, напряженные лица. Они заметили меня, но никто из них не заговорил со мной. Гости прошли прямо к парадному ходу и постучали. Мама открыла дверь.

Сердце у меня забилося чаще. Почему-то мне стало страшно. В чем же дело? Я подошел к дому. Взрослые тихо разговаривали. Послышались рыдания. Я остановился.

Через минуту вышел Том. Он шагнул ко мне, положил руку на плечо и произнес: «Пойдем в дом». Мы направились к крыльцу, и он сказал: «Твой отец умер. Когда он был на лесопилке, у него случился сердечный приступ».

Мне хотелось бежать куда угодно: на станцию, в лес, в свой домик. Но как же я мог оставить Марти? Поэтому, с трудом передвигая ноги, я поднялся по ступенькам и вошел в дом. Мама лежала на диване. Ее побледневшее лицо было залито слезами. Я кинулся к ней, и она, обнимая меня, вновь и вновь повторяла мое имя. У меня было такое чувство, что теперь я должен заботиться о ней и Марти, но я понятия не имел, как это нужно делать. Мы долго плакали вместе.

На похоронах в церкви было полно народу. Священник говорил о том, как двадцать четыре года назад папа приехал сюда из штата Миссисипи. Ему сразу понравился этот край. Потом он повстречал девушку, родившуюся на востоке Техаса, и полюбил ее. Они поженились, и благодаря им в мире появилось два маленьких человечка.

Но его речь тянулась слишком долго. Я был зол на священника — в церкви летом жарко, как в духовке.

Осенью и зимой маме пришлось сражаться изо всех сил. Нам не хватало денег, но она старалась не показывать, как ее это беспокоит. Она никогда не плакала при нас. Но по ночам, лежа в постели, я слышал, как она всхлипывает, горько и жалобно.

Мне казалось невозможным сидеть сложа руки. Однажды после школы я направился в гараж мистера Росса, папиного друга, чтобы спросить, не найдется ли для меня работы. Я был готов убирать, выполнять мелкие поручения — в общем, делать все что угодно.

Но мистер Росс только покачал головой и сказал: «Дьюи не любит детей». Дьюи работал у него механиком. У него были толстые шея и руки и кудрявые темные волосы. Он обожал жевать табак.

— Знаете, сэр, я ведь помогал отцу ремонтировать машину. Я умею чинить тормозные колодки, чистить головки цилиндра, менять масло. Дьюи будет мной доволен.

Росс бросил взгляд на ноги механика, лежащего под машиной, потом повернулся ко мне.

— Что ж, попробовать можно. Будешь работать три дня в неделю. Десять центов в день. Посмотрим, понравиться ли ты моему помощнику.

«Отойди отсюда». Это были первые слова, обращенные ко мне. Я так и сделал. Потом мне приходилось мести полы и убирать мусор, но я внимательно наблюдал за тем, как Дьюи работает, приносил ему инструменты, тряпку и растворитель, когда они требовались. Через несколько недель Дьюи смирился с моим существованием и стал принимать мою помощь. Он научил меня разбираться в машинах. Я ему многим обязан.

Прошло два месяца, и мистер Росс начал платить мне пятнадцать центов в день. Деньги я отдавал маме.

Наступила весна, и у нас появилась новая надежда. Один человек, которому принадлежала лесопилка, находившаяся недалеко от Лонгвью, заинтересовался отцовским оборудованием и пожелал купить его. Конечно, было очень тяжело смотреть на то, как увозят станки, но полученные деньги нам здорово помогли.

6

Расс

На веранде у миссис Дэниэлс стояли плетеные стулья. В четыре часа мы уложили последнюю шпалу и присели отдохнуть.

Вновь я оказался на перепутье. Ограду мы доделали. Чтобы справиться с остальной работой, мне не требовался помощник. Теперь я мог бы просто заплатить Люку и отвезти его в Лонгвью.

Но работать вдвоем куда веселее. Люк был отличным помощником. Мне уже приходилось искать подручных — порой заказов поступало слишком много. Помнится, мне очень нравилось работать с одним парнишкой, но он предпочел податься на месторождение: там больше платили. На этом все и закончилось.

Люк был сильный мужчина. Он мог упорно трудиться. Да, я не совсем понимал, зачем он рассказывает мне про свою жизнь, но зато он перестал интересоваться моей.

Я уже собирался поговорить о работе, как вдруг Люк спросил:

— Тебе, наверное, еще потребуется помощник? Надо засыпать землю, класть чернозем, сажать узкобородник, кусты и деревья. Вдвоем можно справиться с этим дня за три.

Даже не знаю, с чего я так разволновался. Ведь я и сам хотел попросить его остаться.

— Хорошо, Люк. Спасибо за предложение. Начнем перевозить землю послезавтра, — произнес я, глубоко вздохнув.

— Почему не завтра?

— Завтра воскресенье. В этот день мы не работаем.

Он нахмурился, покачал головой и тихо буркнул что-то себе под нос.

На ужин я пожарил картошку, приготовил кукурузу, порезал лук и помидоры. А еще у нас был вчерашний цыпленок. Мы молча приступили к трапезе.

— Расс, у тебя есть внуки? — вдруг обратился ко мне Люк.

— Шестеро.

— И где они живут?

— В Далласе.

— У тебя сын или дочь?

— Два сына и дочка. Все они в Далласе.

Он отхлебнул чаю, а потом продолжил:

— Ты всегда здесь жил?

— Нет.

— А где же?

— Да мало ли где. На месте не сидел.

— Знаешь, странно, что пожилой человек живет один, в маленьком городке. Почему ты не переселишься в Даллас, поближе к детям?

Я уже начал сожалеть о том, что согласился принять его помощь.

— Мне здесь нравится. Я не люблю большие города.

— И ты всегда работал садовником?

Я замолчал. Не умею врать.

— Нет.

Разумеется, Люк спросил:

— И чем ты занимался?

Я медленно пережевывал пищу.

— Работал в больнице. Но мне бы не хотелось об этом говорить.

Мой помощник пожал плечами и замолчал. Я старался не смотреть на Люка, но чувствовал на себе его взгляд. Удовлетворил ли я его любопытство, или он намерен продолжать расспросы? Возможно, через некоторое время они возобновятся. Еще три дня и три ночи — и Люк уедет. Не стоит паниковать.

Утром, после завтрака, я надел серый костюм и новые туфли и вышел на заднее крыльцо. Люк сидел там, любуясь садом.

— Хочешь пойти со мной в церковь? У меня есть еще один костюм.

Он хмыкнул.

— Я не хожу в церковь. Десять лет назад я узнал о Боге все, что нужно.

Я не нашелся, что ответить. Между тем Люк продолжил:

— А раньше ходил. И Марти тоже — и в церковь, и в воскресную школу. Никогда не пропускала занятия. Знаешь, наверняка большинство детишек, похороненных на кладбище, посещали церковь каждое воскресенье. Тебе случалось думать об этом, когда ты косишь там траву?

Тот человек, которого я когда-то знал, обязательно нашел бы нужные слова. Уж он-то много чего наговорил бы. Но вот мне ничего в голову не приходило, поэтому я просто сел в грузовичок и поехал в церковь.

В пасмурное утро понедельника мы начали перевозить землю и засыпать ее на клумбу.

Люк

Электричество в Овертоне появилось в 1929 году. Том Эрвин подключил его одним из первых. И вот однажды Марти вбежала в дом и задала вопрос, который мама уже давно предполагала услышать:

— А у нас будет лектрический свет, как у Ри?

Мама ответила, что нужно немного потерпеть — сейчас нет денег.

Обычно мы по очереди читали Марти сказки перед сном. В тот день сестренку укладывал я. Поцеловав девочку, я потянулся к лампе — надо было ее потушить.

— Люк, а ты знаешь, как работает лектричество?

— Немного.

— А ты можешь сделать так, чтобы в нашем доме тоже был свет?

Я собирался объяснить ей, почему это невозможно, но Марти смотрела на меня с такой любовью и надеждой, что я просто не посмел ее разочаровать. Я обещал, что займусь этим. Она радостно улыбнулась и крепко обняла меня. Укладываясь спать, я думал о том, что раз Эрвины могут позволить себе электрическое освещение, то и моя семья достойна этого.

Том разрешил мне осмотреть проводку в своем доме. По его словам, ему пришлось заплатить за нее тридцать пять долларов. Я знал, что для нас это слишком дорого. Денег, которые мама получила от продажи лесопилки, едва хватало на продукты, одежду и бензин. Но я продолжил расспросы и выяснил, сколько стоят провода, предохранители, пробки, выключатели, муфты, розетки и патроны для лампы. Кроме того, мы должны заплатить компании за то, что она проложит линию электропередачи к дому. В конце концов я решил, что если я сам займусь проводкой, мы справимся. Но мне нужно было получить согласие мамы.

Мы сели за кухонный стол, и я показал ей план дома, на котором указал те места, где будут находиться розетки.

— А как же ежемесячные счета? Сынок, ты же знаешь, мы едва сводим концы с концами.

— Вряд ли нам придется платить больше четырех долларов в месяц, если выключать свет, выходя из комнаты. Стану работать в гараже по субботам — буду получать восемь долларов. Этого хватит, чтобы заплатить за электричество.

Мама разглядывала мой план.

— Говорят, если проводку проложить неправильно, может начаться пожар.

— Неужели ты думаешь, что я подвергну тебя и Марти опасности? Я знаю, как изолировать провода, мама.

Она прижала руки ко лбу.

— Не заставляй меня принимать решение, Люк.

Это был важный момент. Наши отношения изменились. Я дотронулся до ее руки и мягко сказал:

— Мама, я уже все решил. Мне не нравится, что в доме, где живут Ри и Рэйчел, есть свет, а у нас нет. Так что я сам займусь проводкой.

Она глубоко вздохнула, а потом кивнула.

— Я так устала... Мне нужно прилечь.

— Что с тобой, мама? Ты что-то стала часто жаловаться на усталость... Меня это беспокоит.

— Со мной все в порядке.

Когда я закончил с проводкой, мы устроили небольшую вечеринку. Мы сидели вчетвером за кухонным столом (Ри, само собой, тоже была с нами) и, когда стемнело, выключили керосиновые лампы. Я поднялся, повернул электрическую лампочку — и кухню залил яркий свет. Все в восторге захлопали в ладоши. Мама сказала, что гордится мной, а потом добавила: жаль, что папы нет с нами.

В том году я учился в девятом классе. В сентябре ко мне подошел Том Эрвин, отвел в сторонку и предложил играть в футбольной команде. Мне понравилась эта идея. Я увлекся футболом. Меня назначили полузащитником, и я принял участие во второй игре сезона. Больше в этой команде не было ни одного девятиклассника. Марти, Ри и мама приходили на матчи, чтобы поболеть за меня.

В 1930 году меня выбрали вторым капитаном. В третьем матче мы играли против футболистов из Хендерсона. Они были нашим главным противником. В конце первого тайма я посмотрел на трибуны, надеясь увидеть мою личную команду болельщиц. Марти и Ри действительно сидели на скамьях, но мамы там не было. Рядом с ними я заметил Вики Опп, темноволосую и очень симпатичную девочку на год младше меня. Училась она прекрасно. Мы редко разговаривали, но я часто видел, как она болтает с мамой или сестрой, когда приходит посмотреть на нашу игру.

Второй тайм был крайне напряженным. Преимущество оказывалось то на нашей стороне, то на стороне противника. Я выбивался из сил. В конце концов мы выиграли, и толпа радостно взревела.

Подойдя к дому, я увидел около ворот машину. Я узнал ее, и мое сердце бешено заколотилось. Она принадлежала врачу, который приезжал к нам пять лет назад, чтобы сообщить о смерти отца. Я взбежал на крыльцо и рывком открыл дверь.

Рэйчел и Вики поднялись, чтобы поприветствовать меня. Сестренка сидела на стуле, утирая слезы.

— С ней все в порядке, Люк, — успокаивала меня Рэйчел. — Там доктор. Ей трудно дышать.

— Но что случилось?

— Во время матча она сказала Марти, что плохо себя чувствует и хочет пойти домой. Я обещала привести девочек после игры. Когда мы вернулись, Марти обнаружила, что твоя мама лежит в постели вся в поту и едва дышит. Тогда я побежала к миссис Эрвин, а потом к доктору.

— Мне страшно, — заплакала Марти. Я наклонился и обнял ее.

Врач объяснил, что маме уже лучше, но она нуждается в покое и в понедельник ей нужно сдать анализы в больнице в Тайлере. Рэйчел сказала, что принесет нам что-нибудь поесть, и они с доктором уехали. Вики ушла только после того, как три раза повторила, что мы должны обязательно известить ее, если нам понадобится помощь.

В начале октября по городу разнеслась весть о том, что в скважине «Дэйзи Брэдфорд № 6», принадлежащей мистеру Джойнеру, появилась нефть.

Тогда ему было столько же лет, сколько сейчас тебе, Расс, и он уже давно занимался промыслом нефти. Джойнер жил в Далласе, но проводил много времени в Овертоне. Он взял в аренду землю, однако лишь через пять лет после заключения договора сумел собрать достаточно денег, чтобы начать

бурить. Джойнер построил буровую вышку у фермы миссис Брэдфорд, недалеко от дороги, ведущей из Овертона в Хендерсон. Но трубы засорились, и ее пришлось забросить. Рабочие соорудили еще одну вышку, но и там случилась какая-то неприятность. Над ним подсмеивались... Никто не верил, что Джойнеру удастся найти нефть. Прежде компании уже пытались добывать ее в округе Раск, но здешние скважины были обычными дырами в земле.

Однако старик упорно продолжал свое дело. Он купил новый буровик и начал строить третью вышку. Это продолжалось полтора года и в конце концов ему удалось пробиться через песок, в скважине забила нефть.

Новость всполошила весь округ, но я не обратил на нее особого внимания. Мама по-прежнему болела, и мы постоянно получали счета за докторов и лекарства. Я решил бросить школу и на рождественских каникулах поискать работу. Конечно, мне бы очень хотелось остаться в гараже Росса, но я знал, что он не сможет нанять еще одного механика.

Я уже слышал про депрессию, но не понимал, что это значит на самом деле. Думал, она не коснется маленьких городов. Когда мне пришлось искать работу, выяснилось, что это не так. Я ездил в Тайлер, Хендерсон, Килгор, был готов взяться за любое дело, однако никто не хотел меня нанимать.

Рождество мы справляли у Эрвинов. Рэйчел приготовила прекрасный ужин. Было так приятно слушать веселую болтовню и смех Ри! Мне почти удалось забыть о проблемах. Мама, казалось, чувствовала себя лучше. Она меньше кашляла и ела с аппетитом. Но я как будто видел нависшее над ней темное облако. Чахотка. Как я ненавидел это уродливое слово!

Лонгвью оставался моей последней надеждой. Через два дня после праздника я направился туда. Помню, было

очень холодно. Миновав Килгор, я увидел на краю дороги грузовик. Видимо, водитель ехал на юг. Теперь он стоял у кабины, накинув на голову капюшон и уперев руки в боки. Я остановился на обочине, вылез из машины и подошел к нему. Это был низкорослый мужчина с рыжими кудрявыми волосами.

— Что случилось?

— Спасибо, что остановился, дружище. Мне пришлось притормозить, чтобы хорошенько уложить груз. Надеюсь, двигатель будет работать нормально. Наверное, аккумулятор садится.

— Не возражаете, если я посмотрю?

— Давай.

Я включил фары грузовика. Все в порядке. Тогда я взял из своей машины кабель, один конец которого присоединил к аккумулятору, а второй — к соленоиду. Искры не было.

— Скорее всего поврежден соленоид. Знаете, я работаю в автомастерской, нам часто приходится чинить такие поломки.

Мужчина запустил пятерню в свою шевелюру.

— Вот это номер! Теперь механика надо искать... Ну и денек...

На радиаторе лежала электрическая лебедка. Машина стояла на небольшом пригорке. Если удастся вытащить автомобиль, то, возможно, я смогу помочь.

Я размотал трос и привязал его к сосне, растущей недалеко от дороги, потом залез в машину, повернул ключ, включил сцепление, а затем первую скорость. Трос натянулся. Когда грузовик проехал немного вперед, я отпустил сцепление, и мотор заработал. Я перевел рычаг скоростей в нейтральное положение, нажал на тормоза и выскочил из машины.

— Ты молодец, парень! Просто молодец! Сколько я тебе должен? — спросил рыжеволосый.

— Ничего. Но, может, вы знаете, где найти работу? Мой отец умер, моя мать больна, а еще надо заботиться о маленькой сестренке...

Он задумался на минуту.

— Садись в машину и поезжай за мной. Сам я, к сожалению, ничего не решаю, но кто знает, вдруг мистер Кейн захочет тебя нанять?

Мы миновали Килгор и выехали на проселочную дорогу, которая шла по равнине. И тогда я впервые в жизни увидел буровую вышку.

Построенная из дерева, она была выше самой гигантской сосны, росшей в соседнем бору. Внизу располагалась деревянная платформа высотой около сорока футов. С задней стороны платформы были установлены огромные стальные цилиндры, обмотанные проводами. А еще я разглядел там цепные приводы, шестерни и трубы, из которых выходил дым. Наверху буровой вышки находился полиспаст*, а с блока свободно свисали металлические рукава. Справа я заметил длинные трубы, собранные в кучу; еще какие-то трубы лежали на сетке, установленной рядом с вышкой.

Мой новый знакомый вышел из машины и велел мне подождать, пока он поговорит с начальником. Я решил посмотреть, как тут все устроено. Скоро мне стало понятно, для чего нужны металлические рукава. Нефтяники брали трубы и присоединяли их к тем, которые уже находились в отверстии. А рукава монтировались для того, чтобы снизить ряд буровых штанг.

Я даже вскарабкался на грузовик, чтобы лучше видеть. Меня просто заворожила эта картина. Люди на платформе

* Грузоподъемное устройство, представляющее собой соединение нескольких подвижных и неподвижных блоков.

управлялись с громадными тяжелыми трубами так легко, будто те были сделаны из картона!

Вдали показался водитель. Рядом с ним шел какой-то мужчина. Я спрыгнул с грузовика. Начальника звали Билл Кейн. Он поблагодарил меня и задал несколько вопросов: где я работал раньше и тому подобное. В конце концов он сказал, что может взять меня разнорабочим, но первый день придется трудиться бесплатно. Если он останется мной доволен, то начиная с завтрашнего дня я буду получать четыре доллара за смену. Мы ударили по рукам.

Мое первое задание заключалось в том, чтобы помочь водителю и рабочим перетаскивать трубы из грузовика на сетку. Пока мы ждали остальных, мой новый знакомый рассказывал о нашем начальнике.

— Его окрестили Кейн-Чековая-Книжка. Как-то он уволил всех парней с месторождения в Уортхаме и лично явился для того, чтобы выдать им последнюю зарплату. Характер у него крутой, но если не увильнуть от работы, жаловаться не приходится.

— Что ж, тогда мы поладим.

— Для такого юного паренька ты держишься очень уверенно... Это хорошо. Будешь работать на месторождении — не робей.

— На каком месторождении?

— Понимаешь, эту скважину начали бурить две недели назад, и там появился особый песок, который показывает, что тут должна быть нефть. Наша вышка находится в тринадцати милях от скважины Джойнера. Когда здесь забьет нефть, а это может случиться хоть завтра, сразу станет ясно, что площадь месторождения — не менее тринадцати миль. Это большой участок. Представляешь, что здесь начнется? Все кому не лень примутся бурить землю. И ты сможешь выбирать любую работу.

Что ж, этот человек знал, о чем говорит. Правда, он ошибался насчет размера месторождения.

Целый день я трудился не покладая рук. Мне пришлось копать ямы для опор из бетона и рубить дрова для бойлеров*. По дороге домой мне казалось, что я умираю от голода. К счастью, мама и сестра оставили мне жаркого и картошки.

Марти огорчилась из-за того, что я брошу школу, а вот мама даже не возражала. Однако когда я сказал ей, что начну работать уже на следующий день, то есть в воскресенье, она расстроилась:

— Не следует работать в этот день. Неужели среди тех, кто там управляет, нет верующих людей?

Я объяснил, что нужно как можно быстрее разведать, есть ли в скважине нефть, но ей эта причина показалась несущественной.

В воскресенье утром все собрались, чтобы приступить к разработке скважины. Люди были очень взволнованы и хотели посмотреть, как это произойдет. Моя работа заключалась в том, чтобы держать бойлер разогретым.

Сначала в скважину погрузили ковш, при помощи которого вычерпывали грязь и воду, чтобы нефть быстрее поступала в специальное устройство. Ковш работал несколько часов, но нефти не было видно.

В одиннадцать с вышки раздался странный низкий звук. Вдруг трос вылетел из скважины, за ним выскочил ковш, потом грязь, вода и, наконец, с оглушительным ревом в воздух поднялся столб черной жидкости.

Все моментально спрыгнули с платформы и помчались на юг. Меня уже предупредили, что когда хлынет нефть, может начаться пожар. Я побежал на север, поскольку стоял с

* Бойлер — устройство для подогрева воды в системе снабжения теплом и горячей водой.

другого края. Но ветер дул с юга, и вскоре я весь был покрыт черными скользкими каплями. Мои волосы и одежда промокли насквозь. А те парни, которые успели отбежать по-дальше, вопили и улюлюкали.

Мистер Кейн повернул клапан вниз платформы, чтобы направить нефть прямо в специальный резервуар. Приблизившись к платформе, я увидел, как из толпы вышел какой-то мужчина.

— Я схожу за мамой, Билл. Сейчас она, наверное, как раз выходит из церкви, — обратился он к Кейну.

Я спросил начальника, почему парень захотел привести сюда свою мать.

— Это Малкольм Крим, его мать владеет этой землей. Скоро она разбогатеет.

Позже именем этой женщины была названа скважина «Лу Делла Крим № 1», вторая по величине на месторождении в Восточном Техасе.

8

Люк

Да, Расс, это было странное время. В 1931 году мы уже не узнавали знакомый с детства мир. К нам стекались люди со всех уголков страны — в основном мужчины, но, конечно, приезжали и женщины, и семьи. Они прибывали в товарных вагонах, на машинах; некоторые путешествовали автостопом. И все потому, что здесь их ждала работа, — нужно было качать нефть из земли.

Что и говорить, водитель здорово ошибся насчет площади месторождения. Оказалось, его длина — сорок миль, а не тринадцать. Огромный участок, самый большой в стране! Четыре сотни квадратных миль, и каждый дюйм земли таил в себе нефть!

Овертон находился в некотором отдалении от западной границы месторождения. Мы были этому рады, ведь иначе наш городок превратился бы в подобие Килгора.

А Килгор в то время был настоящим ульем. В декабре там проживало семьсот человек, в январе уже десять тысяч. Повсюду пестрели палаточные городки. Килгор строился стремительно: дешевые домики, гостиницы, общежития, автомастерские, склады, киоски, кафе, больницы, бакалейные лавки, лесопилки, школы, кабаки, парикмахерские.

Но на улицах даже тротуаров не было. Видели бы вы, что там творилось, когда шел дождь! Такая грязь, что только мулы могли как-то по ней передвигаться. Странное это было зрелище: упряжки мулов, везущих бойлеры и трубы по настоящему болоту.

И еще запах. Девять тысяч людей жили в палатках, канализации, конечно, никакой. Когда дул ветер... это было ужасно. Буровые вышки возводили прямо в городе, сотни вышек. Люди сносили здания, чтобы построить вышки, ставили их рядом со своим жильем. Их не было разве что посередине улиц. В общем, это раньше Килгор был городом. Теперь он превратился в лагерь нефтяников и напоминал густой лес, в котором вместо деревьев росли буровые вышки.

Переселенцы в основном были простые, хорошие люди, желающие работать на нефтепромыслах. Но не только. Еще к нам поспешили картежники, мошенники, маклаки*, проститутки, воры, бутлегеры**. Даже убийцы. Их привлекали деньги, которые, казалось, били из-под земли фонтаном, словно нефть.

Я часто бывал в Килгоре. Мистер Кейн был мной доволен, и я продолжал трудиться на вышке. После того как нефть забила на скважине «Крим», мы стали бурить к северу от Килгора, и мне приходилось проезжать через этот город каждый день. Я ненавидел дожди. Пару раз я вынужден был нанять погонщика мулов, чтобы тот помог мне вытащить машину из грязи.

Рабочий день начинался в шесть утра и заканчивался в шесть вечера. Каждый раз я с нетерпением считал минуты до возвращения домой, ведь там, приготовив вкусный ужин, меня дожидались мама и сестра.

* Маклак — здесь: мелкий спекулянт.

** Бутлегер — торговец контрабандными спиртными напитками в годы сухого закона (1920—1933) в США.

Мама похудела на двадцать фунтов, но по крайней мере не чувствовала себя хуже. За ужином она выглядела уставшей, но всегда ждала моего возвращения, потому что знала, как это для меня важно.

Однажды вечером я стал рассказывать, что творится в Килгоре. И добавил:

— Нам очень повезло, что наш дом находится в Овертоне.

— Люк, а ты можешь отвезти нас туда, чтобы мы посмотрели на леди в пижамах? — внезапно пискнула Марти.

Мы с мамой переглянулись.

— Откуда ты знаешь об этих леди?

— В школе рассказывали. Один мальчик был в Килгоре с папой и мамой. Он видел, как по улицам ходят тети в пляжных пижамах.

— Зачем тебе они? Это нехорошие женщины, — обратился я к сестренке.

Мама покачала головой.

— Я так и знала, что они объявятся. Лучше бы им не приезжать в Овертон.

— А почему ты говоришь, что они нехорошие? — заинтересовалась Марти.

Мне показалось, что я должен ответить на ее вопрос, как бы это ни было трудно.

— Они разрешают мужчинам целовать и трогать себя за деньги.

— Не стоит углубляться в эту тему, Люк, — повысила голос мама.

Малышка захихикала и пожелала узнать, сколько же им платят, но мама твердо прекратила этот разговор.

В начале апреля я вернулся домой, горя от нетерпения поделиться хорошими новостями. Но мама на мое сообще-

ние отреагировала прохладно. Мы сели за стол, я произнес молитву, а потом сообщил:

— Меня повысили. Теперь я буду отвечать за целый ярус. Мама нахмурилась.

— Мне это не нравится. Что это значит?

— Я стану работать на одном из ярусов: соединять трубы, выходящие из скважины. Мне будут платить семь долларов, а не четыре. Так что у нас появятся деньги на оплату счетов. Мы даже сможем немного откладывать.

— Это не опасно, сынок? Пожалуйста, будь осторожен.

— Мне придется начать уже завтра. Ночная смена.

— Семена? Там есть семена? — удивилась Марти.

— Нет, звучит похоже, но это не семена, а сме-на. Я буду работать с шести вечера до шести утра, как и все новички.

Домашние немного расстроились из-за того, что мы не сможем ужинать вместе, но я успокоил их, сказав, что мы будем видеться вечером — перед тем, как я уеду на место-рождение.

Новая работа не показалась мне сложной. Нам приходилось поторапливаться, когда мастер вынимал трубы из скважины, быстро менять одну из ее частей или доставать из нее стержень, а потом столь же быстро засовывать ее обратно. Тяжелее всего было перед рассветом. Когда устаешь, можешь получить травму. Многие парни потеряли так палец, а то и два, да я и сам чуть было не поранился несколько раз.

Но я был рад тому, что работаю по ночам: лето стояло очень жаркое и температура поднималась до ста градусов*. Днем я, конечно же, спал, хотя это было не так уж просто — простыни становились мокрыми, несмотря на то что меня обвевал легкий ветерок.

* Здесь и далее температура дается по шкале Фаренгейта.

Обычно мама или сестренка стучали в дверь в два часа дня и будили меня. В тот августовский день Марти прокричала:

— Эй, живее вставай! Одевайся! У нас новости.

Я оделся, побрился и прошел в гостиную. Увидев меня, малышка вскочила с кресла:

— Знаешь что? Сегодня ты на работу не пойдешь! Губернатор закрыл месторождение.

Мама кивнула.

— Да, похоже на то. Он даже прислал национальную гвардию, чтобы проследить, как выполняется распоряжение. По его словам, это единственная возможность сдерживать цены на нефть.

Меня это не удивило. Я знал, что губернатор Оклахомы Альфальфа Билл Мюррей уже закрыл там все скважины. Теперь это намерен проделать Росс Стерлинг.

— Странно как-то, — недоумевала мама. — Неужели людям не нужна нефть?

— Дело в том, что мы производим ее больше, чем требуется нефтяным компаниям, и поэтому цена падает. Когда нефть забила в скважине Джойнера, баррель стоил один доллар, а сейчас — двадцать пять центов, и скоро будет стоить еще меньше. Такое положение никого не устраивает.

— Значит, ты потерял работу, сынок?

— Еще не знаю. Бурение и добыча нефти — вещи разные. Пойду-ка я в гараж и парикмахерскую, послушаю, что говорят.

9

Люк

У нас в Овертоне был парикмахер по имени Эл Фишер. Знал бы ты, что это за человек, Расс! Помещение принадлежало другому парню — Джиму, и они работали вместе. Я, конечно, не помню, как стригся в первый раз, но, видимо, папа решил, что обслуживать меня будет Эл, а не Джимми — с тех пор так оно и повелось.

Эл был очень маленького роста — пять футов пять дюймов, на три дюйма ниже своей жены Дорис. На его круглом лице всегда светилась добрая улыбка. Он никогда не хмурился. После чьих-нибудь похорон посетители парикмахерской старались вести себя пристойно, выдерживали грустный тон, и Эл тоже пытался соответствовать моменту, но уже через несколько минут начинал улыбаться. На него не действовало общее настроение, он предпочитал создавать его сам. Парикмахерскую никак нельзя было назвать скучным местом.

Само собой, этот весельчак обожал молоть языком, причем его совсем не волновало, отвечают ли ему. В Овертоне было полно серьезных, очень серьезных людей. К примеру, некоторые друзья моего отца — они никогда не пустословили. Только бизнес, бизнес... Что ж, и они ходили стричься,

и Эл беседовал с ними. И знаете что? Как только они понимали, что говорить им вовсе не обязательно, они сразу начинали отвечать Элу. Наш парикмахер отлично умел с ними управляться.

Когда мне исполнилось восемь лет, у Эла и Дорис родился первый ребенок. Девочку назвали Эвис. У нее были светлорусые волосы — почти блондинка. Да, чего мы только не узнавали о ней, пока нас стригли! Она отчебучила это. Съела то. Сказала первое слово. Встала на ножки. Сделала первый шаг. Мы выслушали много разных историй.

Через полтора года появилась на свет вторая девочка — Дарла. Ее волосы были темнее. Теперь нам рассказывали все о Дарле (не забывая, конечно, про Эвис). Некоторое время спустя родилась Энни — она уже была брюнеткой.

Фишеры казались самой обыкновенной семьей. Ничего особенного, думали мы. Но когда Эвис исполнилось четыре года, случилось нечто поразительное. Через несколько дней, естественно, все уже знали о том, что произошло.

Воскресным утром семья парикмахера, как обычно, отправилась в церковь. Эл и Дорис оставили дочек в детской комнате. Прошел час, и Дарла с Энни совсем потеряли терпение: они кричали и плакали. Когда служба закончилась, родители подхватили девочек, приказав Эвис следовать за ними. Малышки продолжали хныкать. Эл и Дорис возвращались домой, пребывая в полной уверенности, что старшая дочь идет позади. Потом Дорис покормила Дарлу и Энни, постаралась их успокоить и начала готовить обед. Был уже час дня, когда она позвала Эвис. Но ее не было дома. Эл бросился ее искать, сходил к соседям. Но девочку никто не видел. Он, конечно, забеспокоился и вернулся в церковь. Услышав звуки пианино, Эл понял, что они раздаются из комнаты для детей.

В этом помещении стоял старый инструмент. На скамейке, подложив под себя два сборника церковных гимнов, си-

дела Эвис. Перед ней лежал раскрытый псалтырь, и она играла гимн «Соберемся вместе». Тот самый, который исполняется на четыре голоса.

Эл говорил нам, что некоторое время он стоял столбом, не веря своим глазам. Но когда Эвис закончила играть, он подошел к девочке и спросил:

— Как ты этому научилась, доченька?

Эвис с гордостью посмотрела на него и сказала:

— Мистер Бейкер объяснил мне, как называются ноты и где они находятся на клавиатуре. Каждую неделю я немножко занималась. Сегодня мне захотелось выучить этот гимн, вот я и осталась.

— А... аккорды? — спросил Эл.

Эвис нахмурила бровь:

— Да, папа, это не так-то просто. У меня руки слишком маленькие. Вот мне и приходится быстро «прыгать» пальцами, зато так мне почти удается нажать аккорд.

Эл пытался рассердиться на нее, ведь она не послушалась их и не пошла домой, но просто не смог этого сделать. Он сказал только, что мама беспокоится и что им пора идти. Они отнесли псалтыри в церковь и вернулись домой. Целый день Эл и Дорис ломали голову над тем, как семья из пяти человек, живущая на заработок парикмахера, сможет позволить себе купить пианино.

В общем, они нашли инструмент, который был в чуть лучшем состоянии, чем тот, что стоял в церкви. Кроме того, они познакомились с учительницей музыки — миссис Гэддис. Она согласилась заниматься с Эвис, и за два месяца та окончила курс для начинающих, рассчитанный на год.

Дарле и Энни, видимо, очень нравились звуки пианино, которые раздавались во время занятий. Когда средней сестре исполнилось три года, она тоже начала учиться и прошла курс за шесть недель. Миссис Гэддис сказала родителям, что

Дарла, возможно, способнее Эвис, но их старшая дочь лучше понимает музыку. Эл говорил потом, что он так и не уразумел, о чем это она толковала.

Энни стала заниматься музыкой в пять лет, а закончила уже через год. Эл предположил, что ей не хотелось соревноваться со старшими сестрами. Полгода она не подходила к пианино, зато потом начала играть с еще большим жаром, как будто хотела нагнать Эвис и Дарлу.

Все три девочки были чрезвычайно одаренными. Им даже дали прозвища — Мелодия, Гармония и Ритм. Но сестрам не нравилось, когда их так называли, и вскоре об этих именах забыли.

Эл и Дорис всегда говорили, что не понимают, откуда у дочерей такие способности, ведь они сами не умели играть ни на одном музыкальном инструменте. Но как-то раз какой-то посетитель парикмахерской сказал, что талант Эла — его золотые руки. При помощи ножниц и расчески он творит чудеса. Это его призвание. Элу пришлось по душе такие слова, и, немного подумав, он заметил, что у Дорис тоже золотые руки. Она отлично шьет и готовит. Видимо, девочки просто использовали свой талант в другой области. «Без музыкантов, поваров и парикмахеров никак не обойтись», — говорил нам Эл с улыбкой.

Люк

Эл и Джим ничего не знали о том, будет ли продолжаться бурение на месторождении, и я пошел в гараж. Дьюи и мистер Росс были рады видеть меня, хозяин даже предложил мне вернуться, поскольку теперь из-за нефтяного бума у них прибавилось работы. После его слов я чуть-чуть приободрился. Поблагодарив мистера Росса, я обещал, что вскоре дам ему знать о своем решении. Однако он ничего не мог сказать о том, как пойдут дела на участке.

Было ясно: для того, чтобы об этом разузнать, придется ехать к буровой вышке, которая находилась в нескольких милях к северу от Килгора. Я попрощался с Дьюи и мистером Россом, повернулся к выходу и едва не налетел на Вики Орт.

Она удивилась, но тут же широко улыбнулась.

— Привет, Люк.

— Здравствуй, Вики. Что, готовишься к последнему школьному году?

Она кивнула.

— Да. А ты не хочешь вернуться в школу? Ты мог бы нас нагнать. И тогда бы мы окончили школу вместе.

— Нет, не могу. Я должен платить доктору за мамино лечение. Нам нужны деньги. Слушай, а ты-то что здесь делаешь?

— Мама велела мне отвезти сюда машину — надо поменять колодки. Она считает, что если уж я вожу автомобиль, то должна заниматься и ремонтом.

Мы оба поглядели на машину, и Вики добавила:

— Скажи мне, Люк, что ты делаешь на месторождении? Я как-то остановилась поболтать с Марти, и она сказала мне, что ты там горб ломаешь. Что это значит, я не понимаю. У тебя же нет никакого горба!

Я засмеялся. Потом понял, что не могу оторвать взгляд от ее лица, от ее голубых глаз. Она по-прежнему смотрела на меня и улыбалась. У меня появилась идея.

— Послушай, Вики, я собираюсь смотаться на буровую вышку, надо узнать, буду ли еще там работать. Хочешь поехать со мной? Тогда я покажу тебе, что значит ломать горб.

Улыбка продолжала сиять на ее лице.

— Я бы с удовольствием, но мне нужно дождаться, пока Дьюи закончит чинить автомобиль, а потом заплатить ему.

Я повернулся к механику.

— Эй, Дьюи, мы с Вики собираемся съездить кое-куда на моей машине. Она заплатит, когда мы вернемся, хорошо?

— Конечно. Скоро все будет готово.

Через полчаса мы остановились на небольшом холме — отсюда Вики могла полюбоваться на вышку, — и я увидел около скважины людей. Один парень сказал мне, что в указе губернатора ничего не говорится об остановке бурения. Так что все пойдет, как раньше.

Я предупредил Вики, что вечером мне придется приступить к работе, а она спросила, показав на вышку:

— И что там происходит?

Я открыл дверь машины.

— Здесь такой приятный ветерок. Пойдем к тому дубу, постоим в тени, и я расскажу тебе, как все устроено.

Мы подошли к огромному дереву, которое росло в сорока ярдах от вышки.

— Сейчас идет процесс бурения, — начал я свой рассказ. — В этом отверстии находится труба длиной две тысячи девятьсот футов. Вчера вечером мы были на отметке две тысячи семьсот. Каждый день скважина становится глубже на триста футов. Нужно пробурить еще пятьсот, чтобы добраться до нефти.

— Можно я задам глупый вопрос?

— Конечно. Хотя я уверен, что он совсем не глупый.

— Как они достают грязь из этой дыры?

— Не грязь, а глину. Видишь шланг наверху квадратной трубы? Через этот шланг по пустой трубе выкачивают глину, ну а после того как она доходит до нижнего конца, ее выбрасывают. В глине находится все, что остается после бурения, и таким образом это оказывается наверху — между трубой и стеной скважины. Кроме того, глина охлаждает бур — иначе он перегреется из-за трения.

— А там стоят рабочие?

— Да, двое из них трудятся на первом ярусе. А тот, который положил руку на рычаг, — это бурильщик. И еще один управляет на буровой вышке — вон там, наверху, на трехтрубке, видишь? Скоро им придется поменять колено в трубке, так что ты сможешь посмотреть, как это делается.

Я взглянул на Вики. Она улыбалась.

— Что-что? Какая трубка?

— Трехтрубка. Это наверху, через три стыка.

Вики засмеялась, положив руку на лоб.

— Что смешного? — поинтересовался я.

Девушка покачала головой.

— Вы — мужчины. И ваши словечки... — Она вновь расхохоталась.

Через пару минут люди стали присоединять к трубе новое колено. Я объяснял Вики, что происходит.

— Смотри, они ставят на ведущую бурильную трубу — ее надо вытащить — грузоподъемники. А грузоподъемники — это то, что свисает с талевого блока, ну, с этой штуки, похожей на барабан.

Ага, теперь они подняли бурильную трубу и ставят ее на стапеля, чтобы удержат укладку. Стапеля достаточно большие, а концы трубы расширены, из-за этого она остается на месте. Теперь рабочие накладывают щипцы на второе колено, чтобы ведущая труба и верхние стыки не вращались. Видишь, как бурильщик поворачивает буровой ротор и отвинчивает верхние колена?

Так, теперь они освободили ведущую трубу и верхние стыки. Они подержат их в ответвлении ствола скважины — мы называем ее «крысиная нора» — минуту-другую, пока не возьмут новое колено.

Вики прыснула. У нее в глазах блестели слезы. Я улыбнулся. Она долго смеялась, потом вытерла слезы и сказала:

— А мне тоже приходилось работать со щипцами.

— Да ну?

— Ага. Я ими пикули* из банки вытаскивала.

Мы оба захохотали.

— Что касается колен, то о них мне тоже кое-что известно.

Мы оба развеселились еще больше. Смотрели друг на друга и просто не могли не смеяться. Наконец мы успокоились, но тут ее губы задрожали, она прошептала: «Крысиная нора!» — и все началось сначала.

* Мелкие овощи, маринованные в уксусе с пряностями. Употребляются как приправа к рыбным и мясным блюдам.

Когда мы все-таки утихомирились, Вики повернулась к вышке.

— Так значит, эта квадратная штука называется ведущая бурильная труба, да?

— Правильно.

— У меня есть двоюродный брат. Он работает ведущим на радио. — Она улыбнулась, и я тоже ответил ей улыбкой.

Вики помолчала, потом, взглянув на скважину, спросила:

— А почему труба квадратная, Люк?

— Для того чтобы буровой ротор мог закручивать трубы.

— Как это?

— Дай мне руку, я тебе покажу.

Я взял ее левую руку, положил большой и указательный палец на запястье и начал вращать его по часовой стрелке.

— Видишь, твоя ладонь плоская, и я могу использовать это для того, чтобы при помощи ее веса начать вращение.

Я взглянул в ее голубые глаза. Казалось, они стали больше. Вики уже не улыбалась.

Тогда я положил пальцы на ее локоть.

— А здесь твоя рука округлая, и вращать ее тяжелее. И поэтому ведущая бурильная труба имеет квадратную форму: четыре плоские поверхности помогают создавать так называемый вращающий момент.

Я отпустил ее руку.

— А мне можно попробовать? — спросила Вики. Она подалась вперед и взяла меня за руку — не за правую, которая была к ней ближе, а за левую. Я повернулся к ней. Мы стояли лицом к лицу. Девушка положила пальцы на мое запястье и начала тихонько вращать его. «Вращающий момент», — сказала она мягко и кивнула.

Потом она отпустила мою руку, как это сделал я минуту назад.

— Наверное, для такой работы нужны большие, сильные руки? — спросила она.

Я кивнул.

Она посмотрела мне в глаза, потом перевела взгляд на губы. Ее рот немного приоткрылся. Я знал — она хочет, чтобы мы поцеловались. Но я этого не сделал: просто смотрел на нее.

— Поехали в Килгор, — предложил я после минутной паузы, — выпьем газировки с сиропом.

Она улыбнулась, потрепала меня по руке и сказала:

— Отличная мысль.

Наверное, мне стоило ее поцеловать. Позже я часто думал: решишь я тогда — и все сложилось бы иначе. Но я испугался. Вики была красивой, умной, она готовилась к поступлению в университет, а я — обыкновенный работяга.

Люк

В сентябре губернатор разрешил возобновить производство, но ввел квоту на добычу нефти. Это было сделано для того, чтобы цены оставались на прежнем уровне. Такой порядок назывался пропорциональным. Разумеется, многим нефтяным компаниям и землевладельцам новые правила пришлось не по вкусу, и они всячески мошенничали: прятали трубы, тайно провозили нефть на грузовиках ночью. Национальная гвардия оставалась на месторождении; солдатам приходилось туго, поскольку отследить контрабандную нефть было нелегко.

На моей жизни введение квоты никак не отразилось — бурить разрешали сколько угодно. То и дело появлялись новые скважины, приходили новые люди. В конце 1931 года (в субботу вечером, как сейчас помню) я услышал хорошую новость и едва дождался конца смены — мне не терпелось поделиться своей радостью с мамой и Марти.

Я вернулся домой в воскресенье утром. Мама сидела в постели, а Марти уже оделась и собиралась идти в воскресную школу. Войдя к маме в спальню, я объявил:

— Теперь я буду работать днем. Уже со следующей недели. Начну жить, как все нормальные люди: днем работать, а ночью спать.

Марти засмеялась и захлопала в ладоши, а мама потрепала меня по руке:

— Что ж, это чудесно, милый.

— Да, я это заслужил! Сейчас бурят много новых скважин, с каждым днем компаниям требуется все больше людей, и поэтому опытные рабочие такие, как я, например, могут, если захотят, выходить в дневную смену.

— Замечательно! Нам этого так не хватало! А то одни беспокойства...

— А что случилось?

Мама вздохнула.

— Что-то у Эрвинов произошло, но они не говорят.

— С чего ты взяла?

— Рэйчел ведет себя со мной как-то странно. Она по-прежнему приходит к нам каждый день, но стоит мне заговорить о будущем — и она моментально меняет тему. Мне бы не хотелось вмешиваться в их жизнь, но Марти тоже заметила, что дело неладно.

— Ага, — подтвердила Марти. — Ри сказала, что знает большой секрет, но мне его не откроет, хоть я ее самая близкая подруга. Тогда я попыталась угадать, что это. Я спросила: ребенок? Новая машина? Но она только качала головой. Наконец я сказала: новый дом? Вот тут-то Ри перестала качать головой и закрыла себе рот рукой.

— Кстати, вечером они пригласили нас на ужин, — вспомнила мама.

— Ну и отлично. Может, сегодня мы узнаем, в чем дело. Ты пойдешь в церковь, мам?

— Нет, что-то я устала... Пусть Марти и Ри сходят туда вдвоем.

— Сестренка станет баптисткой, если будет посещать церковь вместе со своей подружкой. — Я посмотрел на Марти.

Та отрицательно покачала головой.

— Нет, не стану! Я не хочу, чтобы меня окунали в реку!

Когда мы все сидели за столом, Том объявил, что они готовятся к переезду в местечко под названием Нью-Лондон — оно находилось в четырех милях от нашего городка.

Мама, кажется, сильно удивилась, а я чуть не расхохотался, подумав, что Том шутит, — ведь Лондон был просто пересечением дорог, точкой на карте.

Но Том начал объяснять, почему он решил переехать.

— Люк, ты же знаешь: Лондон расположен прямо посередине месторождения. Так ведь?

— Ну да. Его даже называют «фарватер». Нефтеносного песка там навалом.

— Представляешь, что там творится? Скважины, насосные станции, трубопроводы, резервуары, грузы, штативы, компрессоры, газобензиновые заводы... Нефтяные компании строят домики для рабочих и их семей. И новую школу — к северу от Лондона. Даже две школы! Начальную и среднюю. Мне предложили место директора в начальной школе, и я решил. От нашего нового дома до нее рукой подать.

Мама с грустью посмотрела на Рэйчел, а Марти чуть не заплакала.

— И мы хотим, чтобы вы поехали с нами! — закончила с улыбкой Рэйчел.

Том кивнул.

— Правда, Люк. За ваш дом вы получите хорошие деньги. Рэйчел и Вильма давно дружат, и Ри с Марти пойдут в школу вместе и получат там отличное образование, а ты построишь дом рядом с нашим.

Мы с мамой молчали, глядя друг на друга, но Марти, улыбнувшись, закричала:

— Ура!

Несколько дней мы думали. Сестренка умоляла нас переехать в Лондон. Она так хотела, чтобы в новом доме у нее появилась собственная комната — сейчас у них с мамой на двоих была одна спальня.

А почему бы и нет? Ведь я работаю на месторождении, а Лондон находится в самом центре участка. Но сможет ли мама оставить дом, в котором прожила двадцать два года, дом, в котором родились мы с Марти?

Как это ни удивительно, мама заявила, что хочет переехать в Лондон, чтобы быть ближе к Рэйчел, а память о папе для нее — это мы с Марти, а не старый дом.

Вот так мы и переехали, Расс, — последовали за Эрвинами в Лондон. Продали наш домишко и подрядили плотника построить новый. В нем были три небольшие спальни. Дом находился неподалеку от Эрвинов, на соседней улице, приблизительно в миле от новой школы. На нашем участке рос высокий дуб — в его тени было так приятно сидеть.

Кроме нас еще несколько семей переселилось в Лондон из Овертона. К примеру, Бен Халли, местный банкир: он хотел, чтобы его сын Тим учился в новой школе. А как-то февральским вечером Марти вбежала в дом, радостно крича: «Энни тоже переезжает! Ее папа собирается открыть парикмахерскую в Лондоне! И мы все вместе будем ходить в одну школу!»

Я улыбнулся.

— Вот здорово! — сказал я маме. — Значит, мне не придется ездить в Овертон к Элу! Он частенько говорил мне, что хочет открыть собственную парикмахерскую и Лондон — самое подходящее место. Здесь же полно работяг, и им время от времени нужно стричься.

— Люк, что будет с мамой?

Как-то вечером, через пару недель после переезда, мы с сестренкой готовили ужин. Мама, как обычно, лежала в постели.

— Она так легко не сдастся, малышка. Мама выздоровеет.

— Я совсем не помню папу, — сказала Марти, помешивая бобы.

— Тебе было только два годика.

— Знаешь, мне иногда так страшно, когда ты там, на буровой вышке. А вдруг начнется пожар? Так ведь бывает, я читала об этом.

— Я буду осторожен.

— Если с тобой что-нибудь случится, нам с мамой будет очень плохо...

— Со мной ничего не случится.

Однажды вечером — мы с сестренкой снова готовили — кто-то постучал в дверь. Марти пошла открывать.

— О, Вики, как здорово, что ты пришла нас навестить!

Я тоже поздоровался с девушкой. В руках у Вики было блюдо, завернутое в фольгу.

— Люк, я бы хотела поздравить вас с новосельем. Это мой маленький подарок — шоколадный торт. Я сама его испекла. — И она расцвела ясной улыбкой, которой я любовался в тот памятный летний вечер.

— Какая ты милая! — произнес я. — А как поживает твой кузен-ведущий?

Вики рассмеялась.

— У тебя хорошая память! Это же было давным-давно...

Она произнесла это так, что я сразу понял: ей немного грустно от того, что мы с тех пор ни разу не встречались. Я не мог бегать на свидания: мама болела и мне приходилось работать с утра до вечера. А в свободное время я строил крыльцо.

— До чего же вкусно пахнет твой торт! — восхитился я. И добавил: — Поужинай с нами, Вики. А потом захватишь с собой кусочек.

Девушка взглянула на стол.

— Нет, Люк, вы же на меня не рассчитывали.

— Хватит спорить, оставайся! Марти, покажи ей дом. А я пока закончу со стряпней. Мама будет рада тебя видеть, Вики.

Мы сели ужинать. Мама надела халат и присоединилась к нам.

Я чувствовал — Вики не сводит с меня глаз. Вдруг она спросила:

— Интересно, Люк, есть ли что-нибудь, чего ты не умеешь делать? Ты провел в доме электричество. Ты чинишь машины. Работаешь на буровой вышке. Готовишь. Строишь крыльцо.

— Нет такого дела! — засмеялась Марти. — Мой брат умеет все!

— А вот и нет, — возразил я. — Я не умею играть на пианино.

— Если захочешь — научишься, уверена, — серьезно сказала Вики. — Знаешь, я восхищаюсь тобой: у тебя золотые руки. Мне не часто приходилось встречать... таких мужчин.

На десерт мы ели торт, приготовленный Вики. Попробовав кусочек, я отложил вилку.

— Есть еще кое-что, чего я не умею. Мне, к примеру, никогда не удастся испечь такую вкуснятину.

Мама и Марти согласно закивали. А Вики, улыбнувшись, предложила:

— Хочешь, я тебя научу?

— Нет, лучше приходи к нам почаще. И торты приноси. Мы всегда тебе рады.

Вики подалась вперед и погладила мою руку.

— Как приятно это слышать.

Мама и Марти переглянулись.

— Вот только этой осенью мы не сможем видеться, — сказал я. — Ты же собираешься поступать в Южный методистский университет. Будешь студенткой. Готов поспорить, что когда ты его окончишь, сразу найдешь работу в каком-нибудь большом городе — Хьюстоне или Далласе.

Вики затрясла головой.

— Что ты, я ведь родилась в Восточном Техасе! И здешним школам учителя нужны не меньше, чем тем, которые находятся в больших городах. Да, я буду учиться в университете, но летом и по праздникам мы сможем видеться, если... захочешь. Неужели ты согласился бы уехать из Восточного Техаса, Люк?

— Ну, мне это ни к чему. Я же работаю на месторождении, и оно отсюда никуда не денется.

Когда Вики ушла, Марти под села ко мне и сказала:

— Ого, да она в тебя влюбилась!

Я кивнул.

— Почему же ты не приглашаешь ее на свидания?

— Так она начнет нравиться мне все больше и больше. А потом Вики отправится в университет, встретит какого-нибудь студента и выйдет за него замуж.

— А я бы вышла за нефтяника, а не за студента.

Знаешь, Расс, такие слова нефтяник никогда не забудет.

12

Расс

Три дня нам потребовалось на отделку дворика вдовы Дэниэлс. И все это время Люк говорил и говорил, мне даже петь было некогда. Иногда он делал паузу и мне казалось, что рассказ закончен. Я вздыхал с облегчением, надеясь, что наконец-то наступит тишина, но уже через минуту Люк продолжал с того места, где остановился. Похоже, прошлое не давало ему покоя. Воспоминания, словно вода в кастрюле, бурлили в его душе, и ему необходимо было дать им выход, — иначе бы прогремел взрыв. Но почему он так взволнован? Этого я не знал, но смутное беспокойство уже начало овладевать мной.

Мне не оставалось ничего другого, как слушать, хотя я почти не смотрел на своего напарника и едва осознавал, что он говорит. Я много узнал о том, как жили Люк, Марти и многие другие, чьи имена я видел на кладбище. И мне страстно захотелось узнать об этих людях еще больше. Имена и даты на могилах — совсем иное дело. Конечно, когда видишь на десятках надгробий одну и ту же дату смерти — 18 марта 1937 года, то понимаешь: в этот день случилось что-то ужасное. Но камни ничего не говорят о том, что это были за люди, как они выглядели, кого любили и кто любил их.

Два дня мы перевозили землю, потом укладывали чернозем и высаживали траву. Кроме того, я посадил два ореховых дерева и несколько кустов, а еще построил лесенку, ведущую наверх, к садику. Миссис Дэниэлс была нами довольна.

И вот в последний день нашей работы один мужчина, проехав несколько раз мимо ее дома, вдруг остановился и заговорил со мной. Он сказал, что ему очень нравится, как мы все здесь устроили, и попросил, чтобы мы занялись его двориком.

Люк стоял в десяти футах от нас и, конечно, все слышал. «Я могу задержаться на несколько дней, Расс», — пробормotal он, прежде чем я успел открыть рот. Мне сразу стало ясно: его рассказ еще не окончен.

В честь завершения работы я решил приготовить на ужин что-нибудь особенное.

— Как ты смотришь на жареного сома, Люк? — спросил я у своего напарника.

— Думаю, это важнецкая еда!

— Отлично. Но сначала его нужно поймать.

— Где?

— На речке Сабин, она течет к югу от Глейдуотера. Попросим у тамошних парней лодку. Попробуем наловить штук пять — тогда и соседей угостим.

Мы свернули с шоссе на проселочную дорогу, ведущую к реке. Справа и слева росли старые дубы, эвкалипты и ясени. Мне показалось, что с тех пор, как я был здесь в последний раз, проселок стал еще уже. Трава и кустарники упорно сражались за место, которое принадлежало им по праву. Я немного боялся ехать этой дорогой после наступления темноты, но пути назад не было. Наконец мы выбрались на прогалину, и я увидел лодку — она стояла там же, где всегда.

Мы побросали в нее вещи, Люк оттолкнулся веслом от берега и начал грести вверх по течению. Мы проплыли пару сотен ярдов и на изгибе реки привязали лодку к иве, чтобы оставаться на одном месте в двадцати футах от берега, а потом отпустили веревку.

Я люблю слушать, как вечером квакают лягушки и трещат сверчки. Приятно провести пару спокойных часов за рыбалкой. Люк так много говорил сегодня, что, наверное, ему тоже захочется передохнуть. Нельзя же так напрягать связки!

Действительно, первый час мы провели в тишине. Ни я, ни Люк не произнесли ни слова — за исключением того момента, когда поймали две рыбины и стали нанизывать их на леску. Потом все пошло наперекосяк. По моей вине.

Солнце уже село, но луна еще не появилась. Я взглянул на усыпанное звездами небо и, сам не знаю почему, запел:

*Небо вечернее после заката
Усыпали звезды. Они говорят нам о том,
Что бесконечна любовь Создателя.
И древняя история вновь повторится.*

Потом я стал без слов мурлыкать припев. И тут Люк окликнул меня.

— Расс, ты знаешь много псалмов и любишь их петь. У тебя абсолютный слух. Ты берешь и высокие, и низкие ноты. Ходишь в церковь. Но ты никогда не пел в хоре. Почему?

Что ж, я сам виноват. Но я к этому был готов. Каков вопрос, таков ответ, вот и весь разговор.

— Если поешь в хоре, тебе говорят, что петь. А мне нравится петь только тогда, когда у меня подходящее настроение.

— Ты как-то упомянул, что работал в больнице. В какой? Я взял свой багор, надеясь, что в воде появится сом. Все это — не говоря ни слова. Неужели Люк не поймет намек и не заткнется? Но он не понял.

— А потом ты переехал в Тернертаун. Надеюсь, ты не скрываешься от полиции?

Молчание. Только где-то далеко, вверх по течению, завыла собака.

— Или все из-за женщины? Точно, ты сбежал. Непонятно только, от кого — от полиции или от какой-нибудь дамочки. Поэтому ты переселился в деревню, где тебя никто не знает. И твоего настоящего имени тоже. Но «Смит» — не самая удачная маскировка. Мог бы придумать что-нибудь поинтереснее.

— Слушай, Люк, ты чесал языком целый день. Неужели и ночью собираешься продолжать в том же духе?

Мои слова заставили его замолчать. Минут через двадцать Люк достал из воды огромного сома, нанизал его на ветку, насадил на крючок червяка и опять закинул удочку.

— Ты был там, когда это случилось? — Он все-таки не выдержал.

Я мог бы сделать вид, что не расслышал. Но зачем?

— Нет, сэр.

Даже в темноте я почувствовал его взгляд.

— Значит, ты оказался в Нью-Лондоне на следующий день?

Я не ответил.

— Да, ты работал в больнице. Ты — врач и приехал помочь раненым. И что в этом плохого? Почему ты не хочешь в этом признаться?

— Потому что это неправда. Не был я там ни в тот день, ни на следующий. — Я вытер лицо рукавом. Мне казалось — я слышу глухие удары своего сердца.

— Нет, был, Расс. Может, не на следующий день, может, позже. Но был. Ты же знаешь, где находятся все могилы? Что ты от меня скрываешь?

Я стал оглядываться, словно загнанный в угол зверь. Выхода не было.

— Посмотри, какая прекрасная ночь, — сказал я наконец.

Люк недовольно крякнул, но прислушался к моим словам и, пока не вытащил четвертого сома, вел себя тихо. Я уже проголодался, и мы решили, что четырех рыбин более чем достаточно. Мой болтливый друг отвязал лодку, и мы поплыли вниз по течению к нашему грузовичку, а потом поехали домой, почистили и пожарили рыбу и съели наш ужин в благословенном молчании.

Утром начали перевозить шпалы. Мы мотались из Тайлера в Хендерсон — то туда, то обратно. Но даже оглушающий рев мотора не помешал Люку продолжить свой рассказ.

Люк

Как-то в декабре 1932 года Марти разбудила меня очень рано: солнце еще не встало. Сестренка прямо светилась от радости! Она схватила меня за руку и потащила в гостиную. Я увидел, как в свете фонаря, висевшего на крыльце, пляшут большущие хлопья, похожие на ватные шарики. Земля была укрыта снегом, словно одеялом.

Марти впервые в жизни видела снег и прыгала от восторга:
— Я не пойду в школу! Лучше поиграю во дворе!

— Наверняка сегодня школа будет закрыта, — сказал я, — ведь автобус не сможет проехать по заснеженной дороге.

Малышка издала торжествующий вопль и захлопала в ладоши.

— Люк, а давай ты тоже не пойдешь на работу! Поиграй с нами, пожалуйста!

Честно говоря, я как раз собирался остаться дома, хоть и не сказал об этом ни маме, ни сестре. Снег тут, правда, ни при чем. Просто губернатор опять закрыл месторождение, но не из-за низких цен — ожидалась проверка. Давление на дне скважин упало, и если оно понизится еще немного, нефть не сможет выходить на поверхность. Поэтому было решено приостановить работу на буровых вышках — не только про-

изводство, но и добычу, — чтобы посмотреть, не повысится ли давление. Если повысится, специалисты введут в действие новые правила, регулирующие работу вышек.

Я получил отпуск на целую неделю и хотел, чтобы эта новость стала сюрпризом для мамы и Марти. Когда сестренка услышала, что мы остаемся дома и будем играть в снежки, то просто затряслась от радости.

Мы сели завтракать. Марти выглянула в окно — за ним уже брезжил серый рассвет — и задумчиво протянула:

— Вот было бы здорово, если бы я прямо сейчас могла поговорить с Ри!

Мама улыбнулась.

— Люк, а помнишь, как ты провел свет в нашем доме в Овертоне? И с чего это все началось? — обратилась ко мне Марти.

— Конечно.

— Я спросила тебя, знаешь ли ты, что такое электричество. Не забыл?

— Нет.

— У меня к тебе еще один вопрос.

— Какой?

— А в телефонах ты разбираешься?

— К Рождеству в доме Эрвинов появится телефон, — подмигнула мне мама.

Я задумался.

— Глупо заводить телефон, если ты не можешь позвонить своим лучшим друзьям, верно? Так что нам тоже придется установить его.

Марти от удивления открыла рот. Она прыгнула со стула и, обежав вокруг стола, обняла меня.

— Это будет лучшее Рождество в моей жизни!

Я прижал ее к себе и повернулся к маме.

— Не возражаешь?

Она погладила меня по руке.

— Как мило, что ты спрашиваешь меня об этом, сынок. Но ведь ты уже и сам все решил. Уверяю тебя, я счастлива так же, как и Марти.

Как я любил их обеих в этот момент, Расс!

В то утро я несколько часов играл с сестренкой и ее друзьями. Мы лепили снеговика, играли в снежки. Потом я направился в парикмахерскую. Дорога была будто припудрена. Дети продолжали резвиться на улице. Я шел по следам, которые сходились у двери дома, где работал Эл.

Когда наш весельчак готовился открыть парикмахерскую, он поставил сразу два кресла. И это было мудро, потому что его заведение пользовалось большой популярностью; вскоре у Эла и впрямь появился помощник. Его звали Пит.

В то утро у Эла было полно народу. Все говорили очень громко, в основном о снеге и о том, что из-за него жизнь, кажется, остановилась.

На маленьком столике, находившемся у двери, обычно лежали один или два журнала, но сейчас я увидел там банку, полную мелких монет по пять и десять центов; заметил я в ней и несколько пенни. Рядом с банкой на столике стояла фотография пианино, вырезанная из газеты. Садясь в кресло, я спросил Эла, что все это значит.

Он уже начал меня стричь, но работа не мешала ему рассказывать.

— Видишь ли, это долгая история, Люк. Ты, наверное, помнишь, что летом прошлого года Эвис участвовала в конкурсе пианистов в Далласе?

— Как же не помнить, Эл? Я ведь всегда стригусь у тебя, не так ли?

— Просто напоминаю. А еще я говорил тебе, что в Сан-Антонио тоже проходил конкурс, верно?

— Ну да. Эвис выиграла конкурс в Северном Техасе, и ее отправили на государственный. Вы ездили туда все вместе на поезде и остановились в доме одного священника. Однако Эвис тогда не победила.

Парикмахер покачал головой.

— Это еще не все. Знаешь, я должен рассказать тебе, что же именно случилось в тот день. Конкурс проходил в огромном зале в центре Сан-Антонио. Концерт начинался в два часа. Всего в конкурсе участвовало пятеро детишек, каждый представлял свою область. Они играли по тридцать-сорок минут. И все выступили отлично, молодчаги! Ума не приложу, как можно судить, кто из них играл лучше, а кто хуже.

Эвис была предпоследней. Она исполнила сонату Бетховена — и прекрасно это сделала, в общем, как обычно. Мне эта пьеса хорошо знакома — все-таки я несколько недель слушал, как дочка репетирует. Она ни одной ноты не пропустила, это точно.

Эвис закончила, и все дружно захлопали. Но когда она вышла на поклон, ее лицо было серьезно, хотя я ожидал, что она улыбнется. Помню, в Далласе она прямо-таки светилась от счастья. Но в Сан-Антонио я не заметил, чтобы она очень уж радовалась.

После того как выступили все участники, ведущий объявил, что победил паренек из Хьюстона — он представлял Южный Техас. Тот самый, что играл перед Эвис. Мы были, конечно, немного разочарованы, но не слишком: ведь даже участвовать в таком состязании — большая честь. Я и не думал, что Эвис так огорчится.

В семь часов вечера мы сели в поезд. До Овертона ехать далеко... Эвис примостилась на одном из кресел, положив на соседнее место свой плащ, как будто не хотела, чтобы

кто-то из нас сел рядом. Все очень устали, и я даже не обратил на ее жест внимания.

Мало-помалу я задремал, но уже через час проснулся. Энни и Дарла расположились напротив наших кресел. Они обе спали, в отличие от Эвис, которая смотрела в окно, хотя не было видно ни зги. Я потрепал ее по плечу, наклонился поближе и сказал: «Ты играла просто замечательно. Даже странно, что победу присудили не тебе».

Она резко обернулась и громко произнесла: «Ничего удивительного. Видишь ли, тот мальчик вряд ли занимается на тридцатилетней рухляди». Эвис отвернулась от меня и опять стала смотреть в окно. А я ужасно расстроился, потому что чувствовал себя совершенно беспомощным.

Мы вернулись в Овертон далеко за полночь и тут же легли спать. Но через час я почувствовал, как кто-то теребит меня за руку, и проснулся. Это была Эвис. Она стояла у кровати на коленях, одетая в ночную рубашку, и рыдала.

— Что случилось, милая? — пробормотал я.

— Мне так стыдно, — всхлипнула она.

— За что?

— За то, что я сказала тебе в поезде. Мне так жаль, папочка. Пожалуйста, прости меня за те ужасные слова, а то я не могу уснуть.

Я взял ее за руку:

— Ну конечно, я тебя прощаю, доченька, не надо извиняться.

Эвис покачала головой.

— Нет, папа, это неправильно. Мне обязательно нужно было извиниться. Пожалуйста, скажи, что ты меня прощаешь, потому что я попросила тебя об этом.

Я сжал ее маленькую ручку.

— Конечно, я прощаю тебя, потому что ты попросила меня, и потому, что я люблю тебя.

Она улыбнулась сквозь слезы, поцеловала меня в лоб, сказала: «Теперь я смогу спокойно уснуть» — и на цыпочках вышла из комнаты.

Когда Эвис ушла, Дорис перекадилась поближе ко мне и прошептала:

— Я все слышала. То, что она сказала в поезде, — тоже. Она молодец, что пришла извиниться, но...

— Что?

— Не знаю где и как, но мы должны найти денег на новое пианино. Впрочем, подумаем об этом завтра. А сейчас давай отдыхать. Спокойной ночи.

И мы заснули, хвала Господу. На следующий день Эвис была такой же веселой, как обычно. Она ни слова не сказала о старом инструменте. Но мы с Дорис не могли забыть то, что услышали, сидя в поезде. Через две недели мы поехали навестить миссис Гэддис, учительницу музыки.

Она начала с уверения, что все наши дочери талантливы. Что ж, мы знали об этом, кивали и благодарили ее. Потом миссис Гэддис стала серьезной. Из ее слов мы поняли, что Эвис как будто перестала развиваться и вскоре то же случится с ее сестрами. И все из-за пианино. Его клавиши западают. Никакого «динамического диапазона», пожаловалась учительница. Пианисты должны уметь менять громкость звука, а на таком разбитом инструменте этому научиться невозможно.

Я спросил, можем ли мы починить наше пианино. Нет. Что же нам делать?

Продолжая рассказывать, Эл кивком головы указал на фотографию на столике.

— Сколько же оно стоит? — с волнением поинтересовался я у парикмахера и вздрогнул, услышав цифру. Несколько сотен долларов.

— И это еще за подержанный инструмент, — пояснил Эл.

Миссис Гэддис обещала помочь найти новое пианино, раз мы хотим его купить. Мы с Дорис чуть не заплакали. Ну где нам было взять такие деньги?

И вот через несколько дней я рассказал Бену Халли эту историю. Он приходил ко мне стричься. Бен заявил, что в нашем городке обязательно должны быть музыканты — он, кстати, и придумал поставить здесь банку. «Расскажи всем, зачем она нужна, — посоветовал мне Бен. — Конечно, не сразу, но мы соберем тебе деньги на новый инструмент». Вот и вся история, Люк.

Поначалу я подумал, что Фишерам никогда не удастся собрать деньги. Но потом вспомнил, как в нашей новой церкви впервые проводили службу. Эвис Фишер (а ей в ту пору было всего двенадцать) сидела за старым пианино и играла псалмы, а мы все пели.

Тогда я положил в банку десять центов и вышел из парикмахерской.

Три года мы с Марти наблюдали за тем, как наша мама сражается с болезнью. Она ненавидела слово «инвалид» и делала все, лишь бы никто не называл ее так. Каждый день она вставала с кровати и одевалась, хотя редко выходила из дома. Готовила, несмотря на то что стряпня ее очень утомляла. Сидела за столом со мной и Марти. А в воскресенье обязательно ходила в церковь.

Мы называли ее болезнь «приступами», но они продолжались в течение нескольких лет. У нее пропал аппетит. Мама постоянно жаловалась на усталость, и еще ее мучил кашель. Раньше такие «приступы» продолжались не дольше недели. Но в конце 1933 года болезненное состояние не оставляло ее более двух недель. Мы забеспокоились. Прошла еще одна неделя, а облегчения не наступало. Мама страшно

исхудала, и из-за ее затрудненного дыхания мы боялись заснуть. Приезжал врач, но сказал только, что ничем не может помочь.

Рэйчел, как истинный друг, проводила с мамой добрую половину дня. Как-то в январе я пришел домой с работы, и соседка встретила меня в дверях. «Иди к ней», — велела она.

Мне уже было трудно представить, что мама когда-нибудь встанет. Взяв ее за руку, я присел рядом с кроватью.

— Наклонись поближе, — тихо сказала она. Я исполнил ее просьбу.

— Сегодня ты стал взрослым, Люк. Тебе исполнился двадцать один год, — мама говорила очень медленно, как будто это причиняло ей боль.

«А ведь правда», — подумал я. Мы с Марти так переживали за нее все эти дни, что совсем забыли о моем дне рождения. Но мама, хотя и была тяжело больна, помнила об этом.

— Знаешь, Люк, когда юноше исполняется двадцать один год, это вовсе не означает, что он превратился в мужчину. Не в возрасте дело. Тебе, к примеру, пришлось повзрослеть еще восемь лет назад.

Я погладил ее по лбу.

— Марти послал нам Бог, Люк. Я так счастлива, что ты ее любишь. Пожалуйста, позаботься о ней, когда меня не станет.

Я заплакал.

— Не умирай, мама! Ты так нам нужна!

— Я буду жить на небе. Пожалуйста, будь ласков с моей доченькой.

— Нет. Ты не можешь нас оставить.

Мама с трудом подняла руку и коснулась моего запястья. «Я так устала», — сказала она шепотом. Ее рука упала. А на следующий день мама умерла.

Ее отпевали в новой церкви. Эвис Фишер играла на пианино псалмы, которые мама особенно любила, мы пели, а

пастор говорил о том, каким прекрасным человеком она была. Ее похоронили на кладбище Плезант-Хилл, ну, ты его хорошо знаешь, Расс. Наверняка ты проходил мимо ее могилы по несколько раз в день.

Через неделю мы с Марти уже находились в Хендерсоне и сидели в кабинете судьи Скотта. Он спросил меня:

— Люк, будешь ли ты заботиться о своей сестре?

— Да, — просто ответил я.

Марти дотронулась до моей руки, и я повернулся к ней. В ее глазах стояли слезы, но она радостно улыбалась. Мне вдруг вспомнилось, как мама просила меня заботиться о сестренке. Сейчас личико Марти сияло так, что наверняка этот свет был виден и на небесах.

После того как все необходимые документы, подтверждающие мое опекунство, были подписаны, судья Скотт пожал мне руку и сказал:

— Ты должен сделать так, чтобы ни один волос не упал с ее головы.

14

Люк

В начале лета 1934 года я познакомился с одной девушкой. Она была блондинкой, но с необычным рыжеватым оттенком. В наших краях такой цвет называют «клубничным». И она торговала клубникой! Забавно, правда, Расс? По крайней мере тогда мне так казалось. А сейчас — нет.

Я возвращался домой с работы и остановился у прилавка. Мне захотелось порадовать сестренку, угостить ее ягодами. Оплатив покупку, я пошел к своей машине, но тут услышал, как за моей спиной кто-то заводит мотор. Судя по звуку, автомобиль был неисправен. Тогда я вернулся назад и сказал:

— Послушайте, так вы разрядите аккумулятор. Разрешите мне посмотреть, в чем там дело.

Ей было лет двадцать на вид. Светлые золотистые локоны, карие глаза. Нежно-розовый цвет лица, как у фарфоровой куклы. Кольца на левой руке не было.

— Да, посмотри, пожалуйста, — попросила она меня. Я открыл капот, вытащил провод и велел ей включить мотор, потом взял из своей машины инструменты, поднял крышку предохранителя и достал заржавленные провода. Затем сказал, что мне нужно съездить в Килгор, чтобы купить кое-какие запчасти, — если она согласится подождать, конечно.

Она улыбнулась.

— Я поеду с тобой. Ведь за запчасти надо заплатить, правильно?

Я открыл дверь машины, и она уселась на переднее сиденье. Моя новая знакомая оказалась высокой, пять футов восемь дюймов, не меньше, но не худой. Фигурка у нее была что надо, Расс.

Всю дорогу до Килгора мы проболтали. Ее звали Кэрол Типитт. Она работала официанткой в дансинг-холле «Мэтти», который находился недалеко от Лонгвью. Жила она вместе с матерью.

Кэрол поблагодарила меня, сказав, что ей тоже хочется сделать для меня что-нибудь хорошее. И предложила угостить меня коктейлем, если я приду в «Мэтти» в следующий понедельник — в этот день у нее выходной. Что ж, Марти была уже большой и не боялась ночевать одна, поэтому я согласился. Мне никогда не приходилось выходить в свет с такой красавицей, как Кэрол.

Это была удивительная, потрясающая ночь. Я не буду рассказывать тебе все подробности, Расс, ты уже пожилой человек и у тебя может случиться сердечный приступ, но послушай, как все начиналось.

Мы встретились у парковки клуба. Кэрол была в ярко-голубом платье, а в ушах у нее сверкали большие серебряные серьги. Губы она накрасила красной помадой. На ногах — туфли на высоких каблуках. Если бы ты знал, Расс, как они ей шли!

Нам не пришлось платить за вход, потому что моя подруга работала в этом заведении. В клубе было полно народу: кто-то сидел, кто-то стоял, а кто-то танцевал. На сцене играл ансамбль из четырех человек.

Мы нашли свободный столик. К нам подошла официантка, подружка Кэрол. Они поболтали немного о том о сем,

потом она взяла наш заказ и удалилась, но уже через пару минут вернулась с двумя стаканами колы. Я потянулся за бумажником, но Кэрол остановила меня, сказав, что заплатит сама.

Затем она вытащила из сумочки бутылку и вылила ее содержимое в бокалы с кока-колой. Перемешала жидкость указательным пальцем и подняла свой стакан, велев мне сделать то же самое. Мы чокнулись, и Кэрол произнесла тост:

— За клубнику и сломанные машины.

Она подмигнула и пригубила напиток. Я тоже сделал глоток и чуть не поперхнулся: вкус был отвратительный.

Кэрол поставила стакан на стол и усмехнулась, глянув на меня.

— Люк, скажи мне честно: ты впервые попробовал алкоголь?

Что ж, по крайней мере я узнал, из-за чего кола приобрела такой мерзкий вкус.

— Да.

— Со мной в первый раз было то же самое. Но ничего, ты быстро привыкнешь. Пей маленькими глотками, не так жадно, и тебе понравится. Между прочим, это довольно дорогой сорт виски.

Потом Кэрол достала из сумочки пачку сигарет и протянула мне спичечный коробок.

— Ну же, помоги мне.

Я зажег ее сигарету. Она спросила меня, курю ли я, и я ответил — нет.

— Да, мне тоже не очень нравится курить. Мама никогда не позволила бы мне делать это дома. Но я люблю выкурить сигаретку-другую, когда сижу в клубе и пью коктейли.

Через пятнадцать минут ее стакан был совершенно пуст, мой — только наполовину. Мне стало тепло и спокойно на душе. Кэрол опять заказала колу и, когда ее принесли, выли-

ла в стакан остатки виски из бутылки. Я не мог оторвать от девушки глаз.

— К счастью, в прошлом году отменили этот дурацкий «сухой закон». А то было не найти ни одного приличного места, где можно выпить. Приходилось шляться по дешевым кабакам и сидеть там, ожидая, когда вломится полиция — как раз вовремя, чтобы испортить весь вечер. Меня это бесило! Слушай, Люк, я допью, и мы пойдем танцевать, хорошо?

— Я уж и не помню, как это делается. По-моему, последний раз я танцевал в десятом классе.

Кэрол наклонилась и погладила тыльную сторону моей левой ладони. Ее щеки разругались. Я придвинулся к ней — мне хотелось дышать воздухом, смешанным с запахом ее духов.

— Ничего страшного. Забыл — покажу, научу всему, что нужно.

Мы танцевали. Потом я купил ей еще одну пачку сигарет и колу. Я допил второй стакан. Невероятно, но мне казалось, что ее красота и обаяние возрастали по мере того, как ночь близилась к рассвету. Мне хотелось танцевать с ней медленные танцы, крепко обнимая, прижимая ее к себе.

Кэрол рассказывала мне о своих братьях. Один из них сидел в тюрьме за воровство. Другой работал сварщиком на месторождении. А еще я узнал много «интересного» о ее тетках, дядях и сестрах. Она вспоминала о своем детстве, о школах, в которых училась, о том, куда ездила. Кэрол была прекрасной рассказчицей. По крайней мере мне ее истории казались забавными. Давно я так не смеялся.

Потом она запустила пальцы в мою шевелюру и сказала:

— Знаешь, Люк, ты ужасно милый. Высокий работающий парень, у которого бездна обаяния. Ты мне нравишься. Но у нас небольшая проблема. Эта бутылка пуста, а я не хочу, чтобы вечер заканчивался. По-моему, мы отлично проводим время; думаю, ты должен купить еще одну бутылку.

— Где?

— Здесь алкоголь не продают. Надо съездить в Лонгвью, там есть один магазинчик. Это в двух милях отсюда. Купи бутылку бурбона, хорошо? Только такого же, как мы пили. — И Кэрол погладила меня по подбородку.

Я поехал в магазин, стараясь вести машину крайне осторожно, а когда вернулся через двадцать минут в клуб, на столе уже стояли бокалы с лимонадом. Кэрол опять долила в них виски.

Потом мы танцевали, обнявшись, так что ее щека касалась моей, и еще пили и ели сэндвичи, молча поглядывая друг на друга.

Мы вышли из клуба, держась за руки. У меня появилось некое смутное желание, отчаянная потребность, но я не знал, как сказать об этом Кэрол. Впрочем, это было не нужно. Она сама знала, чего мне хотелось, потому что желала того же. У тебя уши запылают, если я буду вдаваться в подробности, правда, Расс? В общем, Кэрол сделала то, что обещала: она научила меня всему.

Осенью на работе меня ждал приятный сюрприз. Утром я взобрался на вышку и увидел, что какой-то незнакомый парень разговаривает с моим напарником. Бад стоял у бурового ротора, а Кен Кинкейд, работавший в дневную смену, — у лебедки. Он обернулся ко мне.

— Кто этот малый, Кен?

— Его зовут Мак. Теперь он будет в паре с Бадом.

Мне стало не по себе.

— Разве я плохо работаю?

— Вовсе нет. Скажи мне лучше, Люк, сколько нам осталось бурить до того, как появится мел? Сейчас мы на глубине три тысячи двести футов.

Мне показалось странным, что он спрашивает об этом меня. Кен — буровой мастер и сам знает ответ. Но я начал размышлять вслух.

— Скважина, которую мы пробурили последней, находится в полумиле к западу отсюда. Насколько я помню, мел появился на глубине три тысячи четыреста шестьдесят футов. Порода вытянута с востока на запад, толщина — около сорока футов. Полагаю, здесь покрывающая порода появится на глубине три тысячи четыреста сорок футов. Выходит, нам нужно пробурить еще около двухсот сорока футов.

— И какова, по-твоему, толщина породы отсюда до Вудбайна?

— Сто пятьдесят — сто шестьдесят футов.

— И сколько нам понадобится буравов, чтобы пробиться через сто пятьдесят футов мела?

— Два, не меньше.

— Отлично. Понимаешь, если я спрошу об этом Бада или Мака, они уставятся на меня, как бараны. А ты не такой. Тебя интересует все, что здесь происходит, ты ничего не упускаешь из виду.

Я пожал плечами.

— Ты заслужил похвалу, Люк. Как ты смотришь на то, чтобы стать буровым мастером? Готов учиться?

Я уставился на него во все глаза.

— Еще бы, приятель!

— Вот и хорошо. Начнем уже сегодня. Конечно, запоминать придется много, но ты справишься, я уверен.

Марти сидела на крылечке, поджидая меня. Я быстро взбежал по ступенькам и уселся рядом с ней.

— А у меня новость! Угадай, какая?

— Твоя одежда сегодня такая чистая... Что случилось?

— Меня повысили! Отныне я не просто рабочий, а ученик мастера. После нескольких недель обучения я стану главным на вышке. А теперь самое приятное — мне будут платить десять долларов в день!

— Ого! Да мы разбогатеем. Я так тобой горжусь! — Малышка обняла меня за шею обеими руками. — И пахнешь ты теперь совсем по-другому, гораздо приятнее!

Я рассмеялся.

— Но все равно мне придется помыться перед ужином. Кстати, что ты приготовила?

— Жаркое, бобы и пирог. Бобы как раз тушатся, а жаркое и пирог нужно только подогреть.

— Спасибо тебе за помощь, сестренка.

— У тебя же такая тяжелая работа! И мне очень приятно готовить для тебя ужин.

За едой Марти вела себя тихо, но чему-то улыбалась. В конце концов, я не выдержал:

— Ну-ка, скажи, что ты задумала? Почему ты так улыбаешься?

Она сделала вид, что разглядывает ноготь.

— Ну...

— Так в чем дело?

— Ты, кажется, сказал, что будешь зарабатывать больше?

— Ну да... Ох, наверное, зря...

— А в следующем месяце мой день рождения, так?

— Да тебе же исполняется одиннадцать! Похоже, у меня проблемы.

— Помнишь, как у нас в доме появились электричество и телефон? И все потому, что я задала тебе один простой вопрос.

— Ну точно: у меня большие неприятности.

— Я еще кое о чем хотела тебя спросить.

Я заткнул уши и закрыл глаза, но Марти оторвала мою руку от правого уха, наклонилась поближе и прошептала:
— А ты знаешь что-нибудь о радио?

Через два месяца я стал мастером. Мне подчинялись все: разнорабочие, подсобные рабочие, а также провода, цепи, цилиндры и трубы. Мне казалось, я управляю целым миром. Но это продолжалось недолго.

В начале 1935 года мы приступили к бурению скважины в округе Апшир, что на северо-западе месторождения. Первые две недели все шло прекрасно. Потом мы добрались до покрывающей породы. Во всяком случае, я думал, что это покрывающая порода.

Это случилось в четыре тридцать. Как сейчас помню: то утро было очень холодное. Я заметил, что связка труб встала почти вертикально, и решил, что мы натолкнулись на мел, то есть на известняк. Поэтому мне показалось, что нужно бурить еще приблизительно полчаса, затем достать трубы и присоединить к ним новое колено. А уж ночная смена пусть засовывает их обратно в скважину.

Но через десять минут началось что-то странное. Трубы опять стали двигаться очень легко, будто они находились в слое песка или глины. Однако всем известно, что покрывающая порода — это слой толщиной по меньшей мере сто сорок футов, даже на северо-западе, где находилась наша буровая вышка. Какая-то головоломка! Но мне не нравилось разгадывать загадки, стоя у нефтяной скважины.

Я решил прекратить бурение, но не выкачивание глины (чтобы проверить отходы через несколько минут), и остановил буровой ротор.

Бад опередил меня. Он завопил, в его глазах была паника — трубы выходили из скважины сами по себе.

Я задрал голову вверх и увидел, как один из рабочих схватился за предохранительный трос. Тогда я повернулся к парню на первом ярусе и крикнул: «Прыгайте вниз!» Но меня не слышали: люди уже лежали лицом вниз около ротора. Трубы двигались вверх. Раздался ужасный грохот.

У меня не было возможности спасти их. Я повернулся, чтобы убежать, и что-то со страшной силой ударило меня сзади; тогда я слетел с платформы и приземлился в сарае для бурового раствора.

Меня всего засыпало землей, я едва мог дышать и не знал, как выбраться наверх. Наконец мне удалось высвободить руки, и я почувствовал, как мою правую руку обжег раскаленный воздух. Ногами я достал дна ямы. Тогда я приподнял голову и посмотрел на вышку. Наверное, так выглядит ад.

Огромные оранжевые языки пламени вырывались из скважины, доставая до кронблока. Над ними стустились громадные черные облака дыма. И еще этот отвратительный звук. Казалось, рядом рвутся бомбы — одна за другой. Я думал, мои барабанные перепонки лопнут. Вышка рушилась на моих глазах. Лицо у меня горело, словно я стоял посреди этого пожара.

Я снова нырнул в глину, чтобы остудить голову. Я надеялся на берму*. Она находилась в двадцати футах от меня. Я с трудом прокладывал к ней дорогу: мне было очень больно. Дно ямы оказалось неровным, и ноги словно застревали в бетоне.

Я медленно шел по наклонному дну. У меня действовала только одна рука. Ногами я едва передвигал. Жар стоял такой, что в пору свариться заживо. Было ясно, что наверх мне не выбраться. Тогда я закрыл глаза. Все мои мысли сосредото-

* Берма — здесь: горизонтальная площадка между откосами уступов нерабочего борта карьера.

точились на Марти. Я не сомневался, что Эрвины о ней позаботятся.

Вдруг я услышал, как кто-то кричит: «Эй, сюда!» Я открыл глаза и увидел чьи-то ботинки.

Через полчаса меня привезли в больницу города Глейдуотер. У меня была сломана рука и два ребра. Кроме того, я повредил позвоночник.

Вскоре меня навестил Кен Кинкейд. Он сказал, что парни, работавшие на вышке, были в порядке. Но те, кто стоял на первом ярусе и у бойлера, погибли в огне.

Меня чуть не стошнило. Это была моя смена, и по моей вине умерло три человека. Я вспомнил, что Бад с Кеном упали еще до того, как раздался взрыв. Кен объяснил, что они потеряли сознание из-за вышедшего газа.

— Как же так, Кен? Почему я не почувствовал запаха? Да, помню — глаза увлажнились, но запаха-то не было.

Он покачал головой.

— Ничего удивительного. Газ на этом месторождении почти не содержит серы. Вот на побережье ты бы обязательно его учуял. Но здесь он состоит из метана и легких фракций. Его невозможно унюхать.

Он попрощался, и спустя мгновение в палату вошли Марти и Эрвины. Сестренка подбежала ко мне, обняла и, всхлипывая, несколько раз повторила: «Пожалуйста, не надо больше туда ходить».

Люк

Конечно, я не мог вернуться на вышку, Расс. Все убеждали меня, что я не виноват. Но это была моя смена! И три человека погибли. Мне так нравилось работать на месторождении, но теперь страшно было даже думать о нем.

Выздоровление заняло почти два месяца, и все это время я ломал голову над тем, чем бы мне заняться после больницы. Я собирался вернуться в мастерскую Росса.

К счастью, этого не произошло. Как-то раз я сидел в парикмахерской, обсуждая с Элом сложившуюся ситуацию, и вдруг один мужчина — он слышал наш разговор — заявил, что работает на нефтяном месторождении. А затем добавил, что их компании требуются механики, которые могут обслуживать компрессоры, помпы и двигатели, установленные на вышках. Я сказал, что долго трудился в автомастерской, и тогда он назвал мне имя человека, с которым можно переговорить. Вначале мне будут платить немного, но через несколько месяцев эта сумма увеличится.

Мне предложили работу, и я согласился. Марти была счастлива: ведь ее брату не придется возвращаться на вышку, к тому же он будет занят девять часов в день вместо двенадцати. Жалованье бурильщика было, конечно, солид-

нее, но нас с сестренкой это не особо беспокоило. Моя новая работа нравилась мне все больше и больше.

В один прекрасный весенний денек — дело было в 1935 году — к дому Эла и Дорис Фишер подкатил грузовик. Из него вытащили маленькое пианино и внесли его в дом. А старый инструмент, наоборот, поставили в машину и увезли в неизвестном направлении. Через час к Фишерам пришел настрайщик. Его звали Тайлер.

Это был обычный рабочий день. Дети находились в школе. Но все без исключения жители городка желали увидеть пианино и услышать, как оно звучит; тогда Эл и его дочери решили устроить после ужина небольшой концерт. Эта весть быстро разнеслась по округе, и к семи часам у дома Фишеров собралось не менее двухсот человек. Тридцать гостей сидело в гостиной, остальные — на крыльце и во дворе. Марти дружила с Энни, так что нам обоим посчастливилось попасть внутрь.

В семь часов Эл вышел на крыльцо и, призывая собравшихся к тишине, поднял руку. Он произнес краткую речь: сказал, что когда поставил два с половиной года назад в парикмахерской банку, то и не надеялся, что удастся собрать достаточно денег, чтобы купить такой великолепный инструмент. Люди, которые кидали в эту банку монеты, — самые прекрасные люди на земле, говорил он. Эл пообещал, что они с Дорис будут следить за сохранностью пианино, но по-настоящему оно принадлежит всем нам, жителям города, собравшим на него деньги.

Девочки решили, что первой будет играть Энни, потом Дарла, а за ней Эвис. Они собирались выступить всего по пять-десять минут, просто для того, чтобы горожане могли насладиться звуками нового инструмента.

Энни, прелестная темноволосая девчурка, села на стул, и все в комнате притихли. Она положила руки на левую сторону клавиатуры, перекрестила их и сыграла бравурную гамму. Вот это да, какой сильный звук! Добравшись до верхних октав, Энни сменила минорный лад на мажорный и проиграла гамму в обратном порядке. Все восхищенно вздохнули.

Потом малышка исполнила короткую песенку. После концерта Марти объяснила мне, что это тема из фильма «Цилиндр»*. Энни нравились модные новинки, она часто сочиняла вариации. Когда публика зааплодировала, девочка подошла к отцу и обняла его.

Средняя дочь Дарла (у нее были темно-русые волосы) заняла место Энни. Ее не нужно было долго упрашивать. Она сразу начала с регтайма «Кленовый лист»** , как все и ожидали. Дарла обожала регтаймы. Она закончила пьесу виртуозным пассажем, и все от восторга чуть с ума не сошли — так хлопали и кричали. Дарла улыбнулась, обняла Эла, а потом встала передо мной и Марти, рядом со своим другом Полом.

Эвис уже исполнилось четырнадцать. Она была высокой, спокойной, уверенной в себе девочкой, мало похожей на сестер, отличавшихся чрезвычайно веселым и живым нравом. В тот вечер на ней было надето желтое платье. Светло-русые волосы падали ей на плечи.

Эвис подошла к пианино. Дарла повернулась к нам и прошептала: «Спорим, что она сыграет Шумана?»

Мне казалось, пьеса будет быстрой, громкой, сложной, чтобы все увидели, какие у Эвис ловкие пальцы. Но она на-

* Песни к классической музыкальной комедии «Цилиндр» (1935) написал знаменитый американский композитор Ирвинг Берлин (1888—1989).

** Один из самых известных регтаймов американского пианиста и композитора Скотта Джоплина (1868—1917); написан в 1899 г.

чала играть какую-то медленную и нежную мелодию. Я даже испугался, что люди во дворе ничего не услышат.

— Я ошиблась. Это Лист, — сказала Дарла.

Эвис играла не дольше четырех минут. Музыка становилась все громче, потом пьеса достигла кульминации, и постепенно звуки опять стали нежными, едва слышными. Звучал лейтмотив пьесы: мелодия исполнялась то левой, то правой рукой.

Казалось, игра дается Эвис легко. Ее руки как будто жили собственной жизнью; они пробегали по клавиатуре, летали над ней, ныряли вниз и взмывали вверх, словно ими управляла некая загадочная сила.

И вот раздался тихий финальный аккорд — Эвис нажала на педаль. Никто даже не захолопал, так все были поражены. Наконец раздались аплодисменты. Но девочка не стала кланяться. Она сразу подошла к Элу, обвила его шею руками, прошептала что-то ему на ухо, и его лицо порозовело от радости.

Как-то в 1936 году я вернулся домой на час позже: на участке произошла небольшая авария с дизельным двигателем, и мне пришлось заняться его ремонтом. Мне и раньше случалось опаздывать, и Марти никогда не беспокоилась из-за этого. Я знал, что ужин ждет меня в духовке. Но в доме было темно, а из ее комнаты доносились рыдания.

Она лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Я включил лампу, погладил ее по спине и спросил, что случилось.

Марти села. Она все не могла успокоиться.

— Мы с Ри поссорились.

— Из-за чего?

— Мы сидели в ее комнате, говорили о разных глупостях, — объясняла она дрожащим голосом, — потом поспо-

рили из-за какого-то пустяка, и вдруг начали говорить друг другу страшные гадости! Я убежала домой. И с тех пор все плачу и плачу. Прости, я ничего не приготовила. — Она опять всхлипнула.

Я сказал, что сам все сделаю, а она — если виновата — должна пойти к Ри и извиниться.

— Даже не знаю, как так получилось, что я ее обругала. Ри моя лучшая подруга, я люблю ее больше всех на свете, после тебя, конечно, и вдруг обзываю такими словами. Не понимаю, что это со мной.

Марти ушла, а я занялся ужином. Через пять минут она вернулась. Слезы высохли, но лицо было печально. Я спросил, помирились ли они.

— Ри как раз собиралась идти ко мне. Она тоже плакала. Мы обе виноваты.

— Почему же у тебя такой грустный вид?

— Я обидела свою лучшую подругу. Как можно ругаться с тем, кого любишь?

За ужином она почти не разговаривала и легла спать очень рано.

В течение нескольких дней и даже недель Марти вела себя спокойнее, чем обычно. Нет, она не замкнулась в себе, просто не болтала без умолку, как прежде. Тем не менее ее поведение меня беспокоило. Она всегда была такой хохотушкой! Неужели она заболела? Мне стало страшно.

Но я решил не поддаваться панике. Однако в один из апрельских вечеров — мы как раз вместе мыли посуду — все-таки спросил:

— Послушай, сестренка, помнишь, как в прошлом году ты спросила меня, не считаю ли я тебя болтушкой?

Она взяла из моих рук тарелку и принялась ее вытирать.

— Конечно, помню.

— Я еще сказал, что это не так.

— Верно.

— Но в последнее время ты что-то совсем загрустила.

Мне так не хватает твоих историй.

Марти нахмурилась.

— Что ж, извини, если я не такая, как тебе хотелось бы.

— Да нет, мне просто показалось, что ты чем-то расстроена. Ты изменилась, Марти.

— Вовсе я не расстроена. Да и потом, что из того, что я изменилась? А ты разве каждый день одинаковый?

— Я и не думал тебя критиковать. Пожалуйста, не надо принимать мои слова в штыки.

Ее лицо покраснело.

— А это и есть критика.

Я подал ей тарелку, но она выскользнула из ее рук и упала на пол.

Марти закрыла лицо руками, затем взглянула на меня и закричала:

— Почему ты отпустил ее до того, как передал мне? Это твоя вина!

И она метнулась в комнату, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Разумеется, нам и раньше случалось разбивать посуду, но мы никогда не ссорились из-за такой ерунды.

Потом Марти извинилась за свое поведение. А я, конечно же, старался тщательно выбирать слова, когда обращался к ней. Но мое беспокойство только возрастало.

Наступил веселый месяц май. В одно воскресное утро я сидел на диване и читал газету. В дверь вошла Марти. «При-

вет», — сказал я, окинув ее взглядом, и продолжил чтение.

Нет, что-то не так. Я отложил газету.

— Сестренка, подойди ко мне, пожалуйста.

Она вышла из кухни.

— Что у тебя на губах?

Она улыбнулась, закинув голову назад.

— Нравится? Я их чуть-чуть подкрасила. Понимаешь, у меня губы тонкие, а с помадой это не так заметно. Правда ведь?

— Иди умойся.

Улыбка мгновенно сошла с ее лица. Марти даже не посмотрела на меня. Вместо этого она уставилась в пустоту и медленно проговорила:

— Ри симпатичная. У нее все красивое: губы, глаза, волосы, все. Мне до нее далеко. Волосы у меня мышинового цвета. Губы тонкие. Огромный подбородок. Целое утро я старалась подобрать подходящий оттенок и училась красить губы правильно, а ты приказываешь мне умыться. Нет, я этого делать не собираюсь.

Я почувствовал, что от гнева стал тяжело дышать.

— Двенадцатилетние девочки не должны краситься. Так что иди и умойся.

— Нет, — ответила Марти, стиснув зубы.

— Не смей со мной пререкаться, — сказал я, вставая.

Тогда она плюнула себе на ладонь и провела рукой по лицу, так, что губная помада размазалась по ее щеке.

— Ну что, нравится? — заорала она. — Доволен, что твоя сестра уродина? Почему ты не хочешь, чтобы я была красивой? Видно, ты ненавидишь меня! Так знай: я тебя тоже ненавижу!

Марти метнулась к выходу, вылетела на улицу, оставив дверь открытой нараспашку, и побежала по дороге, громко плача.

Я подошел к порогу и крикнул:

— А ну-ка марш домой!

Но она меня будто не слышала.

Я стоял и смотрел на дорогу, пока Марти не исчезла из виду. Тогда я присел на диван. Мне было горько.

Когда солнце стало близиться к закату, я решил поискать ее. Но тут на крыльце послышались чьи-то шаги.

— Марти? — спросил я.

Но это была Рэйчел. Она сказала, что Марти у них, а потом попросила меня присесть.

— Знаешь, когда Марти прибежала к нам, я сразу подумала, что ты, возможно, и не представляешь, что с ней происходит.

— И что же?

— Твоя сестренка иногда ведет себя, как буйно помешанная, не так ли? И Ри тоже. Догадываешься, почему?

— Понятия не имею, Рэйчел.

— В таком случае, я рада, что решила поговорить с тобой. Видишь ли, у них сейчас переходный возраст. Наши малышки превращаются в женщин.

Мне это не очень понравилось.

— А они не могут стать женщинами без всяких там переходных периодов?

Рэйчел рассмеялась.

— Они не всегда будут такими сумасшедшими. Потом они станут такими же, как и раньше. Нам нужно запастись терпением. Конечно, это тяжело. Представляешь, сегодня Ри выругалась в моем присутствии, и я чуть не ударила ее; к счастью, я вовремя вспомнила, какой сама была в ее возрасте.

— А Марти, наоборот, в последнее время ведет себя очень тихо. Меня это даже беспокоит.

— Ничего, скоро ты увидишь прежнюю милую, общительную девочку, уверяю тебя. Ты не возражаешь, если Марти поживет у нас несколько дней?

Я не знал, что и ответить.

— Люк, ты для Марти то же, что солнце, луна и звезды, вместе взятые. Но ты — мужчина, а она сейчас нуждается в обществе женщин. Пусть она побудет у нас немного, — убеждала меня Рэйчел.

Я кивнул, и она спросила:

— Можно я заберу кое-какие ее вещи?

Я, конечно, разрешил, и вскоре Рэйчел вышла из комнаты с сумкой, набитой одеждой. Я придержал для нее дверь и спросил, собирается ли она позволять Марти красить губы.

— Разумеется нет! — рассмеялась Рэйчел. — Для них это была просто игра.

Она ушла, а я занялся стряпней. Не могу сказать, что ее слова меня утешили. Теперь меня мучило не беспокойство, а сомнение. Неужели моя сестра предпочитает жить с Эрвинами?

Марти ушла из дома во вторник. А на следующий день в нашем городке ожидалось большое событие: бейсбольная команда Овертона играла против команды Лондона. Представители школ договорились начать матч в семь, пока не стемнело, чтобы все могли посмотреть игру. Я пришел заранее и успел занять место, а многим пришлось стоять у первой и третьей базы*.

Тим Халли, сын Сью и Бена, подавал в команде Лондона. Играл он отлично, никому не оставлял шанса. Питчер** из Овертона тоже старался изо всех сил, но на шестой подаче наша команда заработала первое очко — Тиму удалось добежать до «дома».

* База — небольшой квадрат, прикрепленный к полю. Всего существует четыре базы: первая, вторая, третья и «дом» (начальная база).

** Питчер — игрок обороны, подающий мяч.

Я внимательно следил за игрой, но в один момент повернулся направо, чтобы посмотреть на болельщиков, и увидел Ри, Марти и Энни. Тут мне стало ясно, о чем толковала Рэйчел. Моя маленькая сестренка становилась женщиной: ее тело изменилось. Да, это уже была не девочка, а девушка. Конечно, перемены произошли задолго до того, как она перебралась к Эрвинам. Просто я ничего не замечал. Или замечал, но не хотел думать о том, что крошка Марти становится взрослой. Я разглядывал ее лицо и видел, что глаза у нее тоже стали другими, будто она узнала что-то, сделавшее ее более мудрой.

Тут я услышал, как мяч ударил по бите, и вновь взглянул на поле. Парень из Овертона сделал великолепную подачу, но аутфилдер* поймал мяч, быстро пробежав по полю. Болельщики радостно закричали.

Я опять оглянулся на Марти. Она тоже заметила меня, наши глаза встретились, и она помахала мне рукой. И в одну секунду, как это ни удивительно, все мои сомнения в том, любит ли она меня, куда-то улетучились.

Да, они исчезли в одно мгновение. Я сидел там и никак не мог взять в толк: как можно было вообразить, что Марти меня разлюбила? Конечно, она меняется, но какое отношение это имеет к нашим чувствам? Разумеется, никакого! А раньше я сомневался в ней. Теперь от грустных мыслей не осталось и следа. Не понимаю, как это произошло, но у меня словно камень с души свалился.

Команда Лондона выиграла благодаря удачной шестой подаче. Молодец, Тим Халли! Во время последнего страйка** все кричали «ура!».

* Аутфилдер — игрок обороны, располагающийся на внешней части поля.

** Страйк — неудачная попытка удара по мячу игрока нападения: игрок промахнулся (пропустил удар питчера) или выбил мяч за пределы поля.

Потом я еще постоял со своими приятелями. Мы обсуждали матч. Вдруг кто-то коснулся моего плеча. Я обернулся и встретился взглядом с голубыми глазами Вики Опп.

— Привет, странник.

После того как Вики поступила в университет, мы виделись редко. Я был уверен, что она быстро выскочит замуж за какого-нибудь однокурсника. У нее наверняка полно ухажеров.

— Привет, Вики. Ты-то что здесь делаешь? Разве ты не должна быть в университете?

— Я его уже окончила, — рассмеялась девушка. — На прошлой неделе. А сюда я пришла, чтобы посмотреть, как играет наша команда.

— Замечательно выглядишь.

— Ты всегда умел разговаривать с женщинами, Люк. Между прочим, я тут встретила Марти, и она рассказала мне, как ты сначала трудился разнорабочим, затем бурильщиком, а потом стал механиком. А сейчас ты старший механик, начальник? Значит, со щипцами и крысиными норами покончено?

Я расхохотался.

— Да, я часто вспоминаю тот день. С тех пор мне больше не приходилось так много смеяться. А тебе?

Вики покачала головой, пристально глядя на меня.

— Что ж, поздравляю с окончанием учебы, — спохватился я. — И чем ты теперь собираешься заниматься?

— Угадай! Во-первых, у меня есть диплом учительницы. Во-вторых, я родилась в Овертоне, но не очень-то хочу туда возвращаться. Ну и каковы, по-твоему, мои планы на будущее?

Я задумался. Наверное, она ожидала, что я сразу догадаюсь. Наконец я понял.

— Видимо, будешь учить детей здесь, в Нью-Лондоне?

— Молодец, быстро соображаешь, — улыбнулась она.

— Здорово. И какой у тебя класс?

— Второй. Кстати, я и жить здесь буду. В полумиле от школы есть маленький домик, и мы — я и еще две учительницы — собираемся его арендовать.

— Чудесно. Но, честно говоря, я немного удивлен. Мне казалось, что раз ты пожила в большом городе, тебе не захочется сюда возвращаться.

— Ты что, забыл? Я же девушка из Восточного Техаса.

Мы постояли еще немного, а потом Вики сказала:

— Ну, мне пора в Овертон. Кстати, Марти просила передать тебе, что сегодня будет ночевать дома. Она рассказала, как вы поссорились. Сочувствую тебе, Люк: в ее возрасте я была сущим наказанием.

Я проводил Вики к машине. Мы попрощались, и я поспешил домой.

Марти сидела на диване. Она посмотрела на меня, тихо поздоровалась, но не тронулась с места. Я примостился рядом и обнял ее за плечи; она положила мне голову на плечо.

— Ты меня прощаешь? — прошептала Марти.

— Конечно. Я рад, что ты вернулась. Без тебя в доме было так скучно и тихо.

— Давай послушаем радио. Может, там передают музыку. Я кивнул.

— Пожалуйста, сядь на свое место, — попросила Марти.

То есть на правый край дивана. А сестра любила большое кресло, стоявшее у камина. Но когда я выполнил ее просьбу, она взяла с дивана маленькую подушку и положила ее мне на колени, прижав к подлокотнику, а потом растянулась на диване.

Я включил радио, настроил его на какую-то музыкальную волну и уменьшил громкость. Затем погладил Марти по волосам. Она улыбнулась и промурлыкала: «Как приятно». Некоторое время мы молчали.

— Люк, — внезапно окликнула меня Марти.

— Что, сестричка?

— Знаешь, иногда мне очень хочется пойти с тобой к нашему лесному домику.

Воспоминания нахлынули на меня. В детстве мы любили бродить с ней по лесу.

— Я и сам частенько мечтаю об этом.

Марти взяла мою руку.

— Помню, как ты привел меня туда в первый раз. Это было осенью. Погода стояла чудесная. Мне тогда еще четырех не исполнилось, как раз оставалось несколько дней до дня рождения. О, мне так понравилась эта прогулка! Мы остановились на красивом лугу — над ним в то мгновение пролетали вороны, — позднее ты сказал мне, как называется это место, но для меня оно — Вороний Луг.

А потом мы пришли к домику, и ты показал мне маленькую комнатку, которую сделал специально для меня. Там даже было окошко, чтобы я могла выглядывать наружу. Я была на седьмом небе от счастья.

Немного погодя мы спустились к речке и дошли до пруда. Ты залез на старый дуб, который рос на берегу, и скинул с него веревку. Я вскарабкалась тебе на спину, обхватила руками и ногами, а ты уцепился за веревку, побежал, оттолкнулся — и мы перелетели через пруд и оказались на дереве, росшем на противоположном берегу. Это было и страшно, и весело!

И еще один день я помню очень отчетливо. Тогда с нами была Ри. И мы целое утро летали через пруд на веревке туда-сюда и так устали, что после того, как перекусили, забрались в домик и уснули! Помнишь?

— Еще бы!

— Я проснулась, а вокруг было тихо-тихо. Я выглянула в то маленькое окошко, увидела, как раскачиваются ветви со-

сен, и подумала, что во всем мире нет девочки счастливее меня. Моя лучшая подруга спит рядом со мной в домике, который построил мой брат, а все утро я провела, летая через пруд на «тарзанке». Мне ужасно повезло, это точно! А знаешь, Люк...

— Да?

— Я и сейчас так думаю.

У меня запершило в горле.

— С тобой мне нечего бояться. Эрвины такие хорошие, но моя семья — это ты. Мой дом здесь.

Я продолжал ерошить ее волосы левой рукой, а правой смахнул слезу.

— Мне нужно рассказать тебе о том, что случилось сегодня вечером, — произнес я. — Но сначала я хочу узнать, помнишь ли ты, как после смерти мамы мы сидели у судьи?

— Конечно.

— Судья еще задал мне вопрос...

— Да, он спросил, будешь ли ты заботиться обо мне, и ты сказал «да». Я этого никогда не забуду.

— Позже ты говорила, что боялась стать для меня обузой, но, услышав мой ответ, сразу поняла, что я люблю тебя и хочу, чтобы мы жили вместе.

— Верно.

— Сегодня вечером со мной произошло то же самое. Из-за нашей ссоры я усомнился в твоей любви ко мне. Но там, на стадионе, когда я оглянулся на тебя, а ты улыбнулась и помахала мне рукой, я сразу понял, что был неправ. Мои подозрения испарились за одну секунду. Не знаю, как так получилось, но все прошло.

Марти улыбнулась.

— Ого! Мне даже не пришлось ничего тебе доказывать, верно? Что ж, я тоже не понимаю, как это могло пройти за одну секунду, но я рада, что все случилось именно так. По-

верь, ты не должен во мне сомневаться. Даже если я говорю такие слова, которые потом хочу взять обратно.

Какое-то время мы продолжали сидеть, слушая музыку. Потом Марти объявила, что ей пора ложиться спать.

— На кушетке у Эрвинов я никак не могла уснуть.

Она пошла к себе, но на полпути обернулась:

— Когда-нибудь я все-таки начну красить губы, — подмигнула она мне.

— Я знаю, сестренка. И тогда ты будешь еще красивее.

16

Люк

Рэйчел была права. Прошло не так уж много времени, и Марти опять стала милой и ласковой девочкой. Нет, не девочкой, а девушкой! Я перестал считать ее ребенком, и мы зажили, как и прежде, мирно и счастливо.

Обычно после ужина мы болтали немножко, слушали радио, затем Марти делала домашнее задание или читала вместе со мной. Но как-то у нас состоялся длинный, серьезный разговор. Это было в 1937 году. Точнее, говорила в основном она, а я слушал.

В восемь часов я включил радио: должна была начаться наша любимая передача. Марти находилась в кухне, и поэтому я громко позвал ее:

— Начинается «Одинокий ковбой»! Иди быстрее!

— Я занята.

Когда программа закончилась, Марти вышла из кухни и протянула мне лист бумаги, на котором было что-то написано. «Исправь ошибки, пожалуйста», — попросила она меня.

Аккуратные буквы были украшены изящными завитушками: почерк у моей сестренки был каллиграфический.

*«Уважаемая мисс Ирхарт!»**

Мне тринадцать лет. Я живу на востоке Техаса, в городе Нью-Лондон. В октябре прошлого года я впервые в жизни летала на самолете, на биплане. Пилот долетел до Тайлера, а мы все смотрели, как он выполняет разные трюки. Когда самолет приземлился, летчик предложил всем желающим покататься всего за два доллара. Я ужасно хотела полетать, но мой брат, которому уже исполнилось двадцать четыре года, сказал, что это слишком дорого. И все так подумали, наверное, потому что, в конце концов, пилот предложил прокатить нас с Люком вдвоем за ту же цену, то есть за доллар с носа. Я долго просила, и брат согласился.

В самолете было три сиденья. Я села за летчиком, а Люк сзади. Мы поднялись в небо, и я похлопала пилота по спине, чтобы он сделал мертвую петлю. Это было просто здорово! Правда, Люку, кажется, этот трюк понравился меньше, чем мне. После того как мы выполнили эту фигуру, я оглянулась и увидела, что глаза брата закрыты. А когда мы приземлились, лицо у него было совсем бледное.

Меня очень удивила одна вещь. Я на несколько секунд закрыла глаза, а когда открыла их, поняла, что самолет во время поворота накренился влево. Но у меня не было ощущения, что он падает вниз. По словам брата, то же происходит, если быстро вращать ведро с водой — она не проливается. Но когда мы сидели в самолете, никто ничего не вращал! Все это довольно странно.

Я бы очень хотела стать летчицей, как Вы. Я говорила об этом взрослым, но, по-моему, они не принимают мои сло-

* Амелия Ирхарт (1897—1937) — первая женщина-пилот, совершившая в 1932 г. беспосадочный перелет через Атлантический океан. Пропала без вести 20 мая 1937 г. во время кругосветного путешествия на двухмоторном самолете.

ва всерьез. Они только повторяют, что мальчикам легче управлять самолетами. Пожалуйста, подскажите, чему мне нужно учиться, чтобы осуществить свою мечту? Я была бы счастлива получить от Вас письмо. Я даже вложила в это письмо конверт с нашим адресом и маркой.

В марте Вы собираетесь облететь земной шар. Я обязательно буду следить за этим полетом, — читать о нем в газетах и слушать новости по радио, и каждый день думать о Вас.

*С наилучшими пожеланиями,
Марти Робертсон».*

— По-моему, отличное письмо, — сказал я, отдавая его сестренке. — Так ты читала об Амелии?

— Я прочитала о ней все, что только могла найти. А ты знаешь, что она была первой женщиной, которая перелетела через Атлантический океан? И всего через пять лет после Линдберга*. А два года назад она стала первой женщиной, преодолевшей расстояние от Гавайских островов до Калифорнии.

Марти села, перечитала письмо и, откинувшись на спинку кресла, уставилась в потолок. Я открыл книгу, потом взглянул на сестру и спросил:

— Ты все еще думаешь об Амелии?

— Нет, сама не знаю о чем — обо всем. А хочешь, я скажу тебе что-то очень хорошее?

— Конечно.

— Пол наконец-то поцеловал Дарлу. И все произошло так... восхитительно.

— Правда?

* Чарлз Линдберг (1902—1974) — американский летчик. В 1927 г. совершил первый беспосадочный перелет через Атлантику.

— Да. Они шли по шоссе — ну тому самому, что идет через лес до буровых вышек и там заканчивается. По выходным там никто не ездит. Так вот, Пол и Дарла шагали по этой дороге в воскресенье утром и рассуждали о средних братьях и сестрах, ведь они оба средние. Дарла говорила, что ей совсем не нравится такое положение — Эвис и Энни вечно ссорятся с ней и почти никогда друг с другом, выходит, ей достается вдвойне.

Потом она сказала, что дело не только в возрасте. Взять, к примеру, волосы. Эвис — почти блондинка, Энни — брюнетка, а у самой Дарлы волосы темно-русые, то есть ни то ни се, нечто среднее. Или музыка. Энни обожает все самое модное, новые передачи, новые песни. Эвис, напротив, вся поглощена музыкой девятнадцатого века, она любит немецких и русских композиторов. А Дарла — регтаймы и Гершвина: опять она оказалась посередине!

А теперь — самое смешное. Дарла рассказала Полу, как охарактеризовала ее и сестер миссис Гэддис. Энни она назвала «аллегро», потому что она живая и веселая, Эвис, по словам миссис Гэддис, живет в темпе «анданте», что значит «медленно и изящно». Потом она попросила Пола угадать, что учительница сказала о ней, и он предположил: «Перфекто?»

Дарла просто сгибалась от смеха. Она сошла с дороги и упала на колени у сосны. Пол тоже рассмеялся. И рухнул на колени рядом с Дарлой. А потом они взглянули друг на друга и перестали смеяться. И тогда Пол нежно потянул ее к себе и поцеловал прямо в губы. Это так романтично! Я бы хотела, чтобы мой первый поцелуй был именно таким!

— Тебе нужно немного подрасти, Марти.

— Еще два года. И мне исполнится пятнадцать. Самый подходящий возраст для первого поцелуя. Или, скажем, четырнадцать...

Я насупился, а Марти захихикала. Я опять открыл книгу, но скоро почувствовал на себе ее взгляд. Она смотрела на меня и улыбалась.

— О чем ты сейчас думаешь, милая?

— О тебе.

— И что же именно?

— Мне просто интересно... — заерзала она.

— Спрашивай. Ты же знаешь, у меня нет от тебя секретов.

— Ладно. Скажи, почему ты никогда не приглашаешь на свидания наших девушек?

Я пожал плечами.

— Все незамужние девушки Нью-Лондона работают учительницами. Они получили образование в университете. Вряд ли им захочется встречаться с парнем, который даже школу не окончил и у которого всегда грязь под ногтями.

Марти покачала головой.

— Ерунда какая. Когда ты назначаешь свидания девчонкам из Килгора, руки у тебя чистые. А про школу забудь. Между прочим, я знаю по крайней мере двух девушек, которые хотели бы, чтобы ты был их парнем.

— Да ну? И кто же эти прекрасные леди?

— Во-первых, Вики. Ты ей до сих пор нравишься. Мы часто с ней болтаем. Она живет в одном доме с моей учительницей английского и приходит к нам в класс после того, как в начальной школе заканчиваются занятия. Можешь мне поверить, она была бы счастлива, если бы ты пригласил ее куда-нибудь.

— Мне нравится Вики, но мы совсем не подходим друг другу. Она такая хорошенькая и умная... Она может выбрать любого мужчину — такого, у которого куда больше денег и мозгов, чем у меня. Странно, что она до сих пор не выскочила замуж.

Марти опять покачала головой и вздохнула.

— А чем тебе не нравятся мои знакомые из Килгора? — поинтересовался я. — Джуди работает медсестрой, а Леона и Кэрл...

— Да ну их. После встреч с ними ты пахнешь, как зажженная сигарета. Готова поспорить, они и виски хлещут.

Мне было нечего на это сказать. Марти закинула руки за голову и продолжила:

— Ты, кажется, спрашивал, кто хотел бы с тобой встретиться. Вики — это одна девушка. Хочешь узнать, кто еще?

— Конечно!

— Ну, это совсем другое дело. Многие знают, что ты нравишься Вики. Что касается второй девушки, то здесь уже секрет, — сестра улыбнулась.

— Не томи меня.

— Ее зовут Эвис, — тихо произнесла Марти.

— Малышка Эвис? Ох, да не выдумывай ты. Ей лет шестнадцать, не больше, так ведь? Я же на восемь лет ее старше. Нет, правда, не надо так шутить.

Марти откинулась в кресле, хитро улыбаясь.

— Папа был старше мамы на двенадцать лет, а Эвис через три месяца исполняется семнадцать. Она уже не маленькая.

— Ладно, мисс Всезнайка, но с чего ты взяла, что я ей нравлюсь?

Она быстро выпрямилась.

— Это было в ту ночь после взрыва. Я ужасно беспокоилась за тебя и плохо соображала, что происходит. Так вот, я была у Эрвинов, когда в городе стало известно об аварии на буровой вышке. Но мы не знали точно, на какой скважине это случилось. Нам сообщили только через час — самый кошмарный час в моей жизни. В общем, я помню, как Энни — да, это, кажется, была она — вошла в дом и сказала нам, где произошел взрыв. Затем она ушла куда-то, а Эвис села в углу гостиной и положила голову на руки. А потом,

когда нас известили, что с тобой все в порядке, она закричала от радости.

— Видишь ли, это вовсе не означает, что она хочет стать моей девушкой.

— Знаешь, Люк, я ведь часто бываю у них в гостях. Она постоянно спрашивает меня о тебе. Конечно, мне всего тринадцать, но я в таких делах понимаю, уж поверь мне.

Я усмехнулся.

— Эл Фишер, наверное, попросит шерифа арестовать меня, если я приглашу Эвис на свидание.

— Ладно, мне пора спать, — сказала Марти, вставая с кресла. — Думай что хочешь. Но помни: Эвис всегда получает то, что желает.

— То есть?

— Ты что, забыл, как ей досталось новое пианино?

Люк

Я навсегда запомнил день, когда стригся у Эла Фишера в последний раз. Тогда мне казалось, что жизнь прекрасна и так будет вечно. Никогда уже не вернуться в тот замечательный мир.

Была суббота. В парикмахерской сидело еще несколько человек, и я какое-то время дожидался своей очереди. Наконец я сел в кресло и заговорил:

— Расскажи мне о прослушивании, Эл. Марти упомянула, что оно прошло не совсем так, как вы рассчитывали.

Эл взял в руки расческу и ножницы.

— Точно. Но мы рады, что дело закончилось так, а не иначе, и Эвис не уедет в Чикаго. Мне никогда не хотелось отпустить ее далеко.

— Да, сестра что-то говорила мне об этом, но не мог бы ты сам рассказать обо всем?

— С удовольствием. В прошлом месяце Эвис предложили встретиться со знаменитым мистером Моуинклем, преподавателем Чикагского университета. Каждый год он приглашает несколько человек, чтобы выбрать из них будущих студентов. Обычно это происходит тогда, когда начинаются занятия в университете.

Через четыре года все его ученики получают диплом и начинают выступать. А самое замечательное в этом то, что Моуинкль очень богат. Раньше он много гастролировал и заработал кучу денег. И если он хочет, чтобы кто-то стал его учеником, он сам оплачивает обучение в университете. Многие его студенты приобрели известность и теперь зарабатывают по тридцать тысяч в год, а некоторые и по пятьдесят.

Можешь себе представить, сколько людей хотят у него заниматься. Вообще-то, даже для приглашения на прослушивание надо хорошо учиться в школе и выиграть какой-нибудь музыкальный конкурс. Ну, Эвис, как тебе известно, отличница, и к тому же она победила на конкурсе пианистов в Далласе два года назад. Поэтому она подала заявку, и ее пригласили.

Моуинкль сам разъезжает по стране, чтобы ребятишкам не пришлось платить за билеты. И две недели назад он приехал в Даллас, а мы с Эвис отправились туда на поезде.

Мы вошли в огромную гостиницу, поднялись на лифте на верхний этаж. Моуинкль — он жил в роскошном многокомнатном номере — открыл нам дверь и проводил в зал, где стоял великолепный рояль. Моуинкль оказался высоким стариком. Волосы у него седые, но очень густые, а голос — низкий и глубокий. Правда, ему стоило бы подстричься, скажу я тебе. Чем-то он напоминает военного. Говорит таким тоном, что сразу становится ясно — его приказы выполняют беспрекословно.

Он велел мне посидеть в соседней комнате, пока Эвис будет играть. Что ж, я направился к дверям, но вдруг услышал, как моя девочка попросила: «Мне бы хотелось, чтобы папа остался здесь».

Моуинкль, кажется, собирался что-то возразить, но вместо этого они просто смотрели друг на друга несколько секунд. Наконец он произнес: «Что ж, если вам угодно, мисс

Фишер», и указал мне на кресло, стоявшее в углу комнаты. «Благодарю вас, сэр», — с улыбкой кивнула Эвис.

Вначале все экзаменующиеся исполняют пьесу по своему выбору — ее надо помнить наизусть. Она должна длиться не дольше десяти минут. Эвис сыграла сонату Шуберта и, по моему, прекрасно справилась: по крайней мере Моуинкль даже заулыбался, а после того как она закончила, произнес: «Очень хорошо».

Потом он порылся в бумагах, лежавших на столе, вытащил оттуда ноты и передал ей. «Вы не могли видеть эту пьесу раньше. Я сам ее написал, это единственная копия. Пожалуйста, можете просмотреть. Вы должны сыграть ее с листа. Я буду переворачивать для вас страницы. Не забудьте кивнуть, когда появится такая необходимость».

Там было всего два листа. Первые три страницы она изучала минуты полторы, не больше, но остановилась минуты на две на четвертой. Затем начала играть.

Ее пальцы уверенно летали по клавиатуре. Я заметил, как Моуинкль смотрел на нее во все глаза и улыбался. Музыка была очень красивой, и автору явно нравилось исполнение.

Моуинкль перевернул последнюю страницу, и мелодия стала более звучной, в ней появилась гармония, ласкающая слух. Но вдруг я увидел, что старик перестал улыбаться. Напротив, он даже нахмурился! Эвис закончила пьесу блистательным пассажем, и я едва удержался, чтобы не заплодировать, но тут Моуинкль сказал: «Здесь этого не написано». Эвис взглянула на него, вежливо улыбаясь, и объяснила: «Мне просто хотелось, чтобы главная тема зазвучала во всю силу».

Тогда его лицо стало походить на свеклу. Он ничего не говорил, только смотрел на Эвис, а она — на него. Наконец он произнес: «Спасибо, что пришли» — и проводил нас к лифту.

Пока мы ехали домой, дочка почти все время молчала. Мне не хотелось к ней приставать с расспросами, и я решил, что, если у нее появится желание, она сама заговорит. Когда мы подъезжали к Овертону, она действительно обратилась ко мне: «То, что я сделала, отвратительно. Нельзя думать лишь о себе. Как только мы приедем домой, я обязательно напишу ему, чтобы извиниться. Но...»

Это «но» так и повисло в воздухе. «Продолжай», — попросил я ее.

Эвис наклонилась ко мне. «Я должна сказать тебе кое-что, папа. Когда мы вчера ехали в Даллас, я решила, что не хочу быть концертующим пианистом».

Меня точно громом поразило. «Как же так?» — «Помнишь того парнишку, который выиграл конкурс в Сан-Антонио?» — «Конечно». — «Вот он будет хорошим артистом. У него есть талант, потребность радовать публику, красоваться перед ней. Ему нравится демонстрировать свою технику и мастерство. Сидя за фортепиано, он чувствует себя королем. Мне было бы сложно повторить его успех. Но я точно знаю, что не хочу быть такой же. Мне интереснее учить других. Больше всего я желала бы поступить в Техасский университет, чтобы изучать теорию и историю музыки. Но раз уж мы поехали в Даллас, то я, конечно, решила пройти прослушивание. И когда мы вошли в его пентхаус, мне сразу стало ясно, что он за человек. Я не могла бы стать его ученицей. Он настоящий сноб. Вся обстановка в его номере говорила об этом... Да, ему удалось написать очень красивую, музыкальную пьесу, но...».

Она опять замолчала, сказав «но». «Что же?» — спросил я.

«Ее нужно переделать. Главная тема звучит чудесно, но в конце она как будто теряется. Из-за этого пьеса становится... пурпурной. А она гораздо лучше звучала бы на октаву выше — впрочем, лейтмотив тоже следует усилить. К тому

же мелодию необходимо гармонизировать. Я так и сделала. И музыка стала ярко-желтой. Но...»

И Эвис опять замолчала, произнеся это злополучное слово. «Так что же?» — подбодрил я дочь.

Она нахмурилась. «Но я не должна была так играть. Это жестоко. Разумеется, мне придется извиниться, но все равно мне не следовало переделывать его сочинение. Нельзя быть такой эгоистичной. Если бы я могла изменить себя так же легко, как безделушку Моуинкля».

Так что, Люк, Эвис будет учиться в университете в Остине. Туда ехать четыре часа на поезде. К счастью, это не далеко — я бы не хотел, чтобы мои девочки уезжали за тридевять земель.

Люк

Э то был вторник. Я до сих пор помню, что Марти говорила мне за завтраком. Часто, очень часто я возвращался мыслью к этому разговору. Мне не дает покоя то, каким обыкновенным он мне казался и как несколько слов превратили наше тихое счастье в горе.

На завтрак я сварил овсянку. Марти подошла ко мне и подала лист бумаги, попросив прочитать написанное на нем слово. «Крейслериана», — старательно прочел я. Раньше мне не доводилось его слышать.

— Это немецкое слово, — объяснила Марти. — Эвис как-то произнесла его при мне, но оно вечно вылетает у меня из головы. Знаешь, мне бы хотелось выучить какой-нибудь иностранный язык. Мне нравится французский. Я слышала, как кто-то говорил по-французски на радио, и это звучало так красиво! Очень романтичный язык.

Сестра принялась за кашу, а я поинтересовался:

— Так что же это слово значит?

— Точно не знаю. Это название одной из пьес, которую Эвис будет играть в субботу. Но миссис Гэддис возражала против того, чтобы «Крейслериану» включали в программу.

— Почему?

— Она сложная. Ее исполняют только опытные музыканты. Когда Эвис выбрала эту пьесу, миссис Гэддис запротестовала. Потом они договорились, что Эвис станет в течение месяца разучивать ее, и если будет получаться, она сыграет и на концерте. В общем, через два месяца миссис Гэддис согласилась.

— Ну и зачем Эвис выбрала такую сложную пьесу? Она знает кучу сонат и фуг — почему бы не исполнить одну из них?

— Энни мне объяснила, — заулыбалась Марти. — Когда, очень давно, еще в прошлом веке, «Крейслериану» играла пианистка по имени Клара. Эвис прочитала ее биографию и теперь хочет исполнять те же пьесы.

Клара была виртуозом, и композитор Шуман, услышав, как она играет, влюбился в нее и начал за ней ухаживать. Это он написал «Крейслериану». Потом они поженились, но Эвис говорит, что все, что он сочинил после свадьбы, было уже не так прекрасно. Представляешь, Эвис даже сомневается, стоило ли Кларе выходить за него.

Да, а еще на следующей неделе будет готово ее концертное платье. Оно желтое, это ведь любимый цвет Эвис. Ты же придешь в субботу на концерт?

— Само собой.

Доев кашу, Марти опять заговорила:

— Надеюсь, в субботу будет тепло, как и три дня назад. Тогда мне казалось, что наконец-то наступила весна, но потом вернулись холода, и мы опять залезли в пальто. Представляешь, мы даже в классе сидим в пальто.

— Почему?

— Газовые обогреватели плохо работали, вот учительница и открыла окно. Некоторых тошнило, а еще у нас глаза слезились.

Мне стало страшно. Я вспомнил, как смотрел сквозь слезы на двух мужчин, лежавших ничком на платформе буровой вышки.

— Говоришь, глаза стали влажными?

— Да, немножко. И поэтому учительница открыла окно.

— А она не объяснила, что случилось с батареями?

— Там огонь то разгорается, то гаснет.

— Какой еще огонь? О чем ты говоришь?

— У радиаторов есть горелки, которые их подогревают.

Я смотрел на нее, широко раскрыв рот.

— У тебя сейчас очень забавный вид, — хихикнула Марти.

Радиаторы. Помещения обогреваются при помощи пара, идущего по трубам. Он поступает из бойлера — батареи сами по себе пар не вырабатывают. Странно, очень странно.

— Я пойду в школу вместе с тобой. Мне нужно взглянуть на эти радиаторы.

— Здорово! Заодно познакомишься с мисс Пенроуз. Она живет в одном доме с Вики.

Марти начала убирать со стола, но я велел ей оставить тарелки в покое и поспешить в школу — мне не терпелось осмотреть батареи до начала занятий.

Сестра представила меня своей учительнице английского (ее звали Пенни Пенроуз), а потом подвела к батарее. Пенни объяснила, что давление газа было неравномерным, и поэтому горелки работали плохо, а затем добавила, что вчера приходил человек из компании, поставившей радиаторы, и все починил.

Я опустился на колени: из отверстий в горелке вырывались синие язычки пламени высотой не больше дюйма. Учительница сказала, что батареи установлены во всех аудиториях. Я спросил, сталкивалась ли она с подобными проблемами

раньше, и Пенни подтвердила, что такое и правда случилось время от времени после того, как школа несколько недель назад подписала контракт с новой газовой компанией.

Что ж, мне больше нечего было там делать. Я поблагодарил учительницу, попрощался с Марти и поехал на работу. Но тревожные мысли не покидали меня весь день. Почему они не используют центральное отопление? Радиаторы имеют смысл устанавливать в здании с одной, максимум тремя или четырьмя комнатами. Но для такой школы, как лондонская, правильнее купить бойлер, который вырабатывает пар, чтобы направлять его затем в помещения. Паровое отопление предпочтительнее, а один большой бойлер лучше, чем пятьдесят или шестьдесят маленьких. Тогда потребовалось бы установить всего несколько газовых фитингов*, а не сотню. Так почему же они этого не сделали?

И тут я вспомнил, что, по словам Пенни, школа подписала контракт с новой компанией. Зачем? Почему они установили именно такие радиаторы?

После ужина я опять пошел в школу. Марти осталась дома делать уроки. Я стоял у лестницы и смотрел на белое кирпичное здание школы, построенное в одном из богатейших округов нашей области. На территории, принадлежащей этому учебному заведению, находилось семь нефтяных скважин, и от них школа получала арендную плату. Страна изо всех сил пыталась выкарабкаться из депрессии, но у нашей школы не было недостатка в деньгах. Так почему же ее руководство выбрало устаревший и даже опасный способ обогрева?

Я обогнул школу и оказался рядом с классом, в котором Эвис в субботу собиралась давать концерт. В плане здание

* Фитинг — соединительная деталь трубопроводов, устанавливаемая в местах поворотов, разветвлений и переходов с одного диаметра на другой.

напоминало букву «Е». Аудитория находилась в среднем крыле. Фасад школы — это самая длинная часть буквы. А северное и южное крыло занимали, соответственно, верхнюю и нижнюю «перекладину». Флигели были двухэтажные, в отличие от фасада; школа стояла на склоне.

Я приблизился к южному крылу и нашел там то, что искал. Из земли торчала труба, к которой был прикреплен обычный регулятор газа. От него шла небольшая труба, входившая в отверстие в стене школы, прямо под полом классов.

Вокруг этой трубы земля побелела: от здания отходила полоска такого же светлого песка фута три толщиной. Значит, кто-то копал здесь землю. Видимо, недавно рыли канаву. Я прошел по этой дорожке почти четверть мили. Мне стало ясно: новую трубу присоединили к старой.

К северо-востоку от школы виднелось оранжевое пламя — я разглядел его с того места, где стоял. На меня опять нахлынули воспоминания.

Несколько лет назад мы с Марти решили прогуляться после ужина. Несмотря на осенние заморозки, стоял прекрасный вечер. Тогда она еще спросила меня, почему на месторождениях так много огней. «Что же это получается, вы тратите газ впустую?»

Я ответил ей, что такой газ дешевле жечь, чем хранить — ведь он почти ничего не стоит после того, как из него извлекли газолин, бутан и пропан. Его называют остаточным.

Потом Марти поинтересовалась, нельзя ли этим газом отапливать дома, а я подтвердил, что многие люди, живущие в лагерях нефтяников, так и делают. А еще его используют для обогрева некоторых церквей. Нефтяные компании не возражают против этого.

Я посмотрел на школу, на ров, на пламя и понял, что было сделано: *теперь школа отапливается остаточным газом.*

Но зачем? Для экономии? Находишь наша школа в каком-нибудь нищем округе, это было бы разумно. Но зачем крохоборничать такой процветающей области, как наша?

Неужели газ поступает бесперебойно? Наверняка его давление меняется. И каков, интересно, его химический состав?

Об этом должен знать Бен Халли. Он же член родительского комитета школы, уважаемый человек. Кроме того, он ходит в нашу церковь. Я не сомневался: Бен обязательно скажет мне правду.

Через несколько минут я уже стучал в его дверь. Мне открыла Сью, маленькая рыжеволосая женщина.

— Как мило, что ты решил зайти, Люк, — тихо сказала она своим нежным голоском и приветливо улыбнулась, — входи же.

— Спасибо, Сью. Бен дома?

— Нет, он в Овертоне, на встрече с инвесторами. Может, зайдешь завтра?

Но завтра, в среду, я договорился встретиться с Джуди. Мы хотели заглянуть в новый дансинг-холл.

— А что если я приду в четверг, после ужина?

— Конечно. Будем тебя ждать.

«Интересно, в курсе ли она», — подумал я.

— Скажи, Сью, Бен говорил тебе что-нибудь о новом отопительном оборудовании в школе?

— А, да, — вновь заулыбалась женщина. — Родительский комитет был в восторге. Мы экономим кучу денег.

— Бен упоминал об остаточном газе?

— Нет... Не помню...

Да, вряд ли сегодня мне удастся узнать что-то еще.

— Спасибо, Сью. Передай Бену, что я навещу вас в четверг. Скажи, а Тим уже решил, где он будет учиться?

Она расцвела.

— Нет. Знаешь, он ведь отлично играет в бейсбол, так что и Техасский университет, и Техасский христианский университет, и Южный методистский университет согласны выплачивать ему стипендию.

Мы попрощались, и я зашагал к дому. Я думал о Бене Халли. Он банкир, умный, предусмотрительный человек. Его единственный сын учится в нашей школе. Вряд ли Бен, будучи председателем родительского комитета, позволил бы причинить своему ребенку вред. Они все просчитали. Нежный голос Сью избавил меня от сомнений.

Ветер донес до меня звуки пианино. Я решил сделать небольшой крюк. Оказавшись у дома Эла Фишера, я заглянул в открытое окно и увидел сидящую за инструментом Эвис. Музыка была такой волнующе прекрасной. Я тихо стоял у окна, упиваясь игрой девушки.

Эвис в последний раз прикоснулась к клавишам. Я подождал с минуту — вдруг она сыграет еще какую-нибудь пьесу, потом отошел от окна.

— Привет, Люк.

Эвис стояла на крыльце. Дверь дома была закрыта.

— Здравствуй, — махнул я ей рукой, — ты здорово играла.

Она знаком попросила меня приблизиться. Пальцы у нее были длинные и тонкие.

— Иди сюда, Люк, а то я тебя совсем не слышу.

Я поднялся по ступенькам.

— Ты здорово играла. Я услышал музыку — и просто не мог сдвинуться с места.

— Мне очень приятно это слышать.

— А что ты играла? Шумана? Эту пьесу ты будешь исполнять в субботу?

— Это баркарола, и сочинил ее не Шуман, а Рубинштейн. Да, я буду исполнять ее на концерте. Ты придешь?

— Барк... что?

Эвис рассмеялась, произнесла это слово по буквам и стала объяснять что-то про чередование сильных и слабых долей. Я заверил ее, что обязательно приду в субботу.

— Если хочешь, я могу повторить ее для тебя. Заходи в дом.

— Да нет, не стоит беспокоиться, Эвис.

Она открыла дверь и поманила меня за собой.

— Мне нужно много репетировать! — С этими словами девушка села за пианино и показала рукой направо. — А ты стой здесь.

Когда Эвис играла, она глядела то на меня, то на клавиатуру. Ее руки жили собственной жизнью: они то сплетались, то разлетались в разные стороны.

Раздался последний аккорд, и я сказал ей, что не могу понять, как люди умудряются сочинять такую прекрасную музыку. Еще мне было интересно, откуда она знает, где в каждый момент должны находиться ее пальцы. Эвис, рассмеявшись, заметила, что это отличный вопрос, но она не сумеет на него ответить.

Потом она встала со стула.

— Пойдем на крыльцо.

Я последовал за ней, и она попросила меня прикрыть дверь.

Мы стояли в шаге друг от друга, лицом к лицу. Эвис улыбалась, но не произносила ни слова.

— Ты собираешься поступать в Техасский университет? — начал я. — Мой отец всегда говорил, что Остин очень красивый город.

— Да. Но уеду я только в сентябре. А на День благодарения и на Рождество обязательно буду возвращаться домой.

На улице стемнело, но я видел, как искрятся ее карие глаза. Внезапно я понял, что говорю не с девочкой, а с очаро-

вательной девушкой, и вспомнил слова Марти: «Эвис всегда получает то, что хочет».

— А знаешь, что я придумала? Приезжай-ка с Марти ко мне на выходные. Будет весело. Я покажу вам город.

Я кивнул, не зная, что ответить. Ей было всего семнадцать, но...

— И Энни с собой возьмите. Она будет возиться с Марти, а мы с тобой — разговаривать.

— Отличная идея, — улыбнулся я.

Мы постояли так еще некоторое время. Улыбка не сходила с лица Эвис, и она по-прежнему смотрела мне прямо в глаза.

— Что ж, мне пора, — спохватился я. — Спасибо за концерт.

— Буду ждать тебя в субботу.

Я кивнул, спустился с крыльца, потом помахал ей, стоя на тропинке. Она помахала мне в ответ. Пройдя по дороге футов пятьдесят, я оглянулся. Эвис не двигалась. Я еще раз поднял руку, и она сделала то же самое.

Лежа в постели, я пытался припомнить мелодию, которую играла Эвис. Мне это никак не удавалось. В голове звучали какие-то отрывки, фрагменты, но не мелодия. Пытаясь соединить ноты воедино, я долго не мог уснуть. Что ж, в субботу, на концерте, части сложатся в целое. Надо будет прийти пораньше и занять место в первом ряду.

Но мне не давала покоя и другая мысль. Как же быть с газовыми обогревателями в школе? Почему используется остаточный газ? Я думал о Сью Халли и о том, что ее ласковые слова заставили меня позабыть о тревоге. Однако, говорил я сам себе, родительский комитет не возражает против газовых обогревателей. А ведь в него входят уважаемые и опытные люди, такие, как Бен Халли, их дети тоже учатся в этой школе. Они не станут одобрять рискованные затеи.

Джуди любила выпить, как и Кэрол с Леоной. Пару раз я ходил на свидания с «хорошими» девушками, но они казались скучными и слишком предсказуемыми. Мне нравились веселые, шумные женщины, которые и меня развлекали, и пересудов не боялись. Джуди работала медсестрой в больнице в Килгоре. Эта маленькая темноволосая хохотушка была готова резвиться всю ночь напролет.

В восемь часов я заехал за ней, и мы направились в новое увеселительное заведение, которое находилось в Лонгвью, на полпути от Глейдуотера. Поставили машину на стоянку. Там висел огромный плакат, извещающий о том, что в среду вход бесплатный. Джуди обрадовалась: на сэкономленные деньги я смогу купить ей больше коктейлей. Потом она обеспокоенно спросила, прихватил ли я с собой бутылку. Конечно, я ее не забыл.

В клубе было полно народу. Всюду плавали клубы дыма, громко играл какой-то оркестрик. Мы потанцевали немного, но большую часть вечера провели за столиком, слушая пискливые звуки скрипки, брэнчание гитары и грохот барабанов.

В одиннадцать вечера Джуди вылила остатки рома в свою колу и, коснувшись моей щеки, спросила:

— Тебе нравится, как мы проводим время, красавчик?

— А как же. Отличная музыка, отличная компания.

— Ага. Только у нас больше нет рома. — Джуди надула губки.

— Нам же завтра на работу, кисонька.

— Так и знала, что ты это скажешь, — усмехнулась она. — Ты такой ответственный! Но у меня для тебя сюрприз, детка. — Она открыла сумочку и достала оттуда бутылку рома.

— Целая пинта? Джуди, ты с ума сошла.

— Да не волнуйся ты. Нам же не обязательно допивать ее до дна. Но сейчас уходить глупо. Мне так нравится этот оркестр. Давай выпьем еще по коктейлю. Закажи колу. И сэндвичи.

Даже не знаю, сколько было времени, когда мы оттуда ушли. Помнится, я смотрел на часы, но ничего не видел.

Джуди было не оторвать от стола. Она продолжала нить, что в бутылке еще остался ром, и ругала меня за то, что я, такой-сякой, не разрешаю ей его допить. Мы вышли на улицу, поддерживая друг друга. Повеяло прохладой. Я глубоко дышал, надеясь, что холодный воздух прочистит мне мозги.

Потом я отвез свою подружку домой. К счастью, по дороге нам машины не попадались. Через полчаса я уже был у нашей калитки. Я подошел к крыльцу, и вдруг меня вырвало. Пару минут я постоял на улице, затем поковылял к себе и рухнул на кровать. Мне с трудом удалось снять ботинки. Лежал я в постели и думал: «Все, это в последний раз. Больше я с Джуди не встречаюсь. Ни в коем случае».

Мне пришлось подождать, пока стены комнаты перестанут шататься. И вдруг я увидел, что в дверях стоит Марти. Она была в ночной рубашке. Ее лицо потемнело от гнева. «Ты пьян», — сказала она и вышла из комнаты.

Я проснулся от ужасной головной боли. В доме никого не было, а на улице совсем рассвело. Посмотрев на часы, я понял, что проспал. Марти, видимо, сама приготовила себе завтрак и ушла в школу.

Голова раскалывалась у меня все утро. Только съев сэндвич, я почувствовал, что возвращаюсь к нормальной жизни. В тот день я работал вместе с напарником. Мы проверяли

дизельный двигатель на месторождении, которое находилось к югу от Килгора.

К обеду все было готово. Мы собирались завести двигатель, но вдруг слышали странный шум, глухой удар, из-за которого, казалось, задрожала земля. Мы переглянулись, побросали инструменты и вышли на поляну около дороги. Я решил, что взрыв прогремел на одной из вышек, и искал глазами черный дым. Но мой напарник показывал на юг. Я посмотрел в том направлении и увидел белесое облако, застывшее прямо над соснами. Мы наблюдали за ним минуту, не меньше. Что это за белый дым? Неужели в лесу начался пожар? Но что тогда означает глухой удар?

Глухой удар. Взрыв. Белое облако. Взорвалось что-то белое. Белое? Кирпич?

— Сколько сейчас времени? — заорал я. Потом полез в карман и достал оттуда часы. Три часа девятнадцать минут. Занятия у младших классов еще не закончились.

— Нет! Нет! Нет! — кричал я, когда бежал к машине.

19

Люк

Я ехал, вздымая за собой красную пыль, по проселку, по деревянным мостам. Наконец показалось шоссе. Я резко повернул влево, вжав акселератор в пол до отказа. Взвизгнули покрышки. Это было сорок второе шоссе, дорога, ведущая к белому облаку, к школе. Сердце билось как сумасшедшее; мне чудилось, будто подо мной разверзлась бездна. Она словно засасывала меня внутрь, Расс, но я старался удержаться на краю.

Я убеждал себя, что взорвался завод по переработке нефти. Да, маленький заводик на севере города. Возможно — резервуар с бутаном, находившийся как раз рядом с конторой, построенной из белого кирпича. Резервуар взлетел на воздух, и здание обрушилось. Отсюда и облако.

Через минуту я увидел этот самый завод. А туча, медленно плывущая по небу, разрасталась, принимая угрожающие размеры. Бездна подо мной ширилась и углублялась, и я изо всех сил пытался не сползти в нее.

Я подъехал к холму и сквозь дымку белой пыли разглядел гору камней. За ней виднелись знакомые здания, и в этот момент мне стало ясно, что груда обломков еще несколько минут назад была школой.

Я увидел детей. Они стояли, ходили, сидели на коленях. Значит, кто-то выжил! Подъехав ближе, я нажал на тормоз и выпрыгнул из машины; я подбегал ко всем девочкам: к тем, что стояли, к тем, что сидели и к тем, кто тихо лежал на траве. Каждой из них я заглядывал в лицо. Но Марти среди них не было.

Тут какой-то мужчина закричал: «Мэри! Мэри!» — и стал разгребать обломки руками. Женщина подошла к столпившимся людям. Она согнулась и, сцепив прямо перед собой руки, монотонно повторяла что-то. Сирены выли все громче и громче.

Но бездна еще не поглотила меня. Эти дети выжили, значит, и другие тоже. Из-под обломков не доносилось ни стонов, ни криков. Толпа стремительно увеличивалась в размерах, и люди говорили: «Бог», «Иисус» и «Господи, помоги!» Голоса звучали странно, пронзительно: их исказили изумление, страх и паника.

Потом я заметил стоявшую у флигеля женщину, обнимавшую темноволосую девочку. «Ри! Рэйчел!» — бросился я к ним.

Рэйчел побежала ко мне навстречу.

— Люк! Какое счастье! Моя доченька жива! Ты не видел Нила?

Я наклонился к Ри — она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Ее взгляд поразил меня своей тупой бессмысленностью.

— Ри, ты же была с Марти?

Она глядела сквозь меня. Я приблизил к ней свое лицо.

— Ри, посмотри мне в глаза. Ты помнишь, во что была одета Марти?

Рэйчел подтащила девочку к себе.

— Оставь ее в покое. Разве ты не видишь: она в шоке и не может сейчас разговаривать? Почему ты не помнишь, что было надето на Марти?

— Помолчи, Рэйчел! Дай мне поговорить с ней!

Тогда Рэйчел отвела назад руку и ударила меня по лицу. Но она тут же быстро проговорила:

— Прости меня, Люк, прости! Пожалуйста, отыщи Нила. Найди Марти. Мне нужно увести отсюда Ри. Господи, помоги моему мальчику, спаси его!

Мое лицо горело от пощечины. Я видел, как Рэйчел тащит дочь сквозь толпу, которая становилась все больше и больше. Подъехала машина «скорой помощи», и люди понесли к ней детей. Многие были залиты кровью. А на земле лежали чьи-то тела, прикрытые простынями.

На развалинах стояли мужчины. Видимо, спасатели. Я должен помочь им, но не сейчас, позже.

«Почему ты не помнишь, что было надето на Марти?» Я мог узнать это только одним способом. В машину садиться бесполезно. Дорога забита транспортом спасателей, по ней шла толпа родителей и тех, кто работал на месторождении.

Я помчался вперед. Мне нужна была надежда — только так я мог удержаться на краю бездны. И я схватился за соломинку. А что если Марти почувствовала себя плохо и утром вернулась из школы домой?

Но моя надежда была непрочной, словно тонкая нить. Марти никогда не болела. Тогда я подумал: Марти выжила, как и Ри, просто она побежала домой. Ну да, она бы так и сделала! Если бы ей стало страшно, она бы поспешила в безопасное место. Она уже там, она ждет меня, и я подхватчу ее на руки, обниму, буду баюкать и успокаивать.

Я одним махом взлетел на крыльцо и распахнул дверь, выкрикивая «Марти! Марти!». Потом метнулся в другую комнату. Соломинка выскользнула из моих рук. Но я не собирался падать в зловещую яму. Мне нужно присоединиться к команде спасателей!

Я влетел в комнату Марти, распахнул дверцу шкафа и вывалил его содержимое на кровать. У нее было пять платьев. Но она не носила их в определенной последовательности, надевала любое, когда ей вздумается. Какого же здесь нет? Я уставился на платья. Синее со светло-желтым воротничком. Темно-коричневое, красное с розовым воротничком. Платье в цветочек с оранжевой манишкой. Голубое в белую полоску, с белым пояском. Закрыв глаза, я начал вспоминать, как она уходила из дома каждое утро, возвращалась, готовила ужин, сидела на качелях, поджидая меня, слушала радио, корпела над домашним заданием.

Да, еще у нее было синее платье, усыпанное крохотными белыми цветочками. Я выбежал из дома, услышав, что рев сирен на юге стал громче.

Добравшись до своей машины, я полез внутрь за перчатками, затем поспешил к обломкам школы. «Люк!» — окликнула меня какая-то девушка.

Это была Вики. Она подбежала и схватила меня за руку.

— Что с Марти?

— Ты сможешь найти ее, Вики?

— Конечно!

— На ней было синее платье в цветочек, с белым воротничком. Если отыщешь ее — позови. Я буду здесь всю ночь.

— Я помню это платье. И начну искать сейчас же. — Вики повернулась, чтобы уйти, но я взял ее за руку.

— Вики, где они занимались? Она говорила, что ты, после того как заканчивались уроки у малышей, иногда навещала свою подругу.

— Марти была в классе Пенни. Иными словами, у них шел английский.

— Ри Эрвин училась вместе с моей сестрой? — я вновь схватился за соломинку.

— Нет.

— А ты видела Пенни?

— Никак не могу ее найти, — произнесла девушка дрогнувшим голосом.

— Ладно. Я должен помочь спасателям.

Она погладила мою руку и поспешила к машинам «скорой помощи».

Аудитория, в которой вела урок Пенни, находилась в западной части здания, ближе к фасаду, а не к заднему крыльцу. Задняя часть здания неплохо сохранилась, а вот главный фасад превратился в развалины.

Я подошел к человеку, стоявшему на обломках (кажется, он здесь распоряжался), и сказал ему, что я тоже готов помочь.

В ту ночь я работал «в связке», как они это называли. В свете прожекторов, которые притащили с месторождения, я прикреплял цепи к большим кускам бетона и стали, чтобы потом поднимать их при помощи лебедки, установленной на грузовике. Мне не сразу доверили эту работу. Сначала я наблюдал за тем, как незнакомый парень сражается с цепями, наконец не выдержал, оттолкнул его в сторону и заявил, что сам этим займусь. Он не возражал.

Еще до полуночи мы обнаружили под обломками нескольких детишек, оставшихся в живых. Когда до нас долетали их крики, мы оттаскивали в сторону обломки, копали, поднимали груды камней, чтобы вытащить оттуда ребят. Мы работали как одна команда: предостерегали друг друга, подсказывали, бросались на помощь, отдавали приказы и подчинялись им. В эти часы наши голоса звучали возбужденно. Со всех сторон слышалось: «Эй, сюда, парни! Тут кто-то плачет. Поднимите эту балку. Осторожно, острый край! Помогите ее поднять! Правее, правее. Теперь вверх. Вот она!

Она еще дышит. Надо снять с ее ноги обломок. Держись, милая, мы тебя спасем!»

Я слышал крики девочек. Каждый стон делал соломинку, за которую я держался, длиннее.

После полуночи крики смолкли. Было слышно только шипение ацетиленовых ламп, звон цепей, ударявшихся о бетон, и рычание моторов, установленных на лебедках.

Когда стоны стихли, мы поняли, что побеждены. Больше нам никого не спасти. И это сразу отразилось на людях: наши голоса стали звучать устало и безжизненно.

«Что там у вас? Нашли ногу, обутую в туфлю? Положите ее под простыню. Эй, ты, с фонарем! Режь балку, убери насос. Что там, ребенок? Только рука? Под простыню. Давайте, давайте, парни. Рассвет еще не скоро. А ты иди сюда. Нужно убрать этот обломок».

Силы покидали меня так же стремительно, как кровь, хлещущая из глубокой раны. Где-то за час до рассвета справа от меня кто-то сказал: «Похоже, еще одна учительница».

Я посмотрел туда и увидел светлые волосы и лицо, покрытое известковой пылью. Я подполз к телу. Это была Пенни Пенроуз. Она вела английский у седьмого класса. Мне стало так плохо, что пришлось улечься на землю.

— Я больше не могу.

— Так, тебе нужно сделать перерыв, — загремел голос слева. — Выпей кофе и съешь сандвич. Это приказ!

Я поднялся и, пошатываясь, сошел с развалин. Какая-то женщина подала мне кружку и бутерброд. Я уселся на траву и принялся есть и пить. То и дело раздавались стоны сирены: машины «скорой помощи» приезжали и отъезжали, забрав свой ужасный груз.

Я встал, надел перчатки, подошел к мужчинам, которые грузили куски бетона, и начал помогать им, бросая огром-

ные обломки в кузов. Я старался выбирать самые тяжелые куски. По моему лицу струились капли дождя.

Через несколько минут я увидел девушку, стоящую между двумя грузовиками, и не понял сначала, что она здесь делает. Ведь идет дождь. Она должна быть в укрытии, вместе с другими женщинами.

Потом меня обуял ужас. Я боялся оглянуться. Хоть бы она ушла! Я продолжал поднимать куски бетона и забрасывать их в машину.

— Люк, — произнесла она. Но я даже не взглянул в ее сторону. — Тебе нужно вернуться в Овертон вместе со мной.

Я стал осматриваться в поисках самого большого обломка. Поднял перекоренный кусок бетона и швырнул его в кузов. Раздался такой грохот, будто прогремел гром.

— Пойдем же, Люк, — позвала девушка.

Я повернулся к ней и обругал ее такими грязными словами, каких, казалось, раньше даже не знал. Я надеялся, что она, как уважающая себя женщина, услышав ругательства, смутится и убежит.

Но она только подошла ближе ко мне и сказала:

— Я поведу машину. Ты должен поехать со мной в Овертон, Люк.

Тогда я ткнул в ее сторону пальцем и заорал:

— А ну, пошла отсюда! Сейчас же! Тебе нельзя здесь находиться! Здесь работают мужчины, спасательная команда, понимаешь?! Твое место рядом с женщинами! Иди, вари кофе! Делай сэндвичи! Нам нужна еда! Все, иди!

Но она продолжала стоять под дождем, глядя на то, как я швыряю в грузовик обломки.

Я все еще надеялся на чудо, хватался за соломинку, но чуда не произошло, и потому я повернулся к Вики и спросил:

— Где твоя машина?

До Овертона было больше шести километров. За время пути мы не проронили ни звука. Было слышно только, как дворники скользят по стеклу и как воют сирены.

Вики остановилась у вереницы машин, припаркованных на улице. Перед нами было здание с освещенной дверью, над ней я увидел надпись: «Госпиталь Американского легиона».

Я не хотел выходить из машины, но Вики обошла ее, открыла дверь и, взяв меня за руку, повела к этому зданию.

Внутри раздавались какие-то странные звуки. Слышались высокие и низкие голоса, перебивающие друг друга: они звучали, словно кошмарный хор. Женщины рыдали, что-то вскрикивали жалобно, и можно было различить каждый голос, каждый стон.

Моя спутница провела меня внутрь. На столах белели простыни, и под ними лежало то, из-за чего ткань приобрела пугающие очертания.

Вики подошла к противоположной стене и взглянула на меня. Справа из-под простыни торчала нога, обутая в мальчишеский ботинок. Тогда я повернулся налево и увидел черные туфли, хорошо мне знакомые, и две бледные ноги, и край синего платья. На ткани было нарисовано три маленьких цветочка. Мой мир обрушился, заходил ходуном. Бездна поглотила меня.

Я встал на колени и откинул простыню. Рыдая, Вики сказала, что лицо моей сестренки осталось невредимым. Марти выглядела так, словно спала. Но что-то тяжелое упало на нее, и она погибла.

— Она страдала? — взглянул я на Вики.

— Нет, она умерла мгновенно. Марти уже на небесах.

Понятия не имею, сколько я стоял так, но Вики не отходила от меня ни на секунду. Вдруг кто-то окликнул меня.

Я поднял голову. Передо мной была женщина в белом халате с папкой в руках.

— Это ваша дочь, сэр?

Я встал на ноги. На ней были очки с черными дужками, темные волосы зачесаны назад, а на лице застыло ровное, безжизненное выражение. Красные, воспаленные глаза вперились в мое лицо. Женщина повторила свой вопрос.

В тот момент я ничего не соображал, но в конце концов понял, о чем меня спрашивают.

— Она моя сестра.

— Мне очень жаль, — пробормотала врач. — Родители знают?

— Они давно умерли. Я ее опекун.

— Сочувствую вашему горю... Не могли бы вы назвать ее фамилию?

Я сделал глубокий вдох. Выдохнул.

— Ее зовут Марта Ли Робертсон.

Она записала, а потом, не поднимая глаз, продолжила:

— Возраст?

— Тринадцать.

Было слышно, как карандаш скрипит по бумаге.

— В какой класс она ходила?

— В седьмой.

— Спасибо, сэр. Мне нужно идти. Я должна поговорить и с другими людьми. — Женщина повернулась и пошла по коридору.

Сзади рыдал мужчина. Наверное, мне тоже следовало заплакать, но я не мог. Тогда я подошел к нему. Он сидел на складном креслице, закрыв лицо руками. Когда я приблизился, он приподнялся, и я, посмотрев на его круглое лицо, узнал Эла. Заметив меня, он встал на ноги.

— Неужели твоя маленькая сестричка тоже погибла, Люк?

Внимательно глядя на него, я покачал головой, а потом закивал.

— Она цела? — спросил он низким дрогнувшим голосом.

Я не сразу понял, о чем он говорит, а когда сообразил, стал дышать чаще и опять кивнул.

Эл схватил меня за плечо и громко сказал:

— Тогда тебе повезло!

Я перевел дыхание и еле слышно прошептал:

— А Эвис?

К нам подошла медсестра. Ее глаза сузились.

— Прошу вас, сэр, говорите тише. Здесь много людей, потерявших близких.

Но Эл закричал изо всех сил:

— А моих девочек разорвало на куски!

— Заставьте его замолчать! — рявкнул мужчина, стоявший в другом конце комнаты. Женщины закричали. Их голоса были полны ужаса.

Медсестра, обнажив зубы, отчеканила:

— А ну-ка тихо!

Люди столпились около Эла, стали протягивать к нему руки, но его было не удержать:

— Моих девочек разорвало на куски! Всех троих! И спасатели даже не могут найти все части их тел!

Его оттащили в конец коридора, к кухне. Секунду я смотрел на Эла, потом ринулся к двери, полетел вниз по ступенькам, упал на колени, и меня вырвало прямо на мокрую от дождя траву. Подошла Вики. Она присела рядом, а когда меня перестало тошнить, притянула мою голову к своей груди и, поглаживая мои волосы, прошептала:

— Позволь мне помочь тебе.

Дверь была открыта, и мы оба слышали, как кричит Эл.

— Никто мне их не вернет! Неужели мы заслужили этот ад? В чем мы провинились перед Тобой? В чем?

Небо стало светло-серым: близился рассвет. Пошел дождь, и на красной земле образовались лужи.

Следующее, что я помню, — прикосновение руки. Я проснулся. Это был тяжелый сон без сновидений. Я лежал на диване, а Вики стояла на коленях рядом с ним.

— Люк, прости, что я тебя разбудила, — сказала она, — но сейчас составляют расписание похорон на завтра, нужно принять решение.

У нее были красные глаза, а голос звучал слабо и глухо.

Я приподнялся, положил руку на лицо и вспомнил странные очертания тела под простыней. Лучше бы мне не просыпаться.

— Чем это пахнет? — выдавил я из себя наконец.

— Я приготовила обед. Ты должен поесть.

Я выглянул в окно:

— Сколько времени?

— Два часа дня. Ты спишь с восьми утра. Люк, мне пора в церковь. Похороны начнутся завтра в одиннадцать часов пятнадцать минут. Ты не возражаешь?

— Какие похороны?

Она молча взглянула на меня, и я, сообразив наконец, кивнул.

— Я все понимаю, — промолвила Вики. — Ты хочешь, чтобы ее похоронили в том же платье, в котором она была? Или в другом?

Да какая разница!

— В том же.

— Ее похоронят рядом с матерью, на кладбище Плезант-Хилл, да?

Я кивнул.

— Какая музыка, по-твоему, должна звучать на похоронах? Может, какой-нибудь псалом, который больше всего нравился Марти?

Внезапно это стало меня раздражать.

— Не надо никакой музыки, — отрезал я, вставая.

— Не говори так, Люк, — взмолилась Вики. — Она ведь так любила петь! Пожалуйста, не говори так.

— Если это так уж важно, черт возьми, выбери какой-нибудь псалом сама! Я слишком устал, чтобы думать об этом.

— Хорошо. Я знаю, что она любила. А сейчас мне пора идти в церковь. Не забудь поесть. Тебе нужны силы, чтобы выдержать завтрашний день. Я скоро приду.

Вики погладила мою руку и вышла из дома. Я опять прилег на диван и через некоторое время осознал, что думаю о том, где может так поздно задерживаться Марти.

Я помню эти похороны. Они начались субботним утром. Все продолжалось десять-пятнадцать минут. Вокруг было полно людей. Вики сидела подле меня. Я был рад, что рядом кто-то есть. Эрвины на службу не пришли. Я спросил о них Вики, и она ответила, что Нил скончался в больнице от полученных ранений и его похороны проходят сейчас в баптистской церкви. Службу проводил незнакомый священник. Вики пояснила, что пасторы приехали и из других городов: кто-то из них выполнял свои скорбные обязанности в церкви, кто-то — на кладбище. Не помню ни слова из того, что говорилось на панихиде. Зато помню, что Вики выбрала псалом «Справедлив Господь». И еще — вереницу машин, которая, будто змея, тянулась от Лондона до кладбища Плезант-Хилл; оранжево-красные холмики над могилами — много-много рядов.

Помню, как мы с Вики стояли у края могилы, а два пастора произносили речь. Один находился в двадцати футах от нас, но его было прекрасно слышно — так громко он восклицал. А наш священник мямлил что-то слабым голосом. Я уже начинал на него злиться, совсем как на похоронах отца. Почему он не говорил уверенно и твердо, как пастор у соседней могилы? Неужели моя сестренка этого не заслужила?

Помню, как Вики взяла меня под руку, когда мы возвращались к машине. Вдруг она показала куда-то, и мы свернули в сторону. Рэйчел, Том и Ри шли от могилы к воротам. Я окликнул их, и Рэйчел упала в мои объятия:

— Люк! Я любила ее, как родную дочь, ты же знаешь об этом! Мне так жаль, что мы не смогли прийти на похороны. Но нам надо было попрощаться с нашим мальчиком.

Я держал за руки рыдающую Рэйчел, а Вики обнимала Ри. Том стоял рядом, опустив голову.

Следующие несколько дней я никак не мог найти себе места. Я заходил в комнату Марти, потом шел в кухню, и так повторялось много раз... Ночью мне даже приходилось выходить на улицу и до рассвета шагать по ней взад-вперед. С первыми лучами солнца я возвращался домой и старался уснуть.

Все это время меня преследовал один и тот же сон. Марти стояла прямо передо мной, и я говорил ей: «Послушай, сестренка, мне нужно сказать тебе кое-что!» Марти улыбалась в ответ, я пытался дотронуться до нее, но она ускользала от меня. И я хватал рукой воздух.

Через пять дней у меня сложился новый распорядок дня: я просыпался, ел, шел к могиле Марти — она находилась в четырех с половиной милях от дома, — час проводил на

кладбище, а затем возвращался к себе. После обеда я проделывал тот же путь. Так мне удавалось убивать время.

Как-то ко мне зашел мой начальник и сказал, что я должен выйти на работу. Но меня это не интересовало. Я заявил ему, что увольняюсь, и потребовал, чтобы он убирался. Больше он не приходил.

Во время этих долгих прогулок я мысленно прокручивал одни и те же слова и сцены из прошлого. Рэйчел спросила: «Почему ты не помнишь, что было надето на Марти?» А сестра говорила (и это звучало так безобидно): «Представляешь, мы даже сидим в классе в пальто». Судья, пожав мне руку, предупредил: «Ты должен сделать так, чтобы ни один волос не упал с ее головы». Мама, лежащая на смертном одре, с трудом прошептала: «Пожалуйста, будь ласков с моей доченькой». А в тот вечер, когда Марти вернулась домой от Эрвинов, она произнесла: «С тобой мне нечего бояться. Мой дом здесь». И меньше чем через год я услышал: «Ты пьян!» Это были последние слова Марти, обращенные ко мне.

Прошло девять дней. В то утро я лежал на диване, и тут вдруг кто-то постучал в дверь. Я никого не ждал, но незваный гость не унимался, и поэтому мне пришлось встать и подойти к двери.

На пороге стояла Вики. В руках она держала тарелку, завернутую в фольгу.

— Здравствуй, Люк!

Я не ответил на ее приветствие, но в дом пригласил. Она прошла в кухню, я — за ней. Вики поставила тарелку на стол, и тогда я сказал:

— Ты приносишь мне еду каждый день. Спасибо, но больше этого не делай. Со мной все в порядке. Я и сам умею готовить. Не стоит утруждать себя.

Вики взглянула мне в глаза и обеспокоенно произнесла:

— По тебе этого не скажешь.

— Поверь, это так. А если и нет — не твое дело.

— Могу я присесть?

— Зачем?

Однако она взяла стул и уселась на него.

— Почему бы тебе не сделать то же самое? — спросила

Вики, указывая на кресло.

Я сел.

— Завтра Пасха, — мягко сказала девушка, наклонившись вперед. — На том месте, где стояла школа, будут проводить службу. Эта панихида — для всех, придут люди из разных церквей. Давай пойдем туда вместе. Пожалуйста!

— Нет.

— Мне никогда не понять, через что тебе пришлось пройти. Но я точно знаю: многие, очень многие пережили то же самое. И они пойдут завтра на службу и будут плакать вместе со всеми — возможно, это облегчит им горечь утраты.

— Плакать? — хмыкнул я. — Тогда они просто везунчики. Я, к примеру, даже на это не способен. Не могу плакать. И хотелось бы, да не могу. Разучился. Кстати, что ты там неслася насчет горечи утраты? Разве ты можешь это понять! Как это вообще получилось, что ты так много обо всем знаешь?

— Пойдем со мной на службу, Люк. Побрейся, надень костюм...

— Я же сказал — нет. После смерти Марти я в церковь не пойду, где бы ни проводили службу: внутри или снаружи. И я не желаю больше слушать о Боге! Мне и так известно о Нем более чем достаточно. К тому же у меня на завтра другие планы.

— Опять собираешься на кладбище?

— Ты что, шпионишь за мной? А не слишком ли ты назойлива, Вики? Ты знаешь прямо-таки все!

Она посмотрела в сторону. Набрала полную грудь воздуха. Потом поднялась и пошла в гостиную. Я последовал за ней.

— И еду больше не приноси, — сказал я, выходя с ней на крыльцо.

Вики повернулась ко мне. В ее глазах блестели слезы.

— Я хочу, чтобы ты помнил, Люк: я тоже любила Марти. И мне ее страшно не хватает. Подумай об этом.

И она пошла к машине, прижимая ладонь к лицу.

В воскресенье утром я встал, позавтракал, а затем зашагал к палаточному лагерю «Хамбл» — он находился у железнодорожной ветки. Пройдя по шпалам около трех миль, я повернул на север и вышел к проселочной дороге, которую помнил еще со времен своего детства. Впереди виднелись буровые вышки, построенные в западной части месторождения.

Добравшись до невысокого холма, я остановился и огляделся. В полумиле к западу рос небольшой сосняк. Я знал, что Вороний Луг находится рядом с ним. Затем я приблизился к деревянному мосту, который был переброшен через маленькую речушку, сошел с дороги и двинулся вниз по течению, на восток.

Вскоре показался пруд. Тот дуб, к которому мы привязывали веревку, все еще стоял, и его огромные ветви затеняли берег. Я присел под деревом. Мне казалось, что я вижу двух маленьких девочек, перелетающих на веревке через пруд, и слышу их радостные крики.

Я прошел еще немного, добрался до нефтепровода и свернул в лес. Он был не столь велик, как мне казалось в детстве. Я остановился у большой поляны: деревья все вырубали и увезли куда-то, а землю расчистили бульдозером.

На этом месте стояла буровая вышка, под ней находилась скважина. Слева от вышки виднелась борозда: там когда-то лежало упавшее дерево, которое мне при помощи топорика удалось превратить в лесной домик. Мое пристанище было уничтожено, а там, где оно находилось, белел огромный куб бетона, опорный блок вышки.

Я подошел к коллектору скважины. На нем была установлена табличка:

Компания «Gulf Oil»

Х.М. Мур № 2

15 августа 1935 года

Я взглянул на землю, надеясь обнаружить что-нибудь твердое и тяжелое, потом побрел к тропинке, на которой подобрал большой камень, и долго-долго бил им по дощечке, пока все буквы не стерлись и прочесть написанное стало невозможно. Успокоившись, я повернул обратно.

Вечером меня навестил Том Эрвин. Распахнув входную дверь, я молча уставился на него.

— Люк, мы тоже страдаем. Ты для нас как сын. Рэйчел и Ри хотят обнять тебя и поплакать вместе с тобой. Приходи к нам ужинать.

— Поплакать? Было бы неплохо. А ты сам плакал, Том?

— Конечно. Ведь мой сын, мой мальчик...

— А я нет. Ни разу. Да что это со мной, Том? Я ведь так любил ее, но она погибла, а я даже не могу ее оплакать.

— Ты слишком измучен. Пойдем со мной, дружище.

— Нет. Я не могу спокойно смотреть на твою дочь.

От удивления Том широко раскрыл глаза.

— Неужели тебе было бы легче, если бы с ней что-то случилось?

— На кладбище, после похорон, я увидел, как Ри, держа тебя за руку, идет от могилы. И тогда я спросил себя: «Это Ри. А где же Марти?» Да, именно так, несмотря на то, что я только что бросил горсть земли на гроб своей сестры. А все потому, что мне *никогда*, понимаешь, *никогда* не приходилось видеть Ри без Марти: она вечно крутилась где-то поблизости. Я не могу смотреть на Ри, Том. Так что иди домой.

Я с грохотом захлопнул дверь и опять бросился на диван. Том медленно сошел с крыльца.

Вернувшись в понедельник с кладбища, я обнаружил у входной двери записку: «Заберите бумаги из почтового ящика. Почтальон». Я вытряхнул из ящика целую кипу газет, счетов и конвертов и отнес ее на кухонный стол.

Мне было адресовано пять или шесть писем, видимо, соболезнования. Я отбросил их в сторону. Но там лежало еще одно, со знакомым почерком на конверте — для Марти. В верхнем левом углу было приписано чьей-то рукой: «А. И., Окленд, Калифорния».

В правом углу была приклеена обыкновенная марка за три цента, а поверх нее красовалась другая, с изображением аэроплана.

Я держал конверт в руках, вспоминая один день из прошлого — казалось, это было совсем недавно. Вот Марти обернулась, сияя улыбкой, вот у нее растрепались волосы... Она так радовалась, с такой гордостью посматривала по сторонам, когда мы приземлились. А потом долго сочиняла свое письмо, старательно выводила буквы. А когда надписывала на конверте адрес, в ее глазах было столько надежды...

Это письмо адресовано моей сестре. Но Марти мертва, она не сможет его прочесть. И поэтому его не будет читать никто другой.

Я сходил на кухню за спичками, отнес конверт на задний двор и поджег. Стоял прекрасный весенний день. Ветра не было, и легкий синеватый дымок поднимался прямо к небу. Потом я втоптал пепел в землю носком ботинка.

Но что же явилось причиной трагедии? Только через двенадцать дней после взрыва я задумался над этим. Давненько мне не приходилось заглядывать в газеты или слушать радио, но я все-таки заставил себя прочесть статью, озаглавленную «Расследование показало, что к трагедии привела случайность».

Утечка газа проходила в одной или нескольких трубах. Газ скапливался под зданием школы; он взорвался после того, как кто-то на уроке труда включил шлифовальный станок.

В статье говорилось, что сначала школу собирались обогреть при помощи паросиловой установки, но затем решили установить газовые нагреватели. И все потому, что они были дешевле.

Журналист написал и о том, что остаточный газ часто использовался в домах неимущих; там приходилось ставить другие нагревательные приборы при изменении давления газа и его химического состава.

Группа следователей оправдала администрацию школы. По их мнению, взрыв явился результатом того, что чиновники либо не знали об определенных мерах предосторожности, либо отнеслись к ним без должного внимания.

Я не раз перечитывал эту статью и много размышлял над тем, что в ней написано. Теперь меня занимала новая мысль. Меня терзало чувство вины. Надо было забрать сестренку из школы, как только я обнаружил неисправность в отопительной системе. Конечно, Марти бы рассердилась. А наши

соседи подумали бы, что я веду себя странно. Зато сейчас она была бы жива.

Возможно, родители школьников, услышав о том, что я сделал, забеспокоились бы. Отцы ребятишек, нефтяники, сразу бы сообразили, что к чему. Кто-нибудь потребовал бы от родительского комитета немедленно оградить детей от опасности. Прислушайся я к своему сердцу, и все сложилось бы иначе. А если бы мне удалось переговорить с Беном Халли? Он, по-видимому, просто не догадывался, что подвергает детей риску. «Не знали или отнеслись без должного внимания», говорилось в журналистском расследовании.

Я просто обязан был встретиться с ним в среду вечером. Бен — разумный человек, он выслушал бы меня и уже утром приказал бы прекратить подачу газа в регулятор. Ну пришлось бы детям неделю-другую посидеть в классах в пальто — что с того? В те дни значительно потеплело...

Вместо этого я предпочел развлекаться в задымленной вонючей забегаловке вместе с пьяной шлюшкой Джуди Ривз, этой легкомысленной девкой, которая и дня не может прожить без алкоголя. Да я и сам не лучше: я пил вместе с ней и набрался так, что был не в состоянии пожелать спокойной ночи своей дорогой сестричке. А теперь я никогда, никогда не смогу сделать это.

Вечером следующего дня я отдыхал, лежа на диване, после своей очередной прогулки на кладбище; внезапно я услышал, что у входной двери кто-то рыдает. Это была Ри. Я молча уставился на пол. Постояв минуту или две, она сошла с крыльца, все так же громко плача.

Я полежал еще часок, затем достал несколько листов бумаги и шариковую ручку, уселся за кухонный стол и начал писать письмо:

«Дорогая Вики!

Я уезжаю. Ты была необычайно добра ко мне, и поэтому я хочу объяснить тебе мотивы своего поступка.

В нашем доме мне все напоминает о ней: кресло у камина, где она любила сидеть, когда мы слушали радио; раковина на кухне, в которой мы вместе мыли посуду. Слушая радио, я думаю о том, как она смеялась над шутками ведущих. Я смотрю на качели и вижу Марти: она ждет моего возвращения с работы.

А если я выхожу на улицу, то каждое цветущее дерево, полевой цветок, бабочка, птица заставляют меня думать о том, что сказала бы о них сестра. Это происходит даже тогда, когда я вижу обыкновенную нефтяную вышку.

Час назад приходила Ри. Она стояла у двери и плакала, а я не мог заставить себя подняться и впустить ее в дом, потому что был не в состоянии смотреть на нее.

Мне трудно оттого, что все здесь говорит о Марти. Если я останусь — умру. Впрочем, иногда мне кажется, что этого-то я и хочу — но не всегда.

Мне нужно уехать отсюда. Не знаю, когда я вернусь, и вернусь ли вообще. Если хочешь, можешь поселиться в моем доме. Или пусть здесь живет тот, кто нуждается в крыше над головой.

Я сложил в коробку одежду Марти, ее игрушки и книжки. Пожалуйста, постарайся найти девочку, которой они пригодятся.

Я никогда не забуду, как ты помогла мне в самые тяжелые, черные дни моей жизни. Извини, что я так грубо разговаривал с тобой в последний раз. Надеюсь, ты меня простишь.

Вики, ты — чудесная девушка и заслуживаешь счастья. Мужчина, который женится на тебе, будет самым счастливым человеком на свете.

Пожалуйста, передай Эрвинам, что я очень люблю их и вместе с ними скорблю по Нилу.

*С дружеским приветом,
Люк».*

Утром следующего дня, когда занятия в школе уже начались, я подъехал к дому Вики и оставил ей письмо и коробку с одеждой Марти. Потом направился в Овертон и закрыл свой банковский счет. После этого поехал в Лонгвью. Там я продал машину за сто долларов, взял свой чемодан с рабочей одеждой, пошел к вокзалу, купил билет, сел в поезд и покатил на запад. Зеленые сосны и высокие холмы остались позади; а иссушенная коричневая земля стала плоской. Я ехал целый день и целую ночь. Равномерный стук колес навевал на меня сон, и когда я проснулся, Техас и привычная жизнь остались далеко позади.

Расс

Мы работали в течение пяти дней, и все это время Люк не умолкал ни на минуту. Он даже охрип. Но во вторник утром он остановился; видимо, в его истории наступил переломный момент. После обеда он не издал ни звука.

Я нуждался в этой передышке. Слушать всегда тяжело. Особенно если события в рассказе развиваются слишком быстро, и ты внимаешь, затаив дыхание, боясь проронить хотя бы слово.

Я уже не раз говорил, что люблю петь, и когда Люк умолкал, я что-нибудь тихонько мурлыкал себе под нос. Но в тот день петь не хотелось. Я мог думать только о трагедии Люка, у меня не было настроения разливаться соловьем.

Мы соорудили ограду, натаскали для клумбы землю, а после обеда принялись сажать траву. Люк работал у дорожки, ведущей к дому, а я — в нескольких футах от него. И тут раздался цокот каблучков. Внезапно шаги смолкли. Я поднял голову и увидел женщину.

У нее было милое лицо. Темные волосы она собрала в пучок. Синяя юбка и белая блузка подчеркивали прекрасную фигуру. Я вспомнил эту женщину: мы ходили в одну церковь. Но я не знал ее имени.

Не обращая на меня внимания, она приблизилась к Люку и остановилась рядом с ним. Заметив падающую на него тень, он обернулся. Его глаза округлились. Он быстро выпрямился.

Женщина пристально смотрела на моего помощника. Даже с того места, где сидел я, можно было видеть, какой огонь горит в ее глазах. Или это сверкал лед? А скорее, и то, и другое.

Люк явно избегал ее взгляда. Однако мало-помалу он совладал с собой:

— Привет, Вики.

Она не отвечала. Я видел, как вздымается ее грудь; казалось, женщине не хватает воздуха. Она не сводила глаз с Люка.

— Странно, что мы встретились. Я думал, ты давно уже живешь в... каком-нибудь другом городе.

Вики смотрела на него, тяжело дыша.

Люк же глядел то влево, то вправо, то вниз. Я почувствовал, что он раздражен. Через минуту он все-таки совладал с собой и сказал:

— Или говори, или садись в машину и уезжай!

Ее глаза засверкали.

— Ну что ж, я буду говорить с тобой! С превеликим удовольствием! Я просто пытаюсь не надавать пощечин такому... — внезапно она замолчала, закрыла глаза и прошептала: — Спокойно. Спокойно. Спокойно.

Теперь ее грудь вздымалась не так часто. Она опятьглянула на Люка и продолжила:

— Ты мне даже открытки не прислал!

Он уставился на свои ботинки.

— Мы были уверены, что ты умер. Долгие годы никто о тебе ничего не слышал. Ри уверяла всех, что ты нас любишь, и никогда бы не поступил так, если бы был жив. Мы реши-

ли, что ты или покончил с собой, или тебя убили. Но никто не знал этого наверняка, и потому Эрвины, я и все твои знакомые горевали еще сильнее.

— Да, мне надо было... — начал Люк.

— Не смей меня перебивать! Я еще не закончила. Ты эгоист и... — Она снова закрыла глаза, уговаривая себя успокоиться, затем сделала глубокий вдох.

— С чего же мне начать? Я нашла семью, которая нуждалась в вещах Марти и была за них благодарна.

Люк кивнул.

— Что касается твоего дома, то, поскольку ты не платил налоги, его продали с аукциона. Его купил один нефтяник. У него четверо детей. Они были очень счастливы в этом доме. Они и сейчас там живут, и у них все хорошо. А дети уже подросли.

Мой помощник опять кивнул.

— Люк, здесь так печет солнце! Может, нам лучше подняться на крыльцо?

Они прошли на крыльцо и сели под навесом на плетеные стулья. Ни Вики, ни Люк не обращали на меня ни малейшего внимания, поэтому я просто продолжал копать в земле, прислушиваясь к их разговору.

— Теперь про памятник, — сказала Вики. — Ты уехал, поэтому рабочие спросили у Тома, какое имя следует там написать. Том обратился к Ри, а она пришла ко мне. Знаешь, мы с ней так сдружились за эти годы... Я решила, что лучше написать «Марти», а не «Марта Ли», и Ри со мной согласилась.

Люк, видимо, понял, что теперь можно не осторожничать.

— Спасибо, — промолвил он. — Я бы тоже так сказал.

— Ты видел памятник?

— Нет.

— Так где же ты был все это время, Люк? — с горечью спросила она.

— На севере. В Вашингтоне.

— Ты хотел уехать как можно дальше отсюда, да?

Он отвел взгляд в сторону.

— Почему ты вернулся?

— Хотел навестить ее могилу.

— Что ж, ты наверняка уже это сделал. Так почему ты все еще здесь? И почему работаешь с Рассом?

— Я познакомился с ним на кладбище. Он попросил меня ему помочь. Но работа близится к концу, так что я скоро уеду. Скажи мне, Вики...

— Да?

— Как там Ри? Где она сейчас?

— Когда все это случилось, она тебя мало интересовала. С чего ты вдруг так забеспокоился?

Люк молчал.

— Незадолго до начала войны она вышла замуж за Сета Лейсфилда. Он вырос на ферме и ходил в ту же церковь, что и Ри. Ему тоже посчастливилось выжить при взрыве школы. Сета мобилизовали. Он участвовал в битве за Гуадалканал и в боях у острова Тарава. Воевал на Тихом океане. Пока он был на войне, у Ри родился ребенок, девочка. У Сета много медалей; он остался служить в морской пехоте. Сейчас они живут в Сан-Диего. И недавно Ри родила Сету сына.

Голос Вики звучал мягко и нежно; теперь она выглядела не разгневанной, а печальной.

— У тебя самой уже дети, верно?

— Я не замужем.

Брови Люка поползли вверх.

— Не может быть! Ты, с твоим умом, с твоей красотой... Не могу в это поверить.

— Что ж, мне не раз делали предложение, но...

— Ты живешь в Хендерсоне?

— Нет, в Нью-Лондоне. И по-прежнему преподаю в школе.

— Такая женщина, как ты, не должна жить в захолустье!

Все это очень странно...

— Мне нравится моя работа. И это хорошая школа. И мне кажется странным то, что сделал ты, а не я.

Люк помолчал немного, а потом спросил:

— Как ты узнала, что я здесь?

— Мне сказал брат. Он живет в Хендерсоне. Вчера вечером он проезжал мимо этого дома и узнал тебя. Помнишь, как его зовут?

— Келли, — ответил Люк после небольшой заминки.

— Значит, ты все помнишь...

— Да. Тот день... Когда мы так смеялись. Но был и другой день — он стер из моей памяти этот смех, наше прошлое, все, все... Потому-то мне и пришлось уехать. Понимаю, ты за это меня ненавидишь, но я не мог поступить иначе.

Вики встала.

— Ри просила меня дать ей знать, если ты объявишься. Мне нужно ехать на почту.

Люк вместе с ней спустился с крыльца. Вики полезла в сумочку за ключами.

— Что ж, удачи тебе, Люк.

— Я был очень рад с тобой увидеться.

— Ты пойдешь со мной в церковь в воскресенье? — спросила Вики, рассматривая связку ключей.

Он удивился и даже, кажется, рассердился.

— Я не хожу в церковь. Последний раз я был там на ее похоронах. К тому же мне, видимо, придется уехать еще до конца этой недели.

— Если ты вдруг передумаешь, — прошептала она, перебирая ключи, — то я всегда на третьем ряду слева. Я бываю там каждое воскресенье и сажусь на одно и то же место. Че-

ловек привычки. Старые девы и школьные училки часто заводятся дурацкими привычками.

Вики подошла к машине, потом обернулась:

— Послушай, Люк!

— Что?

— Борода тебе не идет!

И она уехала, всматриваясь в дорогу.

Было ли у его истории продолжение? Пока не наступил вечер, я в этом сомневался. Мы закончили возиться с газонном и вернулись домой в шесть часов. На двери висела записка. Моя знакомая из Тайлера просила, чтобы я помог ей сделать сад на камнях. Мне пришлось выяснить у Люка, не останется ли он на пару деньков. Он согласился, и я понял: история еще не подошла к концу.

На следующее утро мы приехали в Тайлер. Хозяйка рассказала нам о своей задумке. Я решил, что на воплощение этой идеи нам понадобится два дня, не меньше. Я радовался, что у меня есть помощник. В тот день мы в основном занимались тем, что привозили и расставляли тяжелые камни.

Люк

Вот ты, Расс, когда-нибудь был на западе? Уезжал ли ты дальше Западного Техаса, Нью-Мексико и Аризоны? Нет? А я уезжал. Той весной я добрался по железной дороге до самого Тихого океана. Да-да, сел на поезд в Лонгвью, а сошел в Лос-Анджелесе, штат Калифорния. Мы долго ехали по пустыне, но в конце концов прибыли в оазис.

Лос-Анджелес. Его нужно видеть своими глазами. Да, верно, раньше мне не приходилось бывать в городе крупнее Тайлера, и поэтому я был поражен размерами Лос-Анджелеса. Но дело не только в его величине. Весна там длится до осени, можешь себе представить? Там не бывает слишком жарко или сыро, и летом, кажется, никогда не идут дожди, хотя в это трудно поверить, глядя на цветущие сады и пальмы.

Я поселился в мебелированных комнатах. Потом решил узнать, не нуждаются ли в работниках тамошние автомастерские. Но все смотрели на меня как на сумасшедшего. Некоторые даже ругали последними словами. «Возвращайся в Техас. Там же есть автомобили, так?» — посоветовал мне один из этих парней.

У нас в Восточном Техасе имелись месторождения, а значит, и заработок. Я совсем забыл о депрессии. Но она еще не закончилась. В Калифорнии дела шли плохо.

Мне так и не удалось найти работу. Целыми днями я катался на трамваях. В Лос-Анджелесе было полно красных трамваев, ходивших из центра города на окраины. И вот я сел на один из них, доезжал до отдаленных районов, а потом возвращался обратно.

Как-то раз, вечером, я забрался в трамвай и очутился на берегу океана, в Санта-Монике. Там можно было залезть на дамбу и любоваться закатом. Я стоял на берегу, смотрел, как раскаленный оранжевый шар опускался в воду, и думал о том, что сказала бы Марти об этом закате, океане, городе, погоде, людях. Наверное, ей бы захотелось здесь остаться. Да и кто бы решился уехать от этих пальм, пляжей, гор и киностудий?

Конечно, сестренке бы здесь понравилось. Она стала бы настоящей калифорнийской красавицей. Ри и Энни приехали бы к нам в гости, а она показала бы им местные достопримечательности. Я бы, естественно, сидел за рулем, а они — на заднем сиденье. Было бы так весело слушать, как они смеются и болтают! Мы бы побывали на пляжах, в горах, в Голливуде, в Сан-Хуан-Капистрано и, может быть, даже прокатились бы на аттракционах в Сан-Диего.

Если бы Марти была рядом, я бы с удовольствием поселился здесь и нашел бы работу. (Деньги у меня все вышли, но ведь и заботиться мне было не о ком.)

Пришла пора двигаться дальше. Лос-Анджелес находился слишком близко к тому месту, откуда я бежал. Тут было чересчурлюдно, слишком много женщин, загорелых улыбающихся девушек, цветов, садов, солнечного света... А мне хотелось жить в другом городе. Вот только где — я не знал.

Я ходил по улицам, разговаривал с людьми определенного сорта — теми, кто, судя по их виду, почти не тратил на себя денег. Они объяснили мне, где собираются бродяги. Я продал чемодан и купил мешок, сложил в него пальто, одежду,

фотографии сестры и еще кое-какие мелочи. В холодное осеннее утро я вышел из гостиницы и прошагал несколько миль до станции Саутерн-Пасифик. Там мне удалось отыскать лагерь безработных и узнать все, что нужно. В то утро мне повезло: я залез в открытый товарный вагон и отправился на север вместе с дюжиной таких же неприкаянных личностей, как и я.

Красавец Лос-Анджелес растаял вдали. Теперь мы ехали по бескрайней пустыне. Да, именно это мне было нужно: холодная темная пустыня.

Поезд с грохотом мчался на север. Меня мучил голод и еще — слова Рэйчел: «Почему ты не помнишь, что было надето на Марти?» Эти слова прямо-таки звенели у меня в голове — казалось, стальные колеса ударялись о железные рельсы. Мне было больно и стыдно, но я, как ни странно, нуждался в этой боли — ведь я ее заслужил.

В ту зиму я стал бродягой. Нищим, босяком, если угодно. Тогда многие разъезжали по стране в поисках работы, но зимой мало кому удавалось ее найти. И если тебе не повезло, нужно было по крайней мере обеспечить себя пропитанием и ночлегом.

Правительство организовывало так называемые лагеря для безработных, но я их ненавидел, а все из-за того, что там поселилось много семей. Они приезжали из Оклахомы, Техаса, Арканзаса, Миссури. Эти люди оставляли свои фермы, не приносявшие дохода, и устремлялись на запад. У меня с ними был одинаковый акцент. Казалось бы, я должен был сблизиться с ними, но этого не произошло. Дело в том, что они обладали тем, чего не было у меня, а именно — желанием выжить. Местные жители презрительно называли гостей из Оклахомы охламонами, но те были полны бодрости

и сил. Они с нетерпением ждали наступления весны и говорили только о том, сколько земли засеют хлопком — много-много миль. Переселенцы оказались сильными людьми. Ведь рядом находились их близкие. У мужчин — женщины, у детей — родители, у братьев — сестры. А у меня никого не было, и я среди этих оптимистов чувствовал себя чужаком. Я шел в лагеря для безработных лишь тогда, когда начинал пухнуть с голоду.

По Калифорнии я передвигался в товарных вагонах. Неделю провел в Бейкерсфилде, несколько дней — в Визалии, затем переехал в Фресно, а потом — в Стоктон. Главным для меня было найти место, где можно заработать несколько монет. В основном я занимался тем, что копал дренажные каналы. Мой рост и сила позволяли получить работу, на которую не могли рассчитывать другие мужчины.

Тем не менее я упорно продвигался на север. Дни становились короче, а ночи — длиннее и холоднее. Мне приходилось бывать в Сакраменто, Мэрисвилле, Чико, Реддинге, — везде не дольше нескольких дней. Я приобрел все привычки бродяги, но так и не завел друзей и никому не рассказал о своем прошлом.

Мне пришлось научиться просить милостыню. Для этого я брился, причесывал волосы, шел в город и искал дома, в которых жили семьи. Я стучался в дверь, снимал шляпу и спрашивал, не могу ли чем-нибудь подсобить: я был готов работать за еду. Мне давали сэндвич, яблоко, пару вареных яиц, иногда — немного денег.

Случалось и так, что одинокие женщины приглашали меня пообедать с ними. Они пытались меня разговорить, но я молча ел и, поблагодарив их, уходил.

Я добрался до станции Дунсмуир. Тамошние бездомные объяснили мне, что до Юджина можно доехать двумя путями. По одному маршруту ходили поезда, перевозившие

лес, они шли медленно. Лучше ехать на товарном поезде, который останавливался в городе Кламат-Фолс: так быстрее. Главное — одеться потеплее и захватить с собой еду и питье.

В начале 1938 года я путешествовал по штату Орегон. Сначала жил в Кламат-Фолс, потом, перевалив через Каскадные горы, оказался в Юджине, затем в Салеме и, наконец, в Портленде. Там-то я и услышал о дамбе. И чем больше я о ней думал, тем больше мне хотелось туда попасть. Но добраться до этого места было нелегко.

Я въехал в штат Вашингтон, в город Ванкувер. В Спокане, Портленде и Сиэтле я провел по два дня. За это время мне удалось выяснить, какие поезда отправляются на восток. Кроме того, пришлось научиться договариваться с полицейскими, работающими на железной дороге.

Лишь на второй день, ночью, мне посчастливилось отыскать подходящий вагон. Когда я проснулся утром следующего дня, солнце стояло уже высоко и поезд вез меня на восток. Мы ехали вдоль реки, которую я пересек, направляясь в Ванкувер. Это была очень большая, широкая река, но, честно говоря, я не знал, как она называется. Вода в ней казалась темно-синей. Реку окружали высокие, поросшие лесами горы.

Через несколько часов горы исчезли. Земля приобрела светло-коричневый оттенок. Смотреть особо было не на что. Кроме реки. После обеда поезд пошел медленнее; выглянув из вагона, я увидел вдали какой-то городок. Тогда я выбросил свой мешок, сел у открытой двери, свесив ноги, а потом спрыгнул на землю, по инерции пробежав несколько метров.

Судя по тому, что было написано на указателе у дороги, местечко называлось Кенневик. Там я набрел на компанию друзей по несчастью, и они поделились со мной ужином. Когда я объяснил им, куда направляюсь, они посоветовали ехать к дамбе на попутках или идти пешком. Между делом я

поинтересовался, как называется река. Все засмеялись, кто-то даже спросил, откуда я такой взялся. Потом мне сказали, что эту реку величают Колумбия.

Я пошагал на север и на следующий день был уже в маленьком городке Уилбур — там в одном магазинчике меня заверили, что до дамбы всего двадцать пять миль. Я решил идти пешком. Солнце уже село, но полная луна, висевшая высоко в небе, освещала мне путь, и потому я и не думал останавливаться. Кроме меня на покрытой гравием дороге никого не было.

Наконец на востоке небо посветлело и краешек солнца показался на горизонте. Моя тень удлинилась. Ноги ужасно болели, мучили голод и жажда.

Я взобрался на холм и вдруг увидел то, что искал. Сердце забилось чаще. Я быстро вскарабкался на другой холм, более высокий.

По безлесой, открытой всем ветрам долине протекала величественная река, чье название я уже знал. Ее путь преграждала огромная низкая плотина из бетона. Над рекой зависли строительные краны, а в воду свешивались тросы. В близлежащем городке дымили заводские трубы. Это местечко называлось Гранд-Кули, и люди, на которых я смотрел, стоя на холме, строили дамбу, самую большую дамбу в мире. Они работали в холодной пустыне для того, чтобы остановить реку. Я горел желанием вместе с ними возводить дамбу. Мне снова захотелось жить. Моя сестра была мертва, но теперь у меня появилась цель: я мечтал соорудить огромный бетонный блок, который остановит эту спокойную, величавую реку.

Расс

Хотя обычно по вечерам Люк был немногословен, он никогда не забывал похвалить мою стряпню. Но в среду (в этот день мы как раз начали заниматься садом на камнях) мне удалось приготовить особенно вкусный ужин: я порезал ветчину и лук, пожарил плоды бамии*, приготовил пюре и подливку. На десерт у нас были груши. Но Люк, как ни странно, не проронил ни слова.

Мы ели в тишине, и когда наши тарелки были почти пусты, он вдруг сказал:

— Вчера утром, когда я рассказывал о похоронах Марти, я увидел, что у тебя трясутся руки. С чего бы это?

Я глотнул чаю — мне нужно было подумать, — а потом ответил:

— Лопата тяжелая, вот руки и устали.

Он хмыкнул.

— Ну, ты же вроде бы вообще не устаешь. Похоже, это мой рассказ заставил тебя нервничать.

* Бамия — однолетнее травянистое растение семейства мальвовых. Незрелые плоды употребляют в пищу, из семян изготавливают суррогат кофе.

Мне пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы продолжать есть.

— Взрыв произошел в четверг, а на субботу назначили похороны. Где ты был в тот день, Расс?

Соображать следовало быстро: Люк не отстанет от меня, если я буду отмалчиваться. Так оно и вышло.

— Может, ты знал кого-нибудь из погибших детишек? Это твой внук? Или его приятель?

Я покачал головой.

— Но ты ведь был в Нью-Лондоне в тот день?

Я прожевал пищу, потом кивнул.

— И на чьих похоронах?

Я подцепил вилкой последний кусочек бамии.

— Как называлась больница, в которой ты работал? — не отставал Люк. — Чем ты там занимался?

— Понимаешь, — взглянул я на него, — каждый имеет право на тайну.

— Не беспокойся, я буду держать язык на привязи. К тому же мы скоро закончим работу, и я уеду далеко на север. Никто ни о чем не узнает. Так на чьих похоронах ты был?

— Не знаю.

— Как это?

— Понимай как хочешь.

— Тогда скажи, как называлась больница и чем ты там занимался? — Люк почти кричал.

Я опять находился на перепутье. Конечно, я мог указать ему на дверь. И мне не в чем было бы себя упрекнуть: как он посмел так грубо со мной разговаривать? Я отвез бы его в Лонгвью и высадил у железнодорожной станции. Но в таком случае мне не удалось бы узнать, чем закончилась его история. А мне это было просто необходимо.

Впрочем, в том, что он говорил, был резон. Скоро он уедет; ну а если в Сиэтле кто-то узнает мою тайну — наплевать.

— Ладно, Люк, ты добился своего. Эта больница находится в Раске. Чем я там занимался? Видишь ли, тамошним пациентам часто дают незамысловатые поручения — мне приходилось стирать, мыть пол, подметать.

Он с изумлением уставился на меня.

— Ты ведь помнишь, каких больных лечат в Раске? — спросил я.

Люк сдвинул брови.

— Да. Это заведение для умалишенных.

Я кивнул.

— Государственная больница города Раск. Но теперь тебе придется выслушать мою историю. Пойдем на крыльцо, на улице такой приятный ветерок. А тарелки вымоем позже.

Мне не очень-то хотелось разговаривать после сытного ужина. Я бы предпочел почитать или послушать радио. Но отступить было поздно.

Мы уселись на крыльцо, и я начал:

— Знаешь, Люк, когда-то у меня было прозвище. Можешь угадать, какое?

— Нет.

— Меня звали Болтунишка. Болтунишка Смит, именно так. И это не шутка. Напротив, трудно охарактеризовать меня точнее.

— Никогда бы не подумал.

— И еще ты спрашивал, почему я не пел в церковном хоре. Ответ прост: потому что хор находился за моей спиной.

— Как это понимать?

— Я стоял на кафедре. Сорок лет служил пастором. Преподобный Болтунишка Смит, который мог чесать языком с утра до вечера.

23

Расс

Родился я в Париже, штат Техас. Там же провел детство. Мой отец занимался извозом. Вечно он покупал то мулов, то лошадей, а еще чинил повозки.

Лет в четырнадцать я вдруг осознал, что обладаю особым даром — даром красноречия. У меня был глубокий приятный голос, которым я владел прямо-таки виртуозно. Я получал удовольствие от того, что люди оглядываются на меня и увлеченно внимают моим словам. И чем внимательнее меня слушали, тем больше мне хотелось говорить. Я обожал, когда вокруг собиралась толпа.

С детства я мечтал стать священником, хотя знакомые советовали мне изучать юриспруденцию. Адвокатам хорошо платят, говорили они. Что ж, немало талантливых ораторов пробуют свои силы именно на этом поприще, но мне не хотелось быть законником. Я знал, что священников люди слушают чаще, чем юристов — ведь те могут выступать перед публикой только с разрешения судьи.

В восемнадцать лет я начал проповедовать в церквах на севере Техаса; в двадцать у меня уже был собственный приход. Тогда же я познакомился с Мейбл Фостер, прекрасной юной леди. Это была высокая темноволосая девушка, вырос-

шая на ферме. Единственный ребенок в семье. Когда наши отношения только завязывались, я едва не совершил ошибку: решил, что она не устоит перед моим красноречием. Однако вскоре выяснилось, что Мейбл в общем-то равнодушна к словам. Однажды я вез ее из церкви на ферму, причем в течение всего пути говорил, по своему обыкновению, не умолкая; внезапно она подалась вперед и приложила указательный палец к моим губам. Я замолчал, а она опустила голову на мое плечо. В ту минуту я еще подумал, не слишком ли это смелый поступок для семнадцатилетней девушки. Но как же приятно было чувствовать — она прижимается ко мне! И я понял, что Мейбл нравится находиться рядом со мной и что совсем не обязательно постоянно развлекать ее разговорами. Через несколько месяцев мы поженились.

К двадцати пяти годам я уже успел обзавестись женой, ребенком и прозвищем Болтунишка Смит. Люди меня любили. Им нравятся хорошие рассказчики.

Я был совершенно счастлив. Оглядываясь вокруг, я видел, что многие находятся в смятении: не знают, чем заняться в этой жизни, меняют работу, пробуют то одно, то другое. А вот мне мое дело нравилось. Я утешал, ободрял и советовал.

Болтунишка Смит был здорово похож на громкоговоритель. Вещал весь день напролет. Да что там, он мог произносить речи, даже не задумываясь о том, что вылетает из его уст.

Мы переехали в округ Накогдочес. Первое время я проповедовал в нескольких тамошних церквях, а затем обосновался в городе Накогдочес, где и прослужил тринадцать лет. И вот мне исполнилось шестьдесят. У меня было трое детей, шесть внуков и любящая жена. Чего еще можно желать? Но всего за один день моя жизнь круто перевернулась.

Я никогда не забуду, как мы услышали о том, что в Нью-Лондоне взорвалась школа. Погибли сотни людей, учителя и

дети. Нам было трудно заснуть в ту ночь — ведь произошла настоящая трагедия.

На следующий день мне сообщили по телефону, что округ нуждается в священниках, которые могут провести службы в церкви и на кладбище, — надо хоронить погибших. Меня попросили присутствовать на погребении четырех детей. Обычно панихиды длились около часа. Я, конечно, согласился. В Нью-Лондон я собирался прибыть в полдесятого утра.

Я был готов ко всему. В течение сорока лет мне приходилось по крайней мере два раза в месяц присутствовать на похоронах. Я произносил речи на тысячах церемоний, и вот теперь мне предстояло провести еще четыре.

Когда я подъехал к Хендерсону, у меня вдруг ужасно заболела голова. Пришлось остановиться на обочине. Я прилег на переднем сиденье и пролежал так не меньше двадцати-тридцати минут.

Наконец боль немного утихла. Моя рубашка стала мокрой от пота. Но мне нужно было выполнять свой долг, и я помчался в Нью-Лондон.

Припарковав машину на стоянке, я направился в церковь, чтобы отрекомендоваться. Ко мне подошел какой-то человек, я пожал ему руку, открыл рот — и пробормотал что-то невнятное. Боль возвращалась.

Мужчина заговорил со мной, а затем подал лист бумаги. Судя по всему, вот-вот должна была начаться церемония. Наверное, я едва успел к ее началу.

На листке были написаны имена ребенка, которого собирались хоронить, и его родителей. Я достал из кармана наброски подготовленной вчера вечером речи и поднялся на кафедру.

Пианист заиграл знакомый гимн. Я взглянул на свои записи — и меня обуял ужас. Вместо букв я увидел какие-то странные закорючки.

На том листе, который дал мне мужчина, я обнаружил такие же значки. Было очевидно, что я разучился читать.

Мне стало страшно, но в церкви находились люди, перенесшие огромное горе, и у меня не было времени жалеть себя и думать о том, что произошло. Я знал, что могу произнести речь экспромтом. Представь: однажды я выступал на похоронах, и у меня из головы вылетело имя усопшего! Тем не менее я продолжал говорить, и родственники покойного потом благодарили меня за прекрасные слова, которые я для него нашел. В общем, мне казалось, что произносить имя не обязательно. Болтунишка Смит найдет выход из любого положения.

Новый приступ ужаса обуял меня, когда я раздумывал, с чего начать. Выяснилось, что я не только разучился читать, но и забыл все слова. Человек, который с легкостью произносил длинные речи, не мог выдавить из себя самую заурядную фразу!

Я вынул носовой платок и вытер лоб. Кто-то подал мне стакан воды. Я молился, молился без слов. Впрочем, не все ли равно: Бог должен был меня услышать. Я желал только одного — вспомнить хотя бы словечко!

Не знаю, сколько я так простоял. Может, не больше двух минут. Я боялся встретиться взглядом с родителями погибшего ребенка — они сидели в первом ряду. Наконец я спустился с кафедры, прошел к двери, затем — к своей машине и поехал домой.

Едва взглянув на меня, Мейбл догадалась: со мной что-то неладно. Она о чем-то говорила, но я не понимал ее и только качал головой.

Тогда она отвезла меня в больницу. Но врачей и медсестер я тоже не понимал. Меня отвели в какую-то комнату, видимо в отделение психиатрии. Пришел врач: он показывал мне слова, написанные огромными буквами. Рядом с ними были нарисованы картинки. Вероятно, он хотел, чтобы я подоб-

рал для каждого слова пару. Однако вскоре, увидев, что все его усилия тщетны, врач потерял терпение и встал из-за стола; тогда я схватил его за руку и застонал. Я не хотел, чтобы он ушел, не разобравшись, что со мной случилось. Лицо врача посуровело, и он сказал что-то медсестре. Спустя мгновение появились два санитары. Они рывком подняли меня с места — и через несколько минут я оказался в смиренной рубашке. Потом, ночью, ее сняли.

На следующий день пришла Мейбл. Она разговаривала со мной очень нежно, хотя я ее и не понимал. Однако мягкий голос и глаза моей жены говорили о ее любви ко мне больше, чем слова. Перед уходом она заплакала, и я почувствовал, что нам предстоит разлука.

Меня отвезли в Раск, в больницу. Мне казалось — это неправильно, но протестовать я не мог. Я надеялся только на то, что вскоре заговорю.

После нескольких недель, проведенных в лечебнице, у меня появилось такое чувство, будто жизнь кончена. Слово «одиночество» значит гораздо больше, если ты не можешь говорить. Отчаяние накрыло меня с головой, точно тяжелое одеяло, под которым невозможно дышать. Обо мне позабыли и родные, и Бог.

В этой больнице все выкрашено в белый цвет: стены, полы, потолки. Халаты и постельное белье — тоже белые. Но в моих глазах было черным-черно.

Меня поместили в одно из отделений, где я стал выполнять различные поручения: мыть полы, подметать, складывать глаженое белье. Три раза в день я, как и все больные, ходил в столовую. Хотя мои товарищи по несчастью частенько разговаривали друг с другом, на меня, безъязыкого, внимания никто не обращал.

Некоторые пациенты казались мне вполне нормальными, и я недоумевал, как они здесь очутились. Может, это и хорошо, что я не понимал, о чем они говорят.

Каждую неделю ко мне приходила медсестра. Она приносила рисунки и таблицы — пыталась определить, не вернулась ли ко мне способность читать. Однако ничего не менялось.

Так проходили часы, дни, месяцы. Мне было страшно просыпаться по утрам. Время шло быстрее, пока я спал, — днем стрелки часов тащились еле-еле. Мне было незачем жить, и я захотел умереть. Я бы, наверное, и впрямь умер, если бы не услышал однажды, как наш садовник насвистывает знакомую мелодию.

В хорошую погоду нам разрешали гулять в парке; обычно я садился за столик и слушал, как поют птицы, укрывшиеся в кроне огромного дуба. И вот как-то раз к их пению добавился чей-то свист. Это был садовник: он сидел на коленях у клумбы с цветами. И я узнал мелодию, которую он насвистывал.

Мало того, мне удалось припомнить три слова из этого гимна, три благословенных слова: «Позаботься о грешных».

Сердце у меня запрыгало от радости. Я попытался произнести эту фразу и, хотя язык мне не подчинился, ничуть не расстроился. Всему свое время. Мне же удалось вспомнить слова. Значит, Бог не забыл обо мне.

Мысленно я постоянно напевал эту мелодию. А вдруг в моей памяти всплывет еще что-нибудь? И через неделю мне словно бы кто-то подсказал: «Помоги умирающим». Я был счастлив так, будто мне подарили еще две чудесные жемчужины.

Семь дней спустя мне пришло в голову: «От греха и от смерти нас, слабых, спаси».

А потом: «И поплачь о заблудших, подними павших, и скажи, что Иисус не забудет о них».

Итак, у меня была целая строфа. Я собрал ее по словечку. А как-то ночью я вспомнил имя: Фанни Кросби*. Слепая поэтесса, чье стихотворение выучил человек, не умеющий говорить.

Мелодия продолжала звучать у меня в голове, и я довольно быстро вспомнил еще одно четверостишие:

*Глубоко в сердце, которое чуть не разбилось из-за
происков лукавого,
Похоронены чувства. Но милосердие может явить их
на свет Божий,
И струны, которые, казалось, замолчали навсегда,
завучат вновь,
Если тронуть их любовью и добротой.*

Но я по-прежнему не говорил, не писал, и поэтому не мог дать знать врачам о том, что случилось. Обдумав все хорошенько, я решил, что пока не стоит обращаться к ним за помощью, лучше попытаться восстановить в памяти какие-нибудь гимны. И мне это удалось! Все чаще звучали у меня в голове мелодии; чуть позже всплыли слова: «надежда меня не покинет», «все в руках Господних», «Иисус, люблю Тебя больше жизни». Строки приходили одна за другой.

А потом произошло что-то странное. Я до сих пор не понимаю, что это было. У меня в голове звучали мелодии, но я не мог произнести ни слова. Тогда я подумал: мне надо не говорить, а петь — и это сработало! Я пел, и слова вновь вылетали из моих уст — правда, речь моя пока была бессвязна, но тем не менее у меня начало получаться!

* Фанни Кросби (1820—1915) — американская поэтесса, автор церковных гимнов; ослепла в раннем детстве.

Мне нужно было много заниматься. И я, выполняя свою работу в столовой и прачечной, убирая в коридоре и во дворе, тихонько мурлыкал псалмы. К счастью, я находился в больнице для психов: если бы здоровые люди услышали, как я что-то мычу себе под нос, они тотчас бы отправили меня сюда, в клинику для умалишенных. Но здесь на меня никто не обращал внимания; да и что такого — просто старик Расс бубнит какие-то странные словечки.

Мало-помалу я начал произносить слова четче, и это заметили работники лечебницы. Наверное, им показалось странным, что я предпочитаю петь, а не говорить. Как бы там ни было, они стали мне помогать. Да, нам пришлось изрядно попотеть... Я как будто вновь пошел в первый класс. Медсестры учили меня запоминать буквы. Через несколько недель я уже читал вслух простенькие истории из букваря — правда, очень медленно. Ну и конечно, я продолжал петь. Мне казалось, что церковные гимны воодушевляют меня, помогают бороться с недугом.

Потом я, если можно так выразиться, перешел во второй класс. То, что школьники проходят за год, я осваивал за месяц. Сказать по правде, учиться говорить тому, кто долгое время мог издавать только звуки, невероятно трудно, но возможно — особенно если ты действительно хочешь выздороветь. В общем, приблизительно через год я уже разговаривал как нормальный взрослый человек. Да что там — я вновь научился читать!

Через тринадцать месяцев после того, как я поступил «в первый класс», мой врач подал мне листок бумаги, на котором было написано одно-единственное слово: «афазия». Он пояснил, что так называется моя болезнь. Видимо, приступ острой головной боли, поразивший меня в день похорон, был следствием инсульта. Из-за того, что со мной случился удар, кровь перестала поступать в тот отдел мозга, который

отвечает за наше умение читать и писать, — в результате мне понадобился год для того, чтобы восстановить эти навыки. Врач извинился за то, что меня признали душевнобольным, и пообещал рассказать обо мне своим коллегам; по его словам, моя история должна помочь развитию медицины. Наверное, он ожидал, что я обрадуюсь, но мне было не до веселья.

Меня выписали из больницы. Но я уже ничем не напоминал того человека, что вошел когда-то в ворота лечебницы. Болтунишка Смит умер. Я больше не частил и произносил слова медленно и вдумчиво. Однако, как ни странно, меня это не беспокоило. Я не хотел, чтобы меня называли болтуном.

За тринадцать месяцев я успел многое обдумать, ведь большую часть времени я проводил в праздности. Мне частенько случалось размышлять о том, кем я был раньше. Да, Болтунишка Смит обладал удивительным даром, но он зарыл его в землю. Слова драгоценны. Когда учишься говорить заново — это начинаешь понимать. Раньше я безостановочно чесал языком, разбрасывал слова, точно конфетти.

В общем, Болтунишка Смит умер. От инсульта. Кто же занял его место? Не знаю.

Сыновья отвезли меня в Даллас, к дочери. Я уже знал, что Мейбл неважно себя чувствует, и все же совершенно не был готов к тому, что увидел. Жена лежала в постели. Она сильно исхудала; болезнь сокрушила ее здоровье. Но она узнала меня, и, когда я заговорил, ее усталые глаза загорелись от радости.

Несколько дней мы провели вместе, беседуя друг с другом. Я сидел у изголовья жены, держа ее за руку, и мы вспо-

минали о нашей совместной жизни — долгой и счастливой. Вскоре Мейбл покинула наш мир. Это случилось на моих глазах. Но я никогда не забуду, как одна хорошенькая девушка приложила свой палец к моим губам.

Когда мы ее похоронили, я вернулся в Накогдочес. Мы ведь прожили в этом городе много лет, и там у нас остались друзья. По крайней мере так мне казалось. В воскресенье утром я пошел в свою церковь. Прихожане пожимали мне руку, но их взгляды были холодны. Я слышал, как они шепчутся, повторяя: «Раск, Раск». Дети показывали на меня пальцем и хихикали.

Я был уверен, что меня пригласят на воскресный обед, но служба закончилась, а ко мне так никто и не подошел.

Выходит, после смерти Болтунишки я уже никогда не смогу жить прежней жизнью. Эта мысль поразила меня. Для тех, кто знал меня как Болтунишку Смита, я был священником, который сошел с ума, полоумным проповедником, посланным в психиатрическую лечебницу. «Дети, не подходите к нему. Он очень странно разговаривает, не то что раньше... Зачем только его выпустили?» Конечно, они не говорили ничего такого вслух, но эти слова были написаны у них на лбу. Иногда лица людей читать легче, чем черные буквы на белой бумаге.

В тот день я решил съездить в Нью-Лондон — туда, где впервые почувствовал, что стал безъязыким. В городе уже построили новую школу — она находилась на том же месте, что и старая. Я отправился на кладбище Плезант-Хилл и долго ходил по нему, читая на надгробиях имена и разглядывая даты. То и дело мне встречалась дата — 18 марта 1937 года. Кто же был тем ребенком, на чьих похоронах я не смог произнести речь? Как его звали? Ведь я так и не сумел прочитать его имя, нацарапанное на листке бумаги организаторами церемонии. Этот вопрос не давал мне покоя.

Я стоял на кладбище, глядя на закат, и пытался понять, почему Господь забрал мой дар в ту самую минуту, когда я должен был утешить и ободрить семьи погибших. И как Он мог допустить, чтобы Болтунишка Смит так долго расходовал свой талант впустую? Сорок лет я свято верил, что живу правильно. Я думал, что знаю о Боге, о себе, о своих жизненных целях все. И вот теперь я мог с уверенностью сказать только одно: ничего-то я не знаю.

На следующий день мне посчастливилось отыскать этот дом. После смерти прежнего владельца он пустовал. Я купил его — мы с женой копили деньги долгие годы.

Когда дети узнали об этой покупке, они чуть не отправили меня обратно в клинику. Дочка умоляла переселиться к ней. Но я уже все решил. Я переехал в свое новое жилище, разбил на заднем дворе огород, а справа и слева от дома — клумбы. Мне стали нравиться долгие пешие прогулки.

Своим новым соседям я сказал, что жил в Техасе, в Париже, работал там садовником. И они оставили меня в покое.

Целый год я провел в праздности — раза два, правда, навещал детей. Но потом страшно затосковал. Я выздоровел благодаря гимнам и теперь остро нуждался в них. Но услышать их можно было только в церкви.

И вот в один прекрасный воскресный день я надел костюм и отправился в ту самую церковь, где не смог когда-то провести службу. Почему не пошел в другую? Трудно сказать. Меня отчего-то тянуло именно в эту церковь. Богослужение уже началось, и я тихонько проскользнул внутрь. Я сел на заднюю скамью, моля Всевышнего о том, чтобы никто меня не узнал. Что ж, кажется, этого и не произошло.

Я стал часто приходить туда. Обычно я сидел сзади и пел вместе со всеми. А еще я внимательно слушал священника и порой, качая головой, спрашивал себя: неужели Болтунишка Смит тоже произносил такие речи? Как только

служба заканчивалась, я уходил: мне не хотелось ни с кем знакомиться.

Как-то раз я проезжал мимо одного из тех городков, что находятся к северу отсюда. Они застроены маленькими белыми домиками, в которых живут нефтяники и их семьи. Эти городишки всегда казались мне бесцветными и уродливыми... Вместо палисадников — пустыри. А ведь сделать города красивыми так легко!

И вот в один из погожих весенних деньков (все мужчины как раз были на работе, а дети — в школе) я подъехал к такому белому домику и постучал в дверь; навстречу мне вышла женщина. Я сказал, что мог бы посадить около ее дома цветы и деревья. С тех пор я стал предлагать свои услуги горожанам. Многие отвечали, что им это не по карману, а я говорил, что не собираюсь брать с них деньги. И они, конечно, не находили, что возразить.

Клумбы, появившиеся около некоторых домиков, привлекали внимание жителей города. Женщины были счастливы, их мужчины довольны; время от времени мне даже платили несколько долларов за работу. Ко мне начали обращаться с просьбами помочь разбить клумбы. Дворы уже не выглядели серо и уныло, напротив, они радовали глаз своей пестрой красотой.

Я стал известен как садовник Расс, который любит петь, когда работает. С каждым годом слава моя росла. Я побывал во всех окрестных городках: в Нью-Лондоне, Хендерсоне, Арпе, Троупе, Килгоре и даже Тайлере. Мне приходилось не только сажать цветы и деревья, но и самому придумывать, как должен выглядеть двор. Ну а после того как два года назад умер человек, служивший садовником на кладбище Плезант-Хилл, меня попросили занять его место. Теперь весной и летом мне некогда дух перевести.

По-моему, здесь никто не догадывается, что я лечился в клинике для душевнобольных. Я слишком хорошо помню, как смотрели на меня в Накогдочесе. А ведь с этими людьми я дружил долгие годы. И в Тернертауне произойдет то же — стоит только кому-нибудь узнать правду. Люди боятся бывших пациентов психушек, особенно тех, кто когда-то служил священником. Неужели Господь и впрямь может поступить так с пастором, призванным нести Его Слово людям? Именно этот вопрос, по-моему, они хотели бы задать и священнику, и Богу. Так что, Люк, сделай одолжение, не выдавай меня.

Расс

Рассказав обо всем Люку, я заснул безмятежным сном и на следующее утро проснулся отдохнувшим. У меня был прекрасный аппетит. Оказывается, если тебе не нужно ничего скрывать, настроение здорово улучшается.

Я жадно набросился на яичницу, бекон и тосты. А Люк, как ни странно, ел неохотно. Да еще молчал как рыба — только попивал свой кофе и отламывал маленькие кусочки от хлеба. Видимо, о чем-то напряженно думал. Выражение его лица заставило меня вспомнить о нашей первой встрече.

Мы поехали в Тайлер. Камни уже были на месте, оставалось только уложить чернозем и посадить розовые кусты. Для этого пришлось съездить в оранжерею. Потом мы вернулись обратно. Люк сбрасывал с грузовика куски дерна, а я разравнивал землю граблями.

Я думал, что мой помощник продолжит рассказывать свою историю. Мне не терпелось узнать, чем же он занимался на дамбе. Но Люк работал молча.

В конце концов, я не выдержал и запел. По-моему, это был псалом «Спасены Твоей милостью». Прошел целый час, а Люк так и не проронил ни слова. Мы вновь направились в питомник за землей.

Потом вместе копали и ровняли землю. Часов в десять я опять начал напевать:

*Милость Божья беспредельна,
Как безбрежный океан.
Решения добры и справедливы,
И это больше, чем свобода.
Все наши земные горести
На небе чувствуются острее.
Там нет места...*

И тут всего в нескольких дюймах от моего лица пролетела лопата. Она лязгнула, ударившись о камень, и отскочила в сторону. Люк спрыгнул с грузовика. Его кулаки были сжаты, а глаза налились кровью.

— С меня хватит! Мне надоели твои глупые псалмы! Кстати, об одном из них ты почему-то все время забываешь. Я его когда-то знал наизусть. «Мир наш ярок и прекрасен, его создал наш Господь» — что-то в этом духе. В детстве я его очень любил. Моя сестра была яркой и прекрасной — и что из этого? Марти — самая милая, самая замечательная девочка на земле, так почему же Он сделал так, что она умерла? Ей было всего тринадцать лет! Ну-ка, скажи мне, преподабный!

Его глаза пылали ненавистью. Я боялся, что он меня ударит. Но мне трудно было подобрать слова, которые могли бы успокоить его, хотя я знал наверняка — он неправ.

Люк ткнул в мою сторону пальцем.

— Интересно, что ответил бы Болтунишка Смит на мой вопрос, стой он сейчас за кафедрой? У него же была готова речь! Так что ты собирался сказать этой несчастной семье? Чем думал их успокоить? Отвечай!

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Болтунишка Смит умер. Давным-давно. Понятия не имею, что бы он тебе ответил. Для меня это совершенно чужой человек, и я не помню, какие слова он готовился произнести.

Люк выругался.

— Да забудь ты о Болтунишке! Сам-то ты что скажешь? Ты же ходишь в церковь, псалмы распевашь. Что ты обо всем этом думаешь?

Я покачал головой.

— Не знаю. Я ведь больше не священник, и за кафедрой не стоял целую вечность. Теперь я простой садовник.

Люк впился в меня глазами, а затем сплюнул мне прямо под ноги.

— Только начни сегодня гундосить какой-нибудь псалом, — он угрожающе поднял лопату, — и я разобью тебе лицо.

С этими словами мой помощник залез в кузов грузовичка и стал бросать оттуда землю.

Я поднял грабли и тоже приступил к делу. Мы работали молча, но я время от времени поглядывал на Люка и видел, что он все еще кипит от гнева.

Когда мы посадили розы, хозяйка позвала подругу полюбоваться на нашу работу. Та была в восхищении; она спросила меня, не можем ли мы привести в порядок и ее садик.

Я чуть было не отказался. Мне не хотелось работать с Люком, я его боялся. По-моему, он был близок к тому, чтобы меня ударить.

Но я не мог просто так отказать этой милой женщине, да и врать не хотелось, поэтому пришлось согласиться на ее предложение.

Когда она уехала, ко мне подошел Люк. Я напрягся, ожидая еще одной вспышки ярости, но вместо этого он заявил:

— Что, получил заказ? Знаешь что, Расс, я, пожалуй, останусь и помогу тебе. Так просто ты от меня не избавишься. Тебе придется ответить на мой вопрос, преподобный, хо-

чешь ты этого или нет. Так что лучше обмозгуй, как объяснить мне то, что со мной случилось.

Ужин прошел в не очень-то приятной обстановке. Я люблю есть молча, но не тогда, когда люди смотрят друг на друга с ненавистью. Аппетит у меня пропал, и я рано лег спать.

Порой хороший сон излечивает от обид, однако за завтраком стало ясно: Люк все еще злится. Он напоминал мне змею, которая хоть и свернулась в клубок, готова ужалить в любую минуту. Уж лучше бы он разразился бранью. Это избавило бы меня от тягостного ожидания новой вспышки ярости.

Утром, перетаскивая и устанавливая камни, мы перекинулись всего парой фраз. Но когда мы устроили себе передышку, тишина подействовала на меня так же, как вчера, и я невольно запел:

*Приходите, грешники, бедные и нуждающиеся,
Больные и раненые, слабые и страдающие.
Иисус готов...*

Спohватившись, я оглянулся на Люка. Он смотрел на меня в упор. Мое дыхание участилось, и я вытер пот со лба. Нужно быть настороже и не допускать больше таких ошибок

«Не петь!» — приказал я себе. С полчаса мне удавалось контролировать себя, но потом я забылся — словно кто-то мне советовал заполнить тишину пением — и вновь затянул:

*Ты знаешь, каков я,
Но я иду к Тебе, Господи!
Грехи мои обжигают, словно пламя,
И все же Ты...*

Внезапно я опомнился и подавился кашлем, затем испуганно обернулся. Люк стоял в пятнадцати футах от меня, сжимая в руке большой камень. Потом он шагнул ко мне и — швырнул булыжник на землю.

— Наверное, тебя можно заставить замолчать только одним способом. Ты поешь лишь в тех случаях, когда вокруг тихо, значит, придется тишину нарушить. Расскажу-ка я тебе о человеке, которого ты мне напомнил. Впрочем, на меня он тоже немного походил, но все-таки не так, как на тебя. Этот парень здорово меня раздражал. Мы познакомились с ним, когда я сидел на своем любимом месте и глядел на реку; он тоже хотел поговорить со мной о Боге.

Люк

Весной 1938 года я, как ты уже знаешь, впервые увидел дамбу. Я появился там как раз вовремя. Фундамент дамбы планировали возвести еще несколько месяцев назад, но правительство решило заключить контракт с новой компанией, из-за этого многим рабочим пришлось оттуда уехать. Эта компания отчаянно нуждалась в людях. Узнав, кем я работал прежде, ее представители обрадовались. Им позарез требовались механики. На стройку нагнали всякую технику: грузовики, краны, бульдозеры — и ее надо было кому-то обслуживать. Мне как квалифицированному механику пообещали платить доллар двадцать пять центов за час.

Я должен был отдать двадцать пять долларов за вступление в профсоюз, но у меня в кармане свистел ветер. Тогда компания предоставила мне ссуду. Мне сказали, что несколько долларов станут вычитать из моей зарплаты. Затем я отправился в гараж. Там я узнал, что ночлег можно найти в Гранд-Кули (в этом городишке проживало большинство холостяков, работавших на дамбе). Мне объяснили, что в Гранд-Кули полно дешевых гостиниц и общежитий, а также заведений, где можно весело провести свободное время.

Мне действительно удалось отыскать дешевую гостиницу, в которой номер стоил доллар в день, и я начал трудиться в автомастерской. Парни, работавшие со мной, называли меня Техасцем. На дамбе было мало людей, приехавших с юга. Вечерами я прогуливался по этому грязному городишке, проходил мимо казино и дансинг-холлов, баров и публичных домов. До меня долетал смех, грубые выкрики и звуки расстроенного пианино. Вдрызг пьяные парни дрались на улице. Я никогда не глазел на эти потасовки.

Время от времени я уходил в глубь пустыни. Летом дул сильный ветер, и пыль летала повсюду и днем и ночью.

Женщин в Гранд-Кули почти не было. Ведь город находился вдали от цивилизации и связанного с ней комфорта. Но меня это как раз устраивало.

Мне удалось найти общий язык с другими механиками, но один парень — его звали Престон — сразу меня невзлюбил. Возможно, он принял мое молчание за заносчивость. Престон был чуть ниже меня ростом, но ходил гордо выпятив грудь. Руки у него были сильные, поросшие густыми волосами.

Однажды — мы как раз ждали автобуса, чтобы поехать в город, — он подошел ко мне. За его спиной стояли два парня.

— Привет, Техасец. Мы собираемся сегодня в «Суони Румз». Там появились новые девочки. Сначала выпьем, а потом поднимемся наверх. Пойдешь с нами?

Даже если бы у меня появилось желание посетить подобное заведение, я бы с Престоном туда не пошел.

— Нет, спасибо, — покачал я головой.

Престон повернулся к своим приятелям.

— Одно из двух: или ему не нравится наша компания, или он напустил в штаны.

Когда он обернулся ко мне, сразу получил по челюсти.

— Выбирай выражения, — прошипел я. Он испуганно отступил. — Можешь называть меня Техасцем, но не смей мне грубить.

На его нижней губе выступила кровь, и лицо исказилось от ярости.

— Ты еще пожалеешь, что не остался в Техасе, деревенщина!

Все расступились, чтобы не мешать нам.

Он замахнулся, и мы покатались по земле, но я вскочил на ноги первым. Знаешь, Расс, это даже забавно. Я не дрался с тех пор, как был мальчишкой, но некоторые приемы забыть невозможно. Я чувствовал, что он мне уступит. Престон опять приблизился ко мне, размахивая кулаками, напоминая отбойные молотки. Но он понятия не имел, как защитить себя от ударов левой; я заехал ему в скулу, и он отключился.

Об этой драке потом долго вспоминали. Никто ко мне больше не приставал. Меня начали опасаться.

В августе меня все чаще стали посещать мысли о женщинах. Когда же я в последний раз притрагивался к девушке? Это была Джуди? Нет. Вики? Нет. Рэйчел! Во время похорон, на кладбище, она упала в мои объятия. С тех пор прошло семнадцать месяцев.

Я отправился в бар «Серебряный доллар», сделал заказ и некоторое время сидел, слушая, как играет тапер. Осушив бокал, попросил повторить.

Я смотрел в глубину зала. Там, у дальней стены, неподалеку от танцующих людей, за столиком болтали две девушки; немного погодя к ним присоединилась, пройдя через весь бар, высокая брюнетка. Я не спускал с нее глаз.

Тапер заиграл медленную балладу. Я допил виски, соскользнул с табурета, подошел к девушкам и улыбнулся брюнетке. Глядя ей прямо в глаза, спросил:

— Хочешь потанцевать?

Она привстала, протянув мне руку ладонью кверху. Я удивленно уставился на ладонь девушки, потом перевел взгляд на ее лицо:

— Так пойдем?

— А где же деньги? — Ее улыбка была такой же напряженной, как и моя.

— Тут над дверью висит объявление, и там сказано, что за танцы платить не нужно.

Девушки рассмеялись.

— Вход, само собой, бесплатный. Если ты приходишь сюда с подружкой, танцуй хоть всю ночь напролет. Но чтобы пригласить одну из нас, ты должен заплатить десять центов. Тебе не кажется, что это не так уж много?

Я вытащил из кармана два десятицентовика.

— Песня подходит к концу, начнем танцевать, когда заиграют следующую.

Девушка кивнула, я отдал ей монетки и повел в зал.

Протанцевав с ней десять песен подряд, я узнал, что ее зовут Элис и что она работает платной танцовщицей уже четыре месяца — копит деньги на школу секретарей в Спокане.

Мне нравился ее голос, улыбка, фигура. Я предложил ей коктейль, но она отказалась, объяснив, что владелец заведения запрещает им пить с посетителями. А затем добавила, что завтра у нее выходной и она с удовольствием примет мое предложение сходить куда-нибудь вместе. Мне тоже хотелось увидеть ее еще раз.

Однако ночью, лежа в постели, я передумал. Элис была милой, порядочной девушкой — ей не место в такой дыре, как Гранд-Кули. Элис нужно быстрее возвращаться в Спо-

кан, к добрым, хорошим людям. Не стоит давать ей надежду, приглашая на свидания. А вдруг она мне по-настоящему понравится? Тогда я захочу, чтобы она привязалась ко мне, и, вполне возможно, она действительно в меня влюбится. А вот это уже нехорошо.

Нет, Элис лучше уехать отсюда. Я больше никогда не заходил в «Серебряный доллар» — пил свое виски в других заведениях, которых в Гранд-Кули превеликое множество.

Только через несколько лет мне посчастливилось притрнуться к женщине.

Мое прошлое осталось далеко позади, словно бы в другом мире. Но по ночам я мысленно возвращался к той давней жизни. Мне хотелось забыть о ней, но это было невозможно. Я вспоминал наш сосновый бор, нефтяные вышки и проселочные дороги, покрытые красной пылью. Я снова видел белый дом, веревку, висящую над прудом, шалаш в лесу и маленькую девочку, которая росла на моих глазах. Она так меня любила.

Шли годы, дамба все выше поднималась над рекой. Возводить ее посреди пустыни было непросто. Многие увольнялись, проработав здесь полгода или год, и возвращались на родину, к своим женщинам, семьям, к нормальной жизни. Туда, где не было этого сумасшедшего ветра.

А я остался, и вскоре обо мне уже говорили как о самом опытном механике на стройке. Если ребята из автомастерской не могли разобраться с какой-нибудь неполадкой, они обращались ко мне за помощью.

Я привык к одиночеству, привык к тому, что зимы в этой долине холодные и длинные, а летом пыльно, жарко и душ-

но. Дни тянулись тоскливой чередой, но меня это даже радовало.

Мне нравилось смотреть на дамбу. По воскресеньям я прогуливался по краю каньона, любовался рекой и пытался отыскать такое место, с которого открывался бы отличный вид на дамбу. Однажды я прошагал почти целую милю и, в конце концов, обнаружил выступ, футов тридцать в длину. Его нельзя было увидеть с близлежащей дороги. В этом укромном местечке можно было сесть свесив ноги, опереться спиной на камень и глядеть на дамбу. Над выступом нависали три огромных валуна: они образовывали что-то вроде укрытия — там я мог растянуться и немного поспать.

Как-то я, по своему обыкновению, задремал в этом укромном местечке, а когда проснулся — увидел, что на противоположном краю выступа сидит мужчина. Его взгляд был устремлен на реку. Я молча сел на свое обычное место. Вскоре незнакомец поднялся, заметил меня и подошел поближе.

Ему было около сорока. Темно-русые, уже слегка поредевшие волосы, очки. Инженер, решил я.

— Прекрасный вид, — улыбнулся мужчина.

— Да. Прежде чем набрести на это место, я кружил около него два месяца. Так что никому о нем не говори. Не хочу, чтобы здесь собралась толпа.

Он рассмеялся.

— Да ты шутник! Представь себе, я тоже долго искал подходящее местечко. Я могу сидеть здесь часами. — Он кивком головы указал на дамбу, а затем протянул мне руку: — Меня зовут Боб Коулман.

— Люк Робертсон.

Мы пожали друг другу руки.

— Рад знакомству. Что ж, мне, пожалуй, пора. Ты не возражаешь, если я иногда буду сюда приходить по воскресеньям?

— Это же не моя собственность.

— Я никому не проболтаюсь об этом месте, — заверил меня Коулман, а потом добавил: — Ты ведь из Оклахомы, Люк?

— Нет, из Техаса.

— Ну, это рядом. Увидимся на неделе.

Я наблюдал за тем, как он карабкается по камням. Забравшись наверх, Боб помахал мне рукой, но я даже не кивнул ему в ответ.

Когда я пришел туда в воскресенье, Боб Коулман уже сидел на краю каньона. Мне было неприятно его видеть: я хотел, чтобы это место принадлежало только мне.

Боб заметил, что я спускаюсь, и жестом пригласил меня сесть рядом. Затем потянулся к маленькому переносному холодильнику, вынул из него банку колы и предложил мне, не забыв и о себе, конечно. Некоторое время мы молча смотрели на дамбу и попивали колу.

— Давно здесь работаешь? — заговорил наконец Боб.

— Три года. В автомастерской.

— А я четыре. Инженером.

Меня бы устроило, если бы на этом наш разговор прервался, но через несколько минут Коулман вновь заговорил:

— Как ты думаешь, дамба остановит реку?

По-моему, это был на редкость идиотский вопрос.

— Да уж, надеюсь. Неужто мы зря столько времени горбатились?

Он нахмурился.

— Ну да, все так и считают: положим побольше бетона — и река остановится. Когда я отсюда гляжу на дамбу, мне тоже кажется — это сработает. Я ведь инженер и знаю, что все делается правильно. Но стоит мне спуститься вниз, и я уже в этом не уверен, — он помолчал с минуту, а потом спросил: — Тебе приходилось смотреть на реку вблизи во время подъема воды?

Я покачал головой.

— Если ты последуешь моему совету и спустишься вниз, ты поймешь, что в этой глубокой, полноводной реке заключена огромная сила. И вот тогда ты невольно подумаешь, что какому-то куску бетона с ней не справиться.

— Однако в Неваде это удалось.

Боб презрительно хмыкнул.

— Так то Колорадо. Колумбия сильно от нее отличается.

Он опять перевел взгляд на дамбу и задумчиво произнес:

— Возможно, дамба и остановит реку. Но ненадолго.

Мне показалось, что он немного не в себе.

— В каком смысле — ненадолго? Это же бетон, парень. Он тяжелый и твердый. Он никуда не денется. Нас вот с тобой не станет, а дамба и после нашей смерти простоит целую вечность.

Он кивнул.

— Верно. Но ведь наша жизнь длится мгновение, так что это все равно немного.

Я разозлился.

— Что ж, некоторым удастся прожить дольше, чем одно мгновение.

— Ну хорошо, Люк: десять лет, двадцать, пятьдесят, восемьдесят. Это ничто.

— Целая человеческая жизнь — ничто? А жизнь маленькой девочки?

Он наморщил лоб, раздумывая над моими словами.

— Я не это имел в виду. Но время, которое мы проводим на земле, так ничтожно по сравнению с...

— С чем?

Он допил колу и сунул банку обратно в холодильник.

— Ты когда-нибудь бывал ночью в пустыне?

— Допустим. И что с того?

— Я хожу туда не часто, но все же... Знаешь, в пустыне лучше всего гулять тихой безлунной ночью или хотя бы тог-

да, когда светит молодой месяц. В такую ночь я стараюсь уйти подальше от города. Но это случается редко, раз или два в году, — вечно здесь дует ветер.

— И что дальше?

— Так вот, если в темную прохладную ночь тебе удастся уйти в глубь пустыни, подними голову и взгляни на небо. Тогда ты поймешь, что такое вечность. Глядя вверх, ты пове-ришь, что дамба простоит недолго. Да, ее жизнь будет длин-нее нашей, но ненамного, по сравнению с тем, о чем говорит нам это небо.

Я фыркнул.

— Зачем вообще об этом думать?

— Хороший вопрос, Люк, — засмеялся Боб. — Многие об этом и впрямь не думают. Наверняка большинство жителей Гранд-Кули предпочли бы накачиваться пивом в баре, а не любоваться звездным небом. Но я не могу не размышлять об этом. Такой уж я человек. А теперь скажи мне, что в кон-це концов случится с дамбой?

— Ничего.

— Здесь будет водопад. Видишь ли, в речной воде много грязи и ила. Конечно, Колумбия река чистая, не то что Мис-сисипи, но и она несет в своих водах различные примеси. Когда-нибудь ила и грязи скопится столько, что здесь уже не будет озера — только река, падающая с дамбы, словно с обрыва. Вода начнет разъедать бетон, и с каждым годом вы-сота водопада будет снижаться. А потом дамба превратит-ся в два куска бетона: один кусок — на правом берегу реки, другой — на левом. В общем, рано или поздно Колумбия победит. Увидит ли это кто-нибудь? Не знаю. Может, к тому времени люди покинут эти места. И останутся здесь только река и звезды. Бог хочет, чтобы река текла по долине, Люк, и наши труды тщетны.

Этот парень здорово взбесил меня.

— А может, Богу вообще нет до этого дела?

— Ему до всего есть дело, — посмотрел на меня Коулман. «Ах ты, набожный всезнайка, — раздраженно подумал я, — ты только что испортил мне выходной».

Я вскочил на ноги, но прежде чем уйти, не удержался и зло спросил:

— У тебя есть семья, Боб?

— Да. Жена и дочь. Я перевез их сюда из Портленда. Мейсон, конечно, не лучшее место для ребенка, но дочка, кажется, неплохо себя здесь чувствует.

— И сколько ей лет?

— Двенадцать.

— И что же, ее послал вам Бог?

— Довольно странный вопрос для взрослого мужчины, — удивленно воззрился на меня Коулман.

Я покачал головой, не сводя глаз с реки.

— Почему же? Ты ведь сам затеял этот разговор. Я просто спросил, не думаешь ли ты, что дочь послал тебе Бог.

— Пожалуй, так оно и есть. Когда она родилась, мы с женой сказали, что наша девочка — Божий дар. Мы и сейчас так думаем.

Я поднял с земли банку с колой.

— Несколько минут назад ты мне дал эту банку. Это ведь подарок, не так ли? Теперь она моя?

Он кивнул.

— И ты не попросил ее вернуть, хотя мог бы это сделать.

— С чего бы мне...

— Ты мог бы вырвать ее у меня из рук и бросить на камни, правда?

— Но...

— Но ты добрый, хороший человек, и ты оставил ее мне. — Я сделал прощальный жест. — Все, я возвращаюсь в город. Спасибо за колу.

Я прошел половину пути и обернулся. Мне нужно было сказать ему еще кое-что:

— Интересно, стал бы ты разглагольствовать о Боге, если бы в один прекрасный день твоя дочь пошла в школу и не вернулась оттуда домой? — изо всех сил заорал я.

После этого разговора Коулман на то место не приходил. Оно снова принадлежало мне. Но каждый раз, сидя на краю каньона, я думал о человеке, который так же, как и я, мог часами смотреть на дамбу. Мне даже хотелось, чтобы он вернулся. Когда я вспоминал о нем, во мне закипал гнев. Я жаждал обругать его, причинить ему боль.

И еще я размышлял о его словах. Наверное, мне и впрямь стоит спуститься и посмотреть на реку вблизи. И вот однажды, в воскресенье, я так и сделал. Мне пришлось пройти несколько миль, прежде чем я добрался до тропы, ведущей к каньону. Я шел к дамбе по берегу реки, перепрыгивая с камня на камень.

Коулман был прав. Очевидно, только находясь рядом с Колумбией, можно было понять, какая мощь заключена в этой реке.

Я наблюдал за тем, как вода с ревом обрушивается с дамбы и как прыгает рыба, попавшая в водопад. Из-за брызг он казался белым. А возле берега кверху брюхом плавали дохлые рыбины.

Я повернул назад и пошел против течения. В миле от дамбы я приметил человека, сидевшего у воды на камне. Не было никакого сомнения в том, что это Коулман, хоть я и не мог различить его лица с такого расстояния.

Я подошел к валуну. Коулман обернулся и, узнав меня, улыбнулся.

— Я думал, ты придешь на то место.

— Нет, Люк. Оно ведь твое. А ты любишь одиночество. Да и потом, здесь мне нравится больше. Я частенько прихожу сюда по воскресеньям.

Я оперся о камень. Мне было нечего ему сказать, но что-то мешало мне уйти.

— Ты когда-нибудь слышал историю про лососей?

Я недоуменно пожал плечами.

— В это время года они всегда плывут вверх по течению. Видал, как они подпрыгивают у водослива?

Я кивнул.

— И зачем они это делают?

— А затем, что они хотят вернуться туда, где появились на свет, то есть на север, может в Канаду. Видишь ли, течение реки относит мальков в океан; ну а сейчас взрослые лососи идут на нерест, возвращаются в нерестилище. Потом они умрут. Это бесконечный круг рождений и смерти, и все это происходит здесь, на наших глазах. Но им не суждено добраться до дома. Да, лососи могут прыгнуть вверх, если на их пути появляется водопад. Они прыгают очень высоко, эти рыбы невероятно сильные. Они запросто преодолеют водопад высотой в десять или двадцать футов, но с водосливом им не справиться. И потому они умирают. И уж конечно, им никогда не перебраться через дамбу высотой пятьсот футов, а значит, вверх по течению больше не будут ловить лосося.

— Но как же им удалось забраться так далеко? Как они смогли преодолеть плотину в Бонневилле?

— Там есть специальные подъемники для рыбы. Только не спрашивай меня, почему их нет на нашей дамбе, я не знаю. Может, они стоят слишком дорого?

Я пожал плечами и вскочил на ноги.

— Что ж, еще увидимся.

— Подожди, Люк! Я много думал о том, что ты сказал про банку с колой. И еще о том, что ты прокричал, стоя у скалы.

Мне нужно знать: неужели кто-то из твоих близких не вернулся домой? Пожалуйста, ответь мне.

Мне хотелось налететь на Коулмана, сжать его горло двумя руками — так сильно, чтобы его лицо побагровело, а глаза вылезли из орбит. Но я этого не сделал. Только громко выругался и, повернувшись, зашагал прочь. Никогда больше мне не приходилось возвращаться на то место, и Боба Коулмана я тоже не видел.

Я был даже горд тем, что оскорбил его. У меня здорово получилось: я смешал слова, которые слышал в церкви, с теми, что произносят в грязном притоне. Не исключено, что он будет помнить их тогда, когда поднимет голову, чтобы взглянуть на звезды.

Стояли короткие зимние дни; без конца дул холодный пронизывающий ветер. Но я по-прежнему приходил на облюбванное мною место, даже если моросил дождь, шел снег или лежал туман. Эта привычка стала частью моей природы.

Прошло полгода с тех пор, как я последний раз видел Коулмана. Я сидел на выступе и смотрел на дамбу. Строительство подходило к концу. Падал снег. Высота плотины составляла пятьсот футов, а протяженность — целую милю. Наверное, это самое большое сооружение в мире, созданное руками человека.

Нам надо было достроить еще две электростанции, но многие рабочие уже снялись с места, и я знал, что через несколько месяцев автомастерская тоже закроется. Пришла пора двигаться дальше.

Но куда? Найти работу было легко: началась Вторая мировая война. Из газет я знал, что промышленность страны бурно развивается. Меня с удовольствием взяли бы механиком в любую автомастерскую, но вряд ли я найду второе

такое место, как Гранд-Кули, — этот затерянный в пустыне грязный городишко, в котором, казалось, жили одни мужчины, подходил мне идеально. Он стал моей новой родиной. Я был одиноким, безымянным техасцем, без друзей, без семьи, и такое положение меня вполне устраивало.

Но иногда я обращался мыслями в прошлое. Зачастую от воспоминаний избавиться так же трудно, как и от снов. Я наблюдал за падающими снежинками и вспоминал другой снегопад. В тот день меня разбудила Марти. Сестренка была взволнована, ведь она еще никогда не видела снега. А потом я пообещал ей и маме, что у нас в доме появится телефон, и Марти обежала стол и поцеловала меня. Я помню, что был счастлив, но я уже забыл, что это значит.

Стемнело. Я вскарабкался наверх и зашагал в город. Войдя в гостиницу, я увидел, что мои соседи ужасно взбудоражены. Они разбились на группки и что-то бурно обсуждали. Я поинтересовался у одного из них, из-за чего весь этот шум.

Он удивился.

— Ты что, с луны свалился? Разве ты не знаешь, что япошки разбомбили наш флот на Гавайях? Это война, парень!

Расс

В воскресенье мы пели «Следуя Твоим путем, Господи». После того как мы затянули третий куплет, какая-то женщина быстро прошла по проходу к дверям церкви. Я не обратил на нее особого внимания. Мы допели гимн, я встал и напрямик направился к выходу — как всегда, не хотел разговаривать с прихожанами.

Женщина поджидала кого-то, стоя у лестницы. Она взглянула на меня так, что я понял: придется остановиться. Должен признаться, это вышло довольно неуклюже (сложно избавиться от старых привычек). Я сказал: «Здравствуйте, мисс Орт», — самым вежливым тоном, на какой только был способен. На ней было надето серое платье с короткими рукавами, а на макушке красовалась маленькая белая шляпка.

— Ах, так вы знаете мое имя, — мило ответила она. Однако в ее голосе чувствовалась ирония. Я кивнул.

Вики нахмурилась.

— Сейчас из церкви хлынет народ, а мы встали прямо на дороге. Давайте отойдем в сторону.

Я послушно зашагал за ней к углу церкви.

— Мне нужно с вами поговорить, — объяснила она, обернувшись.

Я попытался увильнуть от неприятного разговора, но у меня ничего не вышло:

— Видите ли, у меня дома гость, и мне нужно приготовить для него ужин.

— Ничего страшного, ваш гость не умрет, если сядет за стол на несколько минут позже, — мгновенно отреагировала Вики. Ее голубые глаза сияли и в то же время были холодны, как лед.

Ну что с ней поделаешь?

— Хорошо, — ответил я, пожав плечами и улыбнувшись.

— Меня зовут Вики. Можно, я буду называть вас Расс?

Я кивнул.

— Мы с вами многие годы ходим в одну церковь.

— Да.

— По-моему, вы приехали к нам лет восемь назад, верно?

— Вы правы.

— Но до сих пор мы с вами не были знакомы и, насколько я понимаю, никто другой из нашего прихода с вами тоже знакомства не завязал. Вы всегда приходите в последнюю минуту и садитесь сзади. Уходите раньше всех, даже не получив благословения, и никогда не посещаете благотворительные мероприятия, которые проводит церковь. Честно говоря, я бы и не подозревала о вашем существовании, если бы...

Мое сердце билось часто-часто. К чему она клонит?

— Если бы не ваш голос. Он выделяется из общего хора. О, вы, конечно, не пытаетесь никого перекричать, напротив, вы поете негромко, но так выразительно и чисто! У вас редкий дар, его не утаишь. Простите за назойливость, Расс, но почему вы не хотите петь в церковном хоре?

— Может, потому, что я привык к одиночеству?

Вики кивнула.

— Понимаю. Вы одиночка и человек привычки. Садитесь на последний ряд и уходите, когда гимн еще не допет. Мне

ли не знать, что это такое: сама сажусь на одно и то же место в третьем ряду вот уже десять лет.

С минуту она молча глядела в сторону. Потом сказала:

— Все вышли. Пойдемте в церковь. Мне не нравится стоять на солнце.

Я последовал за ней. По лестнице спускались последние прихожане. Вики опустилась на заднюю скамейку и жестом пригласила меня сесть рядом.

— Расс, а где вы жили до того, как обосновались в наших местах? — внезапно спросила она, заглянув мне в глаза.

Мне ее вопрос не понравился. Я потер ладонью лоб и взглянул на часы.

— Ладно, забудем об этом, — спохватилась Вики. — Просто я люблю совать нос в чужие дела. Так мне сказал один человек. На самом деле мне хотелось поговорить не о вас, а о... вашем госте. Если вы, конечно, не возражаете...

Я неуверенно кивнул.

— Думаю, вы уже поняли, что мы с ним старые знакомые. К тому же вы, по-видимому, слышали наш разговор в Хендерсоне.

По выражению моего лица она могла понять, что это так.

— Да, Расс, я познакомилась с Люком задолго до того, как произошла та трагедия. Вероятно, вы решили, что мы с ним встречались? — Вики горько рассмеялась. — Да, забавно... Встречались... Однажды он даже пригласил меня на свидание. В тот день мы случайно столкнулись в автомастерской, а потом поехали на буровую вышку. Как же мы тогда смеялись! А еще я помню, как Люк взял мою руку в свою и — погладил. Но он даже не поцеловал меня. Нет, не поцеловал... Может, мне самой стоило это сделать. Это был бы довольно смелый поступок для *порядочной* девушки, правда? И все-таки зря я его не поцеловала. Я много об этом думала... А после того дня — ничего. Ему нравилось проводить время

с раскрашенными девками из Килгора, которые дымили, как паровоз, и не брезговали ромом. Хотя нет, я встретила с ним еще два раза. Мы вместе ездили в Овертон, в больницу, а через два дня я пошла с ним в церковь.

Ее голос дрогнул. Вики закрыла лицо руками и всхлипнула.

Я достал из кармана платок и протянул его своей собеседнице. При виде ее слез у меня сжалось сердце.

— Люк очень благодарен вам за то, что вы поддержали его в трудную минуту, — тихо прошептал я.

Вики бессильно уронила руки на колени, и ее огромные, влажные от слез глаза устремились на меня:

— Это он сам вам сказал?

— Да.

Она слегка нахмурилась.

— А о чем он еще вам рассказывал?

— О многом. Похоже, Люк пересказал мне почти всю свою жизнь. Когда мы работаем, он любит вспоминать о пережитом.

Вики устроилась на скамье поудобнее, и я понял, что мы не скоро уйдем отсюда.

— Знаете, Расс, ведь это я сообщила Люку о том, что Марти больше нет.

— Да, он говорил.

— И он обругал меня...

Я кивнул.

Женщина нервно сглотнула. Мне показалось, что мисс Орт опять готова заплакать, но когда она заговорила, ее голос звучал твердо:

— И я до сих пор помню, что он мне сказал. Прошло десять лет, а мне так и не удалось забыть эти слова.

— Видите ли, он знал, зачем вы пришли, и его слова были обращены не к вам, а к чему-то или кому-то другому...

— Я понимаю. Но ведь слово обладает силой, проклятия никуда не исчезают. Мне страшно об этом думать, но я чувствую, Расс, что Люк до сих пор ненавидит меня за то, что я сообщила ему о гибели Марти.

— Не надо так думать, — затряс я головой.

— А зачем, — внезапно спросила Вики, — он начал рассказывать вам о своей жизни?

Я задумался на секунду, а потом ответил:

— Он был так одинок все эти десять лет: не с кем поговорить, не с кем поделиться своим горем. Ему было просто необходимо рассказать кому-нибудь о том, что случилось с ним, с его сестрой. Душа его надрывалась. Он должен был избавиться от этой боли, а я, наверное, показался ему хорошим слушателем...

— Ему было необходимо рассказать о том, что случилось, какому-нибудь человеку...

— Да.

— Но не женщине.

— По всей вероятности, это так.

Вики кивнула. Несколько секунд она не поднимала глаз от пола, а потом спросила:

— Расс, как вы думаете, почему он вернулся? Ведь он так долго скитался по свету...

— Не знаю. Я уже задавал себе этот вопрос. Но, по-моему, Люк собирается вернуться туда, откуда приехал.

Она молча смотрела прямо перед собой. Так прошло несколько минут. Наконец Вики вновь заговорила; ее тихий голос звучал обманчиво мягко:

— Конечно, он уедет. А мне уже тридцать три. Когда-то мне сделал предложение один прекрасный человек, химик. Он работал в нефтяной компании. Но я ему отказала. Некоторое время спустя я познакомилась с другим мужчиной, инженером-строителем. Он тоже хотел на мне жениться, но

я заупрямилась, и он отступился. Теперь у них обоих семьи. Целый год я занимаюсь с детьми в школе, потом они переходят в следующий класс, и за их парты садятся новые ученики. Никто не сидит на месте. Кроме меня.

Вики поднялась со скамьи.

— Спасибо за разговор, Расс. Пожалуй, Люк уже проголодался.

Она протянула мне руку, и я, поднявшись, пожал ее. Вики взяла сумочку и направилась к двери. Я двинулся следом. Когда мы спускались по ступенькам, она вдруг обернулась и сказала:

— Много лет назад я услышала одну песню. Она мне очень понравилась. По-моему, в ней говорится о моей жизни; песня эта называется «Я жду кораблей, что никогда не вернуться».

Вики достала из сумочки ключи и шагнула к автомобилю, но перед тем как сесть в него, обернулась еще раз и добавила:

— Расс, вы должны петь в хоре. Право же, нельзя скрывать такое сокровище, как ваш голос.

Она махнула рукой на прощание и уехала.

Люк

Мы знали, что скоро начнется война, думали о ней, но когда она пришла в Америку, все были потрясены. Впрочем, и к войне можно привыкнуть.

Многие парни — те, что помоложе, — сразу мобилизовались. Я тоже собирался в армию, но мой начальник обратился ко мне как к самому опытному механику с просьбой остаться хотя бы месяца на два. Потом мне сказали, что на оборонных предприятиях не хватает рабочих рук и я принесу больше пользы своей стране, если буду трудиться на военном заводе.

Говорили, что в Сиэтле открылось много судостроительных и авиационных заводов. И в феврале я вместе с двумя своими товарищами решил туда перебраться. Я стал учеником мастера на верфи на заливе Пьюджет-Саунд. Мы строили эсминцы. Я быстро овладевал профессией и через два месяца уже перешел из подмастерьев в мастера. Военный флот нуждался в новых кораблях, и мы работали семь дней в неделю. Но мы не жаловались, потому что знали: молодые ребята, моряки, рискуют своей жизнью, сражаясь за нас.

С началом войны моя жизнь приобрела смысл. Я работал до изнеможения. Сон, завтрак, завод, обед, завод, ужин, сон. Мне удалось быстро привыкнуть к новому распорядку дня.

Корабль был почти готов; мы с гордостью смотрели на него и работали как проклятые ради того, чтобы он смог наконец-то принять участие в каком-нибудь морском сражении. Но я спешил еще и по другой причине. Я провел в Ситле пятнадцать месяцев и за это время успел возненавидеть дождь, туман и толпу. Мне не хватало сухого воздуха пустыни и одиночества. Я хотел уехать, и потому воспринимал сход эсминца со стапелей как знак того, что можно вновь пуститься в путь. Но как вернуться в пустыню? Ведь строительство дамбы подошло к концу...

Я почти убедил себя в том, что придется остаться на верфи, как вдруг однажды увидел на двери кабинета председателя профсоюза объявление:

ТРЕБУЮТСЯ:

Каменщики;

слесари-водопроводчики;

сварщики;

операторы станков;

плотники;

подсобные рабочие.

Вы можете помочь нашей армии!

Обращаться в компанию «E. I. DuPont de Nemours Co.»

Ричланд, Вашингтон

Мне никогда не доводилось слышать о Ричланде. Я поинтересовался у знакомых парней, что это за город, и они объяснили, что Ричланд расположен к северу от Кенневика, то есть как раз там, где я по пути в Гранд-Кули несколько лет назад перешел через огромную реку. На следующий день я уже сидел в поезде.

Я получил то, что хотел, Расс. Вновь оказался в пустыне, жил вместе с тысячами других мужчин в паршивом городишке и вкалывал, глотая пыль, в жару и холод.

Вот только раньше, в Гранд-Кули, я знал, что мы строим. Я видел, как рабочие кладут бетон, как растет дамба; мог представить, как она будет выглядеть. Мне было ясно, каким образом падающая вниз река заставит турбины вырабатывать энергию. Я понимал, что воду можно использовать для орошения полей. По-моему, человек гордится своей работой лишь тогда, когда знает, ради чего он трудится.

В Ричланде я ничего подобного не ощущал, а вскоре мне вообще дали понять, что задавать вопросы не следует — ни о том, чем мы тут занимаемся, ни о том, важна ли наша работа для страны. Нельзя было спрашивать, почему завод находится посреди пыльной пустыни, а не рядом с городом, куда люди могли бы перевезти семьи. И почему нас охраняют солдаты с автоматами. Трубы, по которым поступала речная вода, тоже считались запретной темой. Было непонятно, почему все время требовалось так много воды и бетона. Никто не хотел говорить, для чего мы так торопимся и какое отношение наша работа имеет к войне.

В общем, ни о чем не спрашивай, ничего не рассказывай, а если оказался слишком сообразительным — держи свои мысли при себе. Мне не составляло особого труда выполнять эти требования, однако мне куда больше нравилось строить дамбу — там не было всех этих секретов.

Наш завод назывался «Хэнфорд Инжинир Уоркс». Земля, на которой он стоял, принадлежала правительству — всего около восьмисот квадратных миль, как мне говорили. Новые предприятия росли здесь как грибы. Пришлось даже построить еще один городок для рабочих.

Ричланд был некрасивым, пыльным и грязным. Он значительно превосходил Гранд-Кули по размерам, хотя в остальном здорово на него смахивал. Здесь, на новом месте, меня частенько окликали старые знакомые: «Привет, Техасец!» Сюда ведь перебралось немало строителей дамбы.

Я работал слесарем-водопроводчиком и пропадал на заводе все семь дней в неделю, что меня, в общем-то, устраивало. Я знал, что мы заняты созданием чего-то, имеющего отношение к войне. Не раз, лежа ночью без сна, я строил предположения, что же это могло быть.

Зачем нужны три странных здания у реки? Мне приходилось чинить трубы рядом с одним из них, но я никогда не заходил внутрь. Для этого требовался пропуск, а его выдавали не всем. К зданиям вели огромные трубы. Вода из реки поступала сначала в очистные сооружения, затем — внутрь построек, после чего ее выливали обратно в реку; это позволило мне прийти к выводу, что ее используют для охлаждения, а не в качестве источника энергии.

Но для чего нужна такая прорва воды? Для чего сооружены три глубоких бассейна рядом с этими зданиями? И если вода нужна только для охлаждения, зачем ее очищать?

Эти постройки казались мне подозрительными, но все же они не были такими странными, как те, что стояли за горой Гейбл. Мы называли их «Куин Мэри» в честь знаменитого трансатлантического лайнера. Они были такими же огромными. У них имелось несколько дверей, но в остальном они походили на огромные глыбы бетона — восемьсот футов в длину и восемьдесят в высоту.

Как-то раз я услышал, что толщина их стен — семь футов. Наверное, они выдержали бы удар бомбы. Но кто наш неведомый враг? Мы знали, что японский флот практически уничтожен, значит, японцы никак не могли напасть на внутренние области США. Что касается самолетов противника,

то им никогда бы не позволили долететь до центра штата Вашингтон.

Но однажды я догадался. Мощные стены были нужны не для того, чтобы сохранить то, что находилось внутри, а для того, чтобы не дать чему-то вырваться наружу. Скорее всего в недрах «Куин Мэри» испытывают ядовитый газ, который будет применяться нашими войсками в Японии. О своих умозаключениях я предпочел помалкивать.

Наконец комплекс был построен. Большинство строителей уволились. Они нашли себе новую работу и с радостью покинули этот затерянный в пустыне город. А я остался.

Помню, как весной мы укладывали трубопровод к северу от горы Гейбл (примерно в миле от нее). И вдруг все завопили и стали указывать на огромное темное облако, которое, медленно переваливаясь через гору, плыло в нашу сторону. Неужели прогремел взрыв и «Куин Мэри» лежит в руинах? А что если это облако ядовито?

Все страшно испугались. А я в ту минуту совершенно отчетливо вспомнил белое облако пыли, поднимающееся над соснами. Тогда, много лет назад, я очень боялся — боялся за Марти, но теперь мне не было дела до этой коричневой громадины, надвигавшейся на нас; не все ли равно, что со мной случится.

Вдруг на дороге затормозил грузовик, и из него выскочил мужчина. На его груди была табличка с именем. Он заверил нас, что беспокоиться не о чем, ничего особенного не произошло, все это — «часть рабочего процесса». Немного погодя грузовик умчался, поднимая за собой черную пыль. Мы опять взялись за работу. А мне потом долго не давала покоя одна мысль: что происходит с человеком, которому нечего бояться?

Наступило лето. Дожди кончились, и песок в пустыне стал обжигающе горячим. Все как обычно. «Рабочий процесс» продолжался. Наши начальники были довольны тем, как идут дела. Они, можно сказать, расслабились. Да и мы, простые работники, которым ничего не объясняли, тоже чувствовали себя неплохо.

Однажды августовским утром — дело было в понедельник — нас отвлек от завтрака чей-то крик. Мы оглянулись и увидели, что это один из служащих. Он держал в руке радио.

— Вот это новость! — орал он, вскинув вверх руку. Потом включил приемник на полную громкость. Вокруг радио моментально сомкнулось живое кольцо.

— Скоро войне конец, ребята! — вновь возвысил голос служащий.

То, что я услышал тем августовским утром, показалось мне таким невероятным, что я едва помню, кто и что тогда сказал. Один из наших самолетов «Б-52» сбросил на японский город Хиросиму бомбу. Но это была не простая бомба. Ее мощность равнялась взрывной силе двадцати тысяч тонн тротила — город просто исчез с лица земли.

Ее секретно разрабатывали в Лос-Аламосе, в Мексике. Три недели назад проходили испытания. Эту атомную бомбу еще называли «солнечной», потому что при взрыве возникало сияние, которое было ярче, чем сияние солнца.

Но самое главное мы узнали позже. Оказалось, что завод «Хэнфорд Инжинир Уоркс» — сотни зданий, «Куин Мэри», все-все, — построены для того, чтобы вырабатывать специальное топливо для этих бомб. Мы делали плутоний. В Теннесси тоже возвели большой комплекс — «Оук Ридж». Они

занимались ураном, а мы плутонием: и то и другое пожира-
ло «солнечное» оружие.

Нам разрешили в то утро не работать, и многие жадно
прикинули ухом к радио. Я же пошел к реке, чтобы спокойно
обо всем поразмыслить.

Мне не верилось, что, сбросив бомбу, мы покончим с
войной. После того, как мы сражались с японцами на Ти-
хом океане и у островов... Да, мы их там разгромили, но они
никогда не сдавались. Они продолжали драться на суше, а
нашим солдатам приходилось выжигать огнеметами землю
и бросать гранаты в каждую расщелину, в каждую пещеру.
Только так можно было покончить с ними. И это повторя-
лось на всех островах.

Сообщение по радио выбило меня из колеи, но я не мог
понять, что именно меня так потрясло. Тогда я стал напря-
женно вспоминать:

...двадцать тысяч тонн тротила...

...ярче солнечного света...

...ночью в Нью-Мексико стало светлее, чем днем...

...использование бомбы явилось крайней мерой...

...чтобы разместить рабочих и их семьи, потребовалось
построить три новых города...

Ну да, именно это показалось мне особенно важным: три
новых города... рабочие и их семьи... города... семьи... в по-
недельник, в восемь часов шестнадцать минут утра по мест-
ному времени на город Хиросима...

Я понял: главное слово — «город». Я оглянулся на Рич-
монд и почувствовал, как во мне закипает гнев.

Они сбросили бомбу на город.

Я отошел от игривой голубой реки и направился к заво-
ду. В голове у меня гвоздем засела одна-единственная мысль:
«Они сбросили ее на мирных жителей. Я помогал делать
атомную бомбу, которая уничтожила целый город».

Через три дня история повторилась. Теперь они смели с лица земли Нагасаки.

Я возненавидел страну, в которой появился на свет. Почему они не бомбят порты? Убивайте военных, а не женщин. Уничтожайте корабли, а не дома мирных жителей.

Неужели только мне приходили в голову подобные мысли? Я решил заглянуть в бар, выпить чего-нибудь и заодно послушать, что говорят люди.

Я разыскал какую-то шумную забегаловку и вошел внутрь; в ту самую минуту, когда я собирался усесться за стойку бара, меня кто-то окликнул.

Это был Энди. Мы вместе работали. Он пригласил меня за свой столик. Зря я не пошел в другое место, но ничего не поделаешь, придется присоединиться к его компании. Он представил меня двум своим приятелям, и я заказал себе пиво.

— Ну а ты как считаешь, Техасец? Сдадутся они? — спросил Энди.

И они втроем выжидательно уставились на меня. Я бы предпочел слушать, а не говорить. Черт! где же мое пиво? Я оглянулся на барную стойку, а потом сосредоточенно принялся рассматривать стол.

— Думаю, нет, — наконец выдал я из себя. — Если они не сдались после первой бомбы, вряд ли это произойдет после второй.

Коренастый рыжий парень, сидящий рядом с Энди, кивнул:

— Вот и я говорю то же самое, а они со мной не соглашаются!

Официантка поставила на стол пиво. Я отдал ей деньги, поднес бутылку ко рту и сделал большой глоток.

— Тут ведь вот в чем дело, — вступил в разговор темноволосый мужчина, — после первой бомбы япошки могли подумать, что у нас всего одна такая. Но вчера мы дали им понять — это не так. Если у нас есть две бомбы, значит, их может быть и три, и четыре, и десять — короче говоря, достаточно для того, чтобы превратить в развалины целый остров! Они подымут лапки кверху, уж поверьте мне!

— Ну и сколько этих бомб на самом деле? — заинтересованно спросил Энди.

— Думаю, у нас их сотни. И знаете что? Я надеюсь, что мы их используем — сравниваем с землей все города этого забытого Богом острова! — крикнул темноволосый.

Мы молча выпили. Я заказал себе еще пива.

— Мне вот что интересно... — начал я тихо. На меня никто не обратил внимания. Тогда я заговорил громче: — Мне вот что интересно: в японских школах уже начались занятия?

Все удивленно воззрились на меня. Я отпил немного пива.

— Кого это интересует, парень? — буркнул темноволосый.

— И впрямь, Люк, что за странный вопрос, — поддакнул Энди.

Я потрогал горлышко бутылки, а затем пожал плечами:

— Наверное, ты прав, Энди. Просто я подумал, что если занятия начались, то дети в момент бомбардировки были в школах. Бомбу сбросили в одиннадцать часов утра, так ведь? — Я почувствовал, что мое дыхание участилось. — И я считаю, что нельзя преднамеренно взрывать школы и убивать детей. Да, школа может превратиться в развалины из-за трагической случайности. Но нельзя, нельзя сбрасывать бомбы на детей!

И тут заговорил темноволосый. Его голос звучал так резко и неприятно, что в баре мгновенно воцарилась тишина.

— Нет, парень, нельзя делать кое-что другое. И я тебе скажу — что: нельзя посылать самолеты бомбить Перл-Харбор, нельзя убивать две тысячи человек, нельзя развязывать войну!

Я говорил тихо и спокойно, но, думаю, мой ответ услышали все:

— Но они бомбили корабли и аэродромы. Они не нападали на Гонолулу.

Раздался противный скрежет — это темноволосый приятель Энди резко оттолкнул стул и встал из-за стола. Это был высокий крепкий мужчина с квадратным лицом и мощной, выступающей вперед челюстью. Энди и рыжий парень тотчас вскочили на ноги и торопливо направились к бару.

— Мой младший брат погиб при атаке на Пелелиу, — прогремел темноволосый. — Они стреляли в него, сидя в своей пещере. У него не было шанса выжить. Так что давай вставай, защитник япошек.

Я тоже отбросил стул и, подойдя вплотную к парню, посмотрел ему прямо в лицо.

— Мне жаль твоего брата, приятель, но я не в восторге от того, что меня называют защитником япошек. — И с этими словами я показал ему кулак; но тут он размахнулся, и в глазах у меня потемнело.

Придя в себя, я обнаружил, что лежу в пыли. Я валялся у дверей бара, неподалеку от припаркованной машины; под голову мне кто-то положил полотенце. Один глаз у меня заплыл и ничего не видел. На лице запеклась кровь, а боль была такая, будто меня жгли каленым железом. Надо мной склонилась женщина средних лет, в руках она держала влажную тряпочку.

— Не следовало вам говорить таких вещей, мистер, — сказала она, услышав мой стон. — Особенно здесь, и особенно сегодня.

Я приподнялся и ощупал свое лицо.

— И долго я так пролежал?

— С час. Они сами тебя вытащили. Здесь были полицейские, но им сказали, что это ты начал драку, и они ушли. Я хотела смыть кровь с твоего лица. Кажется, у тебя сломан нос, так что лучше сходить к доктору.

— Почему вы мне помогаете?

— Мой муж — владелец бара, — объяснила она, опустив глаза. — Я слышала твои слова и считаю, что ты прав. Им не следовало сбрасывать бомбы на города. Но тебе нельзя было говорить об этом сегодня, нельзя и все тут.

Женщина поднялась с колен и помогла встать мне. Я поблагодарил ее и пошел прочь.

— А почему ты не ударил того парня? — крикнула она мне вслед. — Ты же здоровяк, мог бы и поколотить его.

Я обернулся:

— Младший брат этого парня погиб на войне. У меня просто рука не поднялась.

Расс

Обустраивать сад мы заканчивали в пятницу, и, похоже, это был самый жаркий день лета. Хозяйка принесла нам холодный лимонад. Она сказала, что температура поднялась до ста двух градусов. Мы все доделали к половине седьмого и были счастливы, что можем поехать домой.

Я, как обычно, задержался у почтового ящика. Увидев три конверта, я удивился: мне редко приходили письма. На одном из них была пометка «Авиапочта», в углу наклеена марка с самолетом. Интересно, кто мог послать мне такое письмо?

Но оно было адресовано не мне, а Люку Робертсону, проживающему в моем доме. Судя по штемпелю, письмо это отправили из Сан-Диего.

Второе письмо предназначалось мне: я узнал почерк своего старшего сына. Третий конверт — без марки — был не запечатан. Я сразу же заглянул в него. Ко мне обращался пастор из Хендерсона: он просил заняться обустройством церковного двора. Из этого письма я понял, что прихожане церкви — они видели, как мы работали в городе, — хотят, чтобы около их храма тоже росли цветы.

Я вошел в дом и отдал Люку письмо из Сан-Диего. Он читал его, пока я просматривал послание сына. Было слишком

жарко, чтобы заниматься готовкой, поэтому я не долго думая соорудил два огромных сэндвича с ветчиной. Когда мы садились за стол, Люк протянул мне письмо и попросил его прочесть. Вот что там говорилось:

«Дорогой Люк!

Вчера я получила телеграмму Вики.

Прочитав ее, я заплакала. Моя дочка — ей пять лет — испуганно спросила: „Мамочка, что случилось?“ „Люк жив“, — ответила я. „Но это же хорошо, правда, мамочка?“ И тогда я засмеялась, хотя в глазах у меня стояли слезы.

Я должна рассказать тебе кое-что, Люк. Знаешь, когда моя девочка только училась говорить, мы с ней перед сном часто молились вместе. Тогда мы жили одни: мой муж Сет воевал на Тихом океане. Но мы не уставали благодарить Бога за все, что Он нам дал, и неустанно молились за Сета. Однако последними словами нашей молитвы всегда были „Господи, помоги Люку“. Да, я рассказала своей доченьке о тебе, о том, что ты ушел, а мы не знали куда; объяснила, что мы желаем только одного — чтобы Бог не оставил тебя. И она произносила эти слова, хотя и не понимала еще их значения.

Да, читая телеграмму, я плакала, но я объяснила малышке, что это слезы радости. Она уже знает, что это такое, ведь когда Сет вернулся с войны, мы чуть глаза не выплакали, хотя с ума сходили от радости.

Но прошло несколько часов, и мной завладело другое чувство. Я была зла на тебя, Люк, ярость росла в моей душе, и я стала ругать тебя, да еще такими словами, что даже услышь ты их — не поверил бы собственным ушам. Я думала о том, что ты сделал, — и мне казалось, что я тебя ненавижу.

Мне так не хватало тебя в те трагические дни. Мне хотелось, чтобы ты обнял меня, взял на руки — помнишь, как

мы перелетали через пруд? Я нуждалась в утешении. Да, я знаю: глядя на меня, ты вспоминал о Марти — ведь мы были неразлучны. Со мной происходило то же самое. Я видела тебя и вспоминала ее, и это было очень больно. Но мне удалось преодолеть эту боль. Страшнее было то, что ты уехал, даже не попрощавшись, и так и не прислал нам весточки о себе.

Ты был мне как брат, но ты оставил меня, и чем больше я думала об этом, тем больше на тебя злилась. Гнев овладел мной. Меня стали раздражать Бекки, Джимми и Сет. Ярость пожирала меня.

Но потом я мысленно перенеслась в прошлое. Я вспомнила о том, как вы с Марти любили друг друга, и мне стало ясно, что я не вправе осуждать тебя. Мне никогда не понять, как сильно ты страдал. Осознав это, я сказала вслух, громко: „Я прощаю тебя, Люк“. И как только я произнесла эти слова, в мое сердце хлынула неопишуемая радость, и она вытеснила ненависть и злобу. И тогда я заплакала от счастья.

Люк, я действительно прощаю тебя и обещаю, что по-прежнему буду молиться о тебе. Не знаю, когда мы увидимся, но ты останешься и в моих мыслях, и в моих молитвах.

Хочу рассказать тебе еще кое о чем. Когда у меня родилась девочка, я собиралась назвать ее Марти. Но потом я решила, что это будет неправильно: Марти навсегда останется для меня единственной.

Я люблю тебя, Люк.

Ри».

Я сложил письмо и отдал его Люку.

— Из Марти тоже вышла бы хорошая мать, — сказал он. — В этом году ей должно было исполниться двадцать три, и у меня мог бы подрастать племянник или племянница.

Мы принялись за сэндвичи.

— Знаешь, Люк, — заговорил я, — меня зовет в гости сын. Просит приехать в следующее воскресенье. И еще я получил заказ на обустройство церковного дворика в Хендерсоне. Если ты мне поможешь, мы закончим работу дней за пять, и в субботу утром поедем в Лонгвью, на станцию. Я сяду на поезд, идущий в Даллас, ты тоже сможешь продолжить свой путь. Как тебе мой план?

— Годится, — кивнул Люк.

И мне стало ясно, что он еще не закончил свою историю.

В субботу мы отдыхали: было слишком жарко, чтобы выходить на улицу, и поэтому мы сидели на крыльце и наслаждались легким ветерком.

В воскресенье температура снизилась до девяноста с чем-то градусов. В тот день я работал в саду, но каждые полчаса из-за страшного пекла приходилось делать перерыв. И вот как только я в очередной раз присел на крыльцо отдохнуть, женский голос произнес:

— Есть кто дома?

Люк распахнул дверь:

— Рад тебя видеть, Вики.

— Можно войти? Я вам кое-что принесла.

Дверь скрипнула.

— Это шоколадный торт для тебя и Расса.

Повисла короткая пауза, затем раздался звук шагов.

— Мы можем поговорить? — прозвучал голос Вики.

Было слышно, как они отодвинули стулья и сели.

— Я рада, что ты еще не уехал.

— Я задержусь здесь до воскресенья. Надо помочь старику. А потом мы оба уедем: он — к сыну в Даллас, а я — в Сиэтл.

— И где сейчас Расс?

— В саду.

— Понятно.

Вики с минуту помолчала, а затем вновь заговорила:

— Я пришла сюда из-за письма Ри; по ее словам, она испытала радость и облегчение после того, как простила тебя. Видишь ли, Люк, встреча с тобой выбила меня из колеи, в голове сумбур — наверное, твой поступок все еще вызывает у меня негодование. Сегодня утром, в церкви, я решила последовать примеру Ри и простить тебя. А сейчас я хочу извиниться за то, что была груба с тобой во время нашего последнего разговора.

— Это неважно, — перебил ее Люк. — Ты не сказала ничего такого, чего бы я не заслужил. Тебе не за что извиняться.

— И все-таки я прошу простить меня, — Вики немного возвысила голос.

— Вот ведь ерунда какая. Ну хорошо-хорошо: я тебя прощаю.

— Мне очень жаль, что ты уезжаешь.

— Никогда бы не подумал, что ты это скажешь.

— Мне бы хотелось поговорить с тобой, узнать, что ты делал все эти годы.

— Неужели? Так вот, слушай: я помогал создавать атомную бомбу. Да, ту самую, которую сбросили на головы женщин и детишек. Я работал на заводе, производящем плутоний для той бомбы, что стерла с лица земли Нагасаки. Вряд ли ты это хотела услышать. Лучше тебе не знать, где я был и с кем. Ты славная женщина, и если бы ты приносила торты хорошим, нормальным мужчинам, а не бродягам, то наверняка давно бы уже была замужем.

Пауза. Любопытство победило деликатность — я изогнулся и заглянул внутрь. Вики стояла перед Люком, держа торт в руках.

— Что ж, договорились, Люк, — слова падали, точно градины из огромной темной тучи, — я найду себе хорошего мужчину. Но этот торт я испекла для тебя, тебе он и достанется!

И она зафитилила Люку тортом в лицо! Белые меренги и темно-коричневая начинка перемешались. Они прекрасно смотрелись на его черных волосах и бороде!

Сделав это, Вики шагнула к выходу. Но спустя мгновение она резко повернулась, подошла к Люку, приблизила свое лицо к его уху и закричала:

— Ты не виноват в ее смерти, так что перестань себя терзать!

Она выбежала из дома, села в машину и укатила.

Только через полчаса Люку удалось избавиться от крема и теста, застрявшего в волосах.

— Странная женщина. Такой вкусный торт! Ну зачем было его портить? — вот и все, что он смог из себя выдавить.

Люк

Эти бомбы чуть не свели меня с ума, Расс. Я чувствовал себя ужасно, и мне хотелось побыть одному. Помню, как праздновали победу: люди на улицах радовались, что война наконец-то закончилась. Все говорили, что мы одолели врага только благодаря бомбам. Но я не мог выбросить из головы одну картину: два огромных шара, ярких, как солнце, нависают над незащитными людьми. Там были женщины, дети, старики. Не солдаты. Только в Хиросиме умерло семьдесят восемь тысяч человек. А я работал семь дней в неделю, чтобы это стало возможным.

Война и дамба делали мою жизнь осмысленной. А теперь у меня ничего не осталось. Я презирал и ненавидел тех, кто создал эту бомбу, и тех, кто ее сбросил.

С Хэнфордом было покончено. Я даже не потрудился взять причитающиеся мне деньги: направился прямо в Кенневик, перешел через реку, оказался в Паско, а затем добрался до линии Нозерн — Пасифик. Там я узнал, какие поезда идут на восток, дождался наступления темноты и залез в товарный вагон. Я решил уехать в Спокан. Там меня никто не знал.

В Спокане я разыскал дешевую гостиницу — номера сдавали на неделю — и заплатил за полгода вперед. У меня были

кое-какие сбережения, и я надеялся, что на эти деньги смогу жить там довольно долго.

Почти восемнадцать месяцев я бесцельно бродил по улицам города. Первое время мне нравилось околачиваться на вокзале. На платформах было много скамеек, и иногда я сидел там часами, наблюдая за прибытием пассажирских поездов. На них возвращались с войны солдаты и моряки.

Их жены, дети, родители, братья и сестры приходили встречать поезд. Мужчины сходили вниз. Все они были одеты в военную форму, и их близкие бросались им навстречу и заключали в объятия, которые, казалось, могли длиться вечно. Многие плакали.

Иногда мне очень хотелось заговорить с кем-нибудь из вернувшихся мужчин. Я бы сказал: «Солдат, ты воевал с Германией. Ты победил Гитлера и освободил Европу. Ты молодец, парень!

А ты, моряк, сражался с флотом Японии далеко от дома. Вы наносили по врагу мощные удары и уничтожили его корабли. Ты победил, моряк!

А ты, пехотинец, захватил острова, больше похожие на ад: в их пещерах и расщелинах сидели доведенные до отчаяния люди, которые никогда не сдаются. Ты герой, пехотинец!

Вы бились не на жизнь, а на смерть. Это война, и вы убивали других солдат и моряков. Но не женщин и не детей. Вы уничтожали танки, самолеты и корабли. Но не города».

Три месяца я ходил на вокзал и садился на одну и ту же скамейку. Но как-то утром полицейский ткнул в мое плечо дубинкой и сказал: «Нечего здесь отираться. Давай проваливай».

Я удивился: почему он подошел именно ко мне, ведь на других скамейках тоже сидели люди? Потом притронулся к своему лицу и понял, что зарос недельной щетиной.

Чем я занимался следующие пятнадцать месяцев? Да ничем. Сидел у себя в комнате, слонялся по улицам. Ел, пил, спал. Зимой ждал весны, летом — осени.

Весной прошлого года я решил перебраться в Сиэтл. Сам не знаю, на что я надеялся, что хотел там отыскать. Так или иначе, но я поехал на запад, пересаживаясь из одного товарняка в другой. В Сиэтле, около верфи, мне посчастливилось набрести на ночлежку. Мне была нужна женщина. И я находил их, правда, за плату. Что ж, я получал что хотел, и мне незачем было с ними разговаривать, раз уж они брали деньги.

Но однажды ночью мне припомнилось, как мы с мамой и сестрой сидели за ужином и говорили о «леди в пижамах» из Килгора. Я сказал сестре, что эти женщины разрешают незнакомым мужчинам целовать и трогать себя за деньги, и тогда мама рассердилась на меня за то, что я говорю об этом с малышкой. Что бы сказала мама, если бы знала, чем я сейчас занимаюсь? И что бы подумала Марти?

Мне было незачем жить, и я не раз спрашивал себя, как долго может протянуть несчастный, существование которого не имеет смысла. Нет, мне и в голову не приходила мысль о самоубийстве. Это не для меня. Я не желал смерти. Я вообще ничего не желал. А если человеку ничего не хочется, что его держит на земле?

И я решил поговорить об этом с сестрой. Она уже взрослая. Ей двадцать три года. Мне было почти столько же, когда я видел ее последний раз. Она уже знает, что такое добро и зло, что правильно, а что нет. Может, она подскажет мне, что делать. Навещу-ка я ее могилу, и останусь там, пока не пойму, как жить дальше.

Странная мысль, согласен, но все-таки она способна привязать к жизни человека, который ни к чему не стремится.

А еще в ту ночь я вспомнил о лососе. Лосось возвращается домой, чтобы умереть. Об этом мне рассказал Боб Коулман. А ведь этот парень не дурак. Он говорил, что может видеть вечность.

Я уснул, довольный тем, что мне удалось принять правильное решение.

Денег у меня почти не осталось, но в товарных вагонах по-прежнему можно было ездить бесплатно. В солнечное июньское утро я поспешил на станцию Юнион — Пасифик, а днем уже мчался на юг. Ночью, в Портленде, мне опять пришлось выбирать: двигаться вперед или пересесть на линию Сазерн — Пасифик и повторить путь, который я проделал десять лет назад. Я предпочел первый вариант, так как был сыт по горло Калифорнией и ее жителями, ненавидящими южан.

Через пару дней я оказался в Солт-Лейк-Сити. Я с трудом успел на поезд из Рио-Гранде, идущий в Денвер.

Прошло два дня. Я лежал в конце вагона, закрыв глаза. Под голову я подложил вещевой мешок. Вдруг перестук колес усилился. Казалось, эти звуки повторяет эхо. Я открыл глаза. Было темно. Туннель. Мне уже много раз приходилось проезжать через них.

Спустя мгновение стало нечем дышать: меня окутал дым. Я закашлялся, надеясь, что туннель скоро закончится. И вдруг вспомнил!

Как-то в Орегоне, лет десять назад, сидя у костра в обществе бродяг, я разговорился с одним пожилым мужчиной. Его виски были тронуты сединой; он скитался по стране очень давно. Так вот, он упомянул о том, что если кто собирается на восток, то лучше ехать на поездах линии Юнион — Пасифик через Вайоминг. Ни в коем случае не следует

пересекать горы на поезде из Рио-Гранде. А если уж другого выхода нет, то надо выбирать товарняки, идущие через Теннесси, а не через туннель Моффат. Это может плохо кончиться. Вот что сказал тот бродяга. Помнится, кто-то еще спросил — почему, а он ответил: все дело в туннеле — его длина составляет шесть с половиной миль.

Я залез в мешок и вытащил оттуда футболку, чтобы закрыть нос и рот. Через несколько минут она вся покрылась копотью. Я кашлял не переставая, мои легкие горели. Потом я дополз до другого конца вагона и прижался лицом к стенке, но опять вдохнул дым и чуть не задохнулся.

Еще несколько минут прошло в совершенной темноте. Обжигающий дым и копоть забивались в нос, рот, легкие. Мне было страшно. Я злился на себя: мне совсем не улыбалось подохнуть в товарном вагоне.

Я боялся потерять сознание, и чтобы этого не произошло, с силой ударял кулаками по стенкам вагона — у меня даже руки начали кровоточить.

Я уже был готов сдаться, и тут через щель в двери увидел стену туннеля. Я подполз к двери, выглянул и, несмотря на то что глаза у меня слезились от копоти, заметил проблеск яркого света. Спустя мгновение серую стену туннеля сменил темно-зеленый цвет поросших лесами гор, и я стал всей грудью жадно вдыхать хвойный воздух, который, как бальзам, успокаивал измученные легкие.

Два дня я провел в Денвере, оправляясь после ужасного путешествия. Но то, что я выжил, только утвердило меня в решении: я выбрал верный путь.

До Лонгвью я добирался еще десять дней. После Денвера мне пришлось сделать несколько пересадок. Приехав в Лонгвью, я переночевал в вагоне, стоявшем на запасном пути, а потом двинулся на юг пешком. На закате я пришел на кладбище, подошел к могиле сестры, сел около нее и, глядя в су-

мерках на надгробие, подумал: кто, кроме меня, знает о том, что произошло? Жива ли Ри? А Рэйчел? И тогда я понял: мне нужно сделать кое-что еще, а именно — рассказать свою историю.

И в этот момент я услышал, как ты произнес: «Добрый вечер».

Теперь ты понимаешь, почему я так много болтал все это время, Расс. Неизвестно, что было бы со мной, останься я в Сиэтле. Но теперь ты все знаешь. О Марти буду помнить не я один. Значит, мне можно уезжать со спокойной душой.

Пасс

В субботу я сложил вещи в сумку, и мы поехали на вокзал в Лонгвью. На парковке я достал бумажник и протянул Люку семьдесят долларов.

— Вот деньги, которые ты заработал, — пояснил я. — Когда приедешь на место, напиши мне, и я вышлю тебе остальные.

Люк взял деньги и кивнул.

— Этого тебе хватит на билет. Ты ведь не поедешь в товарном вагоне, правда?

— В Сиэтле мне будут нужны деньги, так что лучше сэкономить.

— Хочешь опять прокатиться по туннелю Моффат?

Люк улыбнулся.

— Да нет. Поеду на север из Денвера до Шайенна, а потом на запад до Солт-Лейк-Сити.

Я отдал ему ключи от грузовичка.

— Можешь им воспользоваться. Только не забудь поставить его на место. А ключи положишь в бардачок. У меня есть запасные.

Он взял ключи, а потом сказал:

— А ведь ты не ответил на мой вопрос, преподобный.

— Что ж, не один ты такой. У людей то и дело возникают ко мне вопросы.

Мы немного посидели в машине, но я не знал, что еще сказать, и потому пошел на станцию за билетом. Прибывший поезд издал резкий свист.

Люк подхватил мою сумку и подошел к вагону. Мы пожали друг другу руки. Он поблагодарил меня за приют и работу. Я пожелал ему удачи, добавив, что буду с нетерпением ждать письма.

Я сел на свое место у окна и помахал Люку. Он вскинул руку в ответ.

Прошло минут десять, и мне вдруг стало очень грустно оттого, что я никогда больше не увижу этого человека. Мы познакомились всего три с половиной недели назад, но я знал его лучше, чем своих сыновей. Я представил, как он залезает в товарный вагон и покидает город, в котором вырос. Это было так печально. А поезд между тем все катил и катил на запад.

В Далласе я провел целый месяц: две недели гостил у старшего сына, и по неделе — у младшего и у дочери. Мне было приятно повидаться с ними, понянчить внуков. Но я часто размышлял над тем, что сказал мне Люк. Где же он сейчас? В Денвере? В Шайенне? В Солт-Лейк-Сити? Портленде? Не голодает ли он?

В конце концов я почувствовал: пора возвращаться. Мне хотелось сходить на кладбище Плезант-Хилл и посетить могилы Вильмы, Эвис, Дарлы, Энни, Нила и Марти. Раньше имена этих людей ничего для меня не значили, но теперь благодаря Люку я знал историю их жизни.

Поезд примчал меня в Лонгвью часа в четыре пополудни. На дворе стоял сентябрь. Мой грузовичок был припаркован у вокзала. Я забросил сумку на заднее сиденье, уселся за руль и завел мотор. Он тихонько заурчал.

У меня даже рот приоткрылся. Мой мотор таких звуков отродясь не издавал. Обычно он сопел, чихал, стучал и дребезжал.

Я вышел из грузовичка и оглядел его. По-другому быть не могло: это моя машина, каждая царапина, каждая вмятина мне знакома. Вот только мотор довольно урчал, словно приглашая побыстрее сесть за руль.

Так я и сделал. Затем выжал сцепление — никакого лязга. Смена передач тоже прошла беззвучно. Тогда я перевел рычаг на третью скорость, но надоевшего рева не было. Только мерное урчание.

Добравшись до дома, я первым делом поднял капот. Мотор выглядел как новенький. Я полез в бардачок, надеясь обнаружить там записку, но ничего не нашел.

Я вошел в дом, огляделся. Что-то было не так. Я осмотрел кухню и гостиную. Если долго живешь в доме, успеваешь его досконально изучить. Я не мог с уверенностью сказать, что именно изменилось, но готов был поклясться — многие вещи лежали не там, где я их оставил.

После долгой утомительной дороги я решил вздремнуть на диване, но тут кто-то хлопнул дверцей автомобиля. Я вскочил на ноги и выглянул в окно. На дорожке, ведущей к дому, стоял мужчина, видимо, он только что приехал на попутке. Незнакомец направился прямо ко мне. Мои глаза удивленно расширились. Я тут же вспомнил фотографию, на которой чисто выбритый парень стоял вместе с девочкой у биплана.

Люк, широко улыбаясь, поднялся на крыльцо.

— Привет, Расс.

Бороду он сбрил, а волосы подстриг и причесал. На его рубашке и брюках было много пятен, в том числе и масляных, но то была одежда рабочего человека, а не бездомного скитальца. Его глаза сияли.

— Так ты не уехал? — спросил я после долгой паузы, во время которой жадно его разглядывал.

— Расс, ты выслушивал мои рассказы три с половиной недели. Сожалею, но тебе придется еще немного меня потерпеть. В общем, с тех пор как ты уехал, я жил в твоём доме. Я не мог спросить на это твоего позволения, но мне показалось, что ты бы не стал возражать.

Я поменял тормозные колодки в твоём грузовичке. Мне надоело слушать, как этот кусок железа лязгает и дребезжит. А ещё я нанялся на работу в гараж Дьюи. Помнишь того механика, с которым я работал, когда был мальчишкой? Теперь мастерская принадлежит ему.

Позволь мне сегодня угостить тебя ужином, Расс. Будь моим гостем. Поедим молча, как тебе нравится. Но потом я должен рассказать тебе о том, что со мной приключилось после твоего отъезда. Честно говоря, я с трудом представлял, как мне это сделать. Целых три недели я пытался подобрать нужные слова, и сейчас мне кажется, что я их и впрямь нашёл.

Люк

После того как твой поезд тронулся, я довольно долго сидел в грузовичке. Как ты помнишь, я хотел пойти на станцию и дожидаться там какого-нибудь состава, который вынужден будет сделать остановку для смены машиниста. Иными словами, еще три недели назад я мог попасть в Ситл, мог избавиться от этого пекла, мог вернуться туда, где дует свежий океанский ветер.

И тут я внезапно вспомнил, как мы с тобой познакомились... В голове у меня зазвучали твои слова: «На памятнике написано, что ее звали Марти».

А ведь Вики тоже говорила об этом памятнике, подумал я и после недолгого размышления решил, что мне необходимо на него взглянуть. Вряд ли это займет больше часа, потом я вернусь на станцию и сяду в поезд.

Проехав по Килгору, я направился в Нью-Лондон, припарковался у аптеки, перешел через улицу и остановился у гранитной доски. Мне не составило труда отыскать ее имя среди имен других семиклассников. Там же были выгравированы имена Эвис, Дарлы, Энни, Нила и Тима Халли.

Что ж, с меня хватит. Я вернулся к машине и покатил к своему бывшему дому; я ехал по старой, хорошо знакомой мне дороге, а не по сорок второму шоссе.

Дома на нашей улице показались мне совсем низенькими. Но потом я сообразил — просто за то время, что я отсутствовал в городе, выросли деревья. Замедлив ход, я загляделся на домик, у крыльца которого стояли качели. Когда-то я соорудил их собственными руками. На них сидели мальчик и девочка — они долго провожали взглядом мою машину. Затем я дважды свернул налево и оказался у другого знакомого места. Интересно, Том и Рэйчел все еще здесь живут?

Потом я свернул направо (хотел увидеть еще один дом) — и тут до меня долетели звуки, от которых у меня мороз пошел по коже. Кто-то играл на пианино. Мелодия была такой чистой, волнующей... Исполнитель явно знал свое дело.

Мне необходимо было узнать, что все это значит, и я направился туда, где мог получить объяснение.

У двери дома высился флагшток, на котором развевался красно-синий флаг с белыми полосами. Все как обычно. Заглянув в окно, я увидел, что посетителей нет и парикмахер сидит в кресле, читая газету. Его волосы поредели и поседелели, округлое прежде лицо заострилось и стало печальным.

Я открыл дверь, и он удивленно воззрился на меня.

— Люк!

— Привет, Эл.

— Вот так чудеса! — Он встал со своего места, и мы пожали друг другу руки. — Я слышал о том, что ты приехал, и надеялся, что ты нас навестишь. Как я рад тебя видеть!

— Да, здорово, что мы встретились. А где же Пит?

— Он сегодня ушел пораньше. В субботу днем к нам редко кто заглядывает, все предпочитают стричься утром, — ответил Эл, а потом добавил: — Могу поспорить: ты тоже хочешь подстричься и побриться. Садись в кресло.

— Извини, Эл, у меня мало денег, а те, что есть, мне еще понадобятся: я возвращаюсь на север.

Однако Эл по-прежнему указывал мне на кресло.

— Я не возьму с тебя денег, дружище, в память о старых добрых временах. Пусть это будет моим подарком к твоему возвращению. Садись.

— Нет, Эл, мне пора идти. Я просто хотел спросить тебя кое о чем.

— Спрашивай.

— Несколько минут назад я проезжал мимо твоего дома и услышал, как кто-то играет на пианино.

Эл кивнул.

— Да, такое частенько бывает.

— Кажется, там играл кто-то... очень талантливый.

Парикмахер улыбнулся.

— Думаю, это был Энди Рид. Как правило, по субботам приходит он. Энди замечательно играет.

Наверное, выражение моего лица изменилось, так как Эл сказал:

— Расскажу-ка я тебе, что тут было, Люк. А то ты ведь ничего не знаешь. Прошу тебя, сядь на место Пита, не уходи так быстро!

Мы присели.

— Наверняка ты удивляешься тому, что пианино все еще здесь, — начал Эл. — Тебе это кажется странным, верно?

То же самое думали и мы с Дорис. Конечно, поначалу мы и представить себе не могли, что нам захочется вынести пианино из дома, но спустя полгода... Знаешь, мы не трогали их вещи и одежду, не меняли обстановку в комнатах. Если бы они вернулись — нашли бы все там, где оставили. Мы никак не могли смириться с мыслью, что этого никогда не случится... То есть мы, конечно, понимали, что девочки по-

гибли, но где-то глубоко в сердце продолжали надеяться на их возвращение.

Ну так вот. Через полгода все изменилось. Нам стало совсем плохо. Мы выходили со двора, шли по городу, и каждый раз сердце разрывалось на части. Мне казалось, что кто-то колет меня ножом прямо в грудь. Дом, улицы — все говорило об одном и том же. И тогда мы решили уехать. Я часто вспоминал о тебе в те дни. Я-то понимал, почему ты так поступил. Мы молились за тебя, надеялись, что ты жив. — Он замолчал, глядя в окно. — Брат Дорис (он живет в Далласе) нашел парикмахерскую, в которой требовался мастер. Нам казалось, что Даллас находится достаточно далеко от Нью-Лондона и в то же время достаточно близко — мы сможем приезжать сюда и ухаживать за могилками. Но мы никому не рассказывали о нашем решении до тех пор, пока не выставили дом на продажу. Соседи узнали обо всем только тогда, когда агент по недвижимости повесил объявление.

Вечером того же дня, после ужина, к нам постучали. Я открыл дверь и увидел, что на крыльце стоит человек пятнадцатый. В основном это были прихожане нашей церкви. Бен Халли сказал: «Позови Дорис».

Когда она вышла, Бен продолжил: «Мы не хотим, чтобы вы уезжали». Многие заплакали, и Дорис тоже.

Я объяснил, что мы просто не в состоянии здесь жить. Он кивнул. А потом заявил, что пианино было куплено на деньги, которые собирали все жители нашего городка, — значит, оно принадлежит им, а не нам с Дорис.

«Это так, — согласился я. — Мы с женой хотели передать его школе».

Казалось, Бен заранее подготовился к такому ответу. Он покачал головой: «Нет, мы купили его для того, чтобы оно стояло в этом доме, а не в школе. Помнишь, Эл, ты обещал, что вы с Дорис будете заботиться о нем?»

И тогда я потерял терпение. Я выругался и закричал, как сумасшедший: «Все равно играть на нем некому! Пошли вон отсюда!» Но никто не тронулся с места.

Тут из толпы выступила Дороти Гэддис — она была первой учительницей музыки наших девочек. Дороти встала около двери, а Бен отступил назад. К учительнице музыки подошли две женщины. Из слов Дороти я понял, что это ее коллеги.

«Вы обладаете самым лучшим инструментом в городе, — сказала Дороти. — Позвольте нам приходить в ваш дом и давать здесь уроки музыки». Женщины согласно закивали.

«Нет. Мы уезжаем, это решено», — отрезал я.

Бен снова подошел ко мне и сказал: «Эл, Дорис! Нашему городу не хватает музыки! Она должна, как и прежде, звучать в вашем доме. Пожалуйста, оставайтесь! И разрешите детям и их учителям приходить сюда и исполнять прекрасные мелодии — прошу вас, пусть все идет старым порядком».

Нам было трудно решиться. Мы с Дорис обнялись и заплакали. Через несколько минут люди спустились с крыльца и вышли со двора. Объявление о продаже дома кто-то унес с собой.

На следующее утро к нам в дверь постучала Дороти Гэддис. Она привела маленькую девочку лет восьми. «У нас урок», — объявила Дороти. Моя жена собиралась отказать ей, но посмотрела в глаза малышки и — согласилась. Правда, потом она говорила, что едва девчушка прикоснулась к клавише, ей сразу же захотелось выбежать из дома. Но вместо этого Дорис заперлась в спальне и прорыдала там весь урок.

В тот день Гэддис привела еще двух детей. А на следующий пришла другая учительница: у нее в расписании значилось три урока. Дорис было нелегко, но она не могла попросить их больше не приходить.

Короче говоря, мы так и не уехали: решили остаться там, где живут наши друзья. Они похоронят нас рядом с девочками. Каждый день у нас в доме звучит музыка; Дорис печет всякие вкусности и после уроков угощает ими малышей. Дети нас любят, приглашают на концерты. У нас даже есть особые места, в первом ряду. Нам никогда не забыть о нашем горе, но его легче переносить, если тебя кто-то любит.

Знаешь, Люк, многие из этих малышей стали очень неплохими пианистами. Сегодня ты слышал, как играет один из них, Энди Рид. Он начал заниматься девять лет назад. Недавно ему исполнилось шестнадцать, и он уже принимает участие в конкурсах.

Я поднялся с кресла и подошел к Элу.

— Когда я услышал его игру, мне сразу стало ясно: это хороший, талантливый пианист, но...

— Что? — встревожился Эл.

Я уставился на полку, висевшую на стене как раз за спинкой его кресла, на фотографии, стоявшие на ней.

— У одаренных людей есть своя манера игры — ее ни с чем не спутаешь.

Эл привстал с кресла и, широко раскрыв глаза, посмотрел на меня.

— Я хочу сказать, что этот парнишка знает, как нажимать на клавиши, но...

— Но что? — Его голос звучал пронзительно, нервно.

Мне хотелось замолчать, но слова сами собой вылетали изо рта:

— Но второй Эвис уже никогда не будет.

Эл застонал, закрыв лицо руками. Сгорбившись, он опустился в кресло, стоящее у окна, и зарыдал. Его плечи дрожали.

— О Господи, прости меня, я не хотел... — Я с сожалением взглянул на него.

Он покачал головой, по-прежнему закрыв лицо руками и тихо всхлипывая.

— Прости меня, Эл.

Я шагнул к двери и взялся за ручку. Идиот! Зачем только я обидел такого хорошего человека? Все, мне пора отправляться на станцию, садиться в товарняк и уезжать отсюда.

Внезапно Эл вскочил со своего места и вцепился в мое плечо.

— Нет, нет, нет. Ты не понимаешь. Ты не понимаешь. Мне нужно было услышать эти слова, моя душа жаждала этого. Никогда в жизни мне не приходилось слышать таких прекрасных слов. Знаешь, Люк, люди стараются не вспоминать о моих девочках. Но ты... ты помнишь. Спасибо тебе за эти замечательные слова.

Выражение его лица изменилось. Он еще крепче сжал мое плечо.

— Люк, пойдём ко мне домой. Прямо сейчас! Я хочу, чтобы ты повторил эти слова моей жене. Пойдем же!

Он взял меня за руку и потащил на улицу.

— Садись за руль. Так быстрее.

Через минуту мы уже стояли на пороге его дома.

— Дорис! — завопил Эл. — Дорис!

Он открыл дверь и втолкнул меня внутрь. Мальчик, игравший на пианино, сбился с ритма и в замешательстве уставился на нас. Дорис выскочила из кухни. Ее глаза расширились от страха.

— Что случилось?

— Милая, это Люк! Люк вернулся! Ну а теперь скажи ей. Давай!

— Никогда на свете не будет второй Эвис, — произнес я, глядя прямо в глаза Дорис.

Женщина слегка приоткрыла рот, а потом подбежала ко мне и обвила шею руками. От ее слез моя щека стала мокрой.

— Да. Никогда не будет никого, похожего на Эвис, — повторил Эл. — И второй Дарлы не будет, и Энни. И никогда на свет не появится девочка, точь-в-точь такая же, как Марти.

Когда он произнес ее имя, меня словно кто-то схватил прямо за сердце и изо всех сил сжал его. На секунду мне показалось, что я не могу дышать.

Мне хотелось побыть одному. Подумать. Я подошел к Дорис и сказал:

— Мне пора идти. Но я вернусь. — Потом направился к двери и распахнул ее.

— Люк, эти слова подсказал тебе Бог. Приходи к нам быстрее, — попросил Эл.

Я спустился с крыльца и зашагал по покрытой масляными пятнами дороге; я шел до тех пор, пока не добрался до железнодорожной ветки, ведущей из Овертона в Хендерсон. По шпалам я двинулся на восток.

Мне легче думать во время ходьбы. Вот я и решил прогуляться до Хендерсона.

Шагая по шпалам, я вспомнил, как ходил в Овертон маленьким мальчиком. По-моему, я впервые проделал этот длинный путь лет в шесть. Мне нравилось балансировать на рельсах, раскинув руки.

Да, это было в 1919 году. Мне исполнилось шесть лет. Славное это было времечко. Лесопилка работала с утра до вечера. У фермеров водились деньги. Папа приходил домой довольный и счастливый, хотя порой и ворчал, что дел не впроворот.

Через год все переменялось. Дела у фермеров пошли хуже, и это отразилось на всех нас. Папин бизнес тоже пострадал, да и сам он изменился, причем не в лучшую сторону.

Я вспомнил, как они с мамой ссорились по ночам. «Ты пьян!» — говорила она ему, но я тогда еще не понимал, что значат эти слова.

И вот через пятнадцать лет мне довелось самому попробовать алкоголь. Пьянчужка Кэрол Типитт.

Я задумался о ней. Интересно, как сложилась ее жизнь. Мне захотелось взглянуть на эту женщину. Может, она согласится поехать со мной в Сиэтл. Будем напиваться каждый вечер.

«Ты пьян». Так моя мама сказала отцу, а потом эти слова повторила сестра — они были обращены ко мне. Я ничем не лучше своего отца.

В Хендерсон я пришел на закате и тут же повернул обратно. Ясности в моих мыслях по-прежнему не было. Я снова и снова перебирал в памяти события моей жизни, надеясь, что туман в моем мозгу рассеется. Потом у меня в голове зазвучали мелодии. Это были псалмы, которые пел ты, Расс. И еще слова. Они прекрасно ложились на музыку. Мне хотелось, чтобы музыка стихла, но она звучала все громче и громче.

Я подумал о Вики. Она была так непохожа на Кэрол, на других девиц. Очень милая. Красивая. И до сих пор не замужем. Она говорила, что ей делали предложения. Так почему же она осталась одна?

Вики помогала мне: приносила еду, сидела рядом на похоронах. И как я ее отблагодарил? Написал прощальное письмо — и больше ничего. Ни единого слова. Но когда я вернулся, она меня нашла. Зачем? Зачем ей нужно было видеть меня, ведь я шлялся невесть где целых десять лет. Но она пришла и даже испекла торт. Возможно, Вики просто глупее, чем мне всегда казалось.

Да, зря я с ней так обошелся во время нашей последней встречи. Но и ей не следовало швыряться этим тортом!

Потом я вспомнил о Ри Эрвин. Они с Марти были лучшими подругами, всегда рядом, как сестры. Их было двое, а осталась одна Ри. Теперь малышка выросла, стала женой, матерью. Я обидел ее, причинил ей боль, но она меня простила. Ри учила свою дочку молиться за меня.

Я никогда не забуду, как она стояла у развалин школы. У нее был огромный синяк. И больше никаких повреждений. Многих разорвало на кусочки, а у нее — всего лишь один жалкий синяк. Почему так вышло, Ри? Почему?

Я шагал через лес по шпалам. Но пока ни до чего так и не додумался. До Нью-Лондона я добрался только ночью, но не задержался там. Мне нельзя было останавливаться. В голове у меня все еще звучали псалмы. Сквозь музыку прорывались голоса из прошлого. «Почему ты не помнишь, что было надето на Марти?» — звенел голос Рэйчел.

Я вспоминал годы, проведенные в пустыне: пыль, сухой воздух... Мне казалось, я не заслуживаю лучшей жизни. Я думал, что мое место — там. Возможно, я туда вскоре вернусь. Кто знает, вдруг на Колумбии будут строить еще одну дамбу.

Интересно, работает ли там Боб Коулман? Хороший парень этот Боб: он так беспокоился о реке и живущем в ней лососе. Но слишком болтливый. «Ему до всего есть дело» — Боб говорил так, будто он лично знаком с Самим Господом.

Я шел по железной дороге, разговаривая вслух с теми, кого знал раньше.

До всего есть дело? Как же, Боб! Расскажи об этом Элу Фишеру. У него было три прелестных дочери.

Энни, подружка Марти. Обожала все самое модное, современное: песни, передачи. Она была такой живой, такой энергичной девочкой! Когда Энни садилась за пианино, казалось, что она может заставить его встать на дыбы.

Дарла была средней сестрой. С каким жаром она била по клавишам, наигрывая регтаймы! Она нравилась парнишке по имени Пол. Однажды он даже поцеловал ее. Но ему никогда не удастся сделать это еще раз. Потому что Пол тоже погиб при взрыве.

Эвис. Она выросла на моих глазах, превратившись из девочки в девушку. Ее изящные руки скользили по клавиатуре, рождая такую прекрасную музыку, что, слыша ее, я чуть не плакал.

Они великолепно играли на фортепиано, все три сестры. Но их разорвало на куски. И почему же Господь не вмешался? Так что не приставай ко мне со своей болтовней, мистер!

Но тебя, Эл, я тоже не понимаю. Почему инструмент все еще стоит в твоем доме? Почему ты позволяешь другим детям на нем играть? Тебе надо было разбить его молотком, а потом сжечь! Это же невыносимо — каждый день смотреть на него, Эл! Неужели тебе не больно? Не понимаю. Почему ты не уехал? Мне жаль, что я упомянул об Эвис и довел тебя до слез. Но как ты мог подумать, что эти слова подсказал мне Бог? Что это за Бог такой, раз Он все время заставляет страдать?

В ту ночь я говорил и с тобой, Расс.

Моя сестренка любила петь. И вы могли бы делать это вместе, старик. Ее сопрано вторило бы твоему баритону. Вышло бы здорово. Настоящий дуэт! Ты бы ей понравился, Расс. Марти обожала поговорить о том о сем, ей был нужен молчаливый слушатель. Жаль, что тебе никогда с ней не поз-

накомиться. Она не помнила отца: он умер, когда ей было всего два годика. Наверное, ей бы хотелось иметь такого де-душку, как ты.

Я очень любил свою сестру, Расс. Мне казалось, она это чувствовала. Но после смерти мамы мне пришлось одному поднимать ее; судья спросил: «Люк, ты будешь заботиться о Марти?» И я ответил: «Да». И сестра поняла, как сильно я к ней привязан; поняла, что я хочу жить вместе с ней. Но для этого судье пришлось задать мне этот вопрос. Сам я не мог рассказать ей о своей любви.

В лесу не было никого, кроме меня. Я дошел до Хендерсона и опять повернул назад.

Папа не хотел, чтобы ты появилась на свет, Марти. А я хотел, очень хотел. О, если бы мы могли сходить с тобой к нашему лесному домику! Давай же, возвращайся быстрее! Я мечтаю еще раз — хотя бы раз! — перелететь через пруд, сжимая тебя в объятиях.

Прости меня, сестренка! Я ходил в твою школу всего за два дня до взрыва. Я знал, что отопление неисправно и что это опасно. Мне надо было предупредить горожан. Возможно, администрация школы прислушалась бы к моим словам. Но я предпочел отправиться в кабак. Джуди принесла с собой бутылку, и мы осушили ее до дна. Когда я последний раз в жизни посмотрел на тебя, я был мертвецки пьян и поэтому даже не смог поцеловать тебя на прощание — до того, как твоя душа отправилась прямо на небо.

Я закричал, как сумасшедший, Расс. Я стоял среди деревьев и орал. Мне хотелось заглушить голоса и музыку, звучащие в моей голове. Но это было невозможно. Голоса

звучали хором, перебивали друг друга, в памяти всплывали какие-то слова, обрывки фраз: *Почему ты не помнишь, что было надето на Марти?.. Поднимусь, приду к Иисусу, Он меня обнимет... Я самая счастливая девочка на земле!.. Мне и сейчас так кажется... Глубоко в сердце спрятаны чувства, что лишь доброта воскресит... Ты не виноват в ее смерти, так что перестань терзать себя!.. Струны, замолкнувшие навсегда, вновь оживут... Ему до всего есть дело... Иисус спасет тебя, Он полон жалости, любви и силы... Люди стараются не вспоминать о моих девочках... А ты... ты помнишь... Никогда на свете не будет второй Эвис... Эти слова подсказал тебе Бог... Ты пьян... Милость Божья беспредельна, как безбрежный океан...*

Стоя в лесу, я кричал во все горло, Расс. Я провел там целую ночь; небо на востоке уже начало светлеть.

Потом... что-то произошло. Знаешь, все эти долгие три недели я пытался сообразить, как, какими словами рассказать тебе о том, что случилось.

Ты ведь помнишь — я познакомился с Бобом Коулманом на краю каньона. Наверняка ты не забыл и про тот разговор, что состоялся у нас с Бобом в воскресенье. Он еще спросил меня, верю ли я в то, что человек может остановить реку. А потом сказал, что сам он — стоит ему очутиться на берегу Колумбии и увидеть, какая в ней заключена сила, — начинает в этом сомневаться.

Ну так вот, Расс, у меня в душе тоже была дамба, я возвел ее из горя и отчаяния; она была ничуть не ниже и не уже той, что построили в Гранд-Кули. Перед ней расстилалась бесплодная земля, однако позади этой дамбы грозно бурлила река.

Тебе, Расс, удалось проделать в моей дамбе щелочку. Не знаю — как: ты ведь почти не говорил со мной и, наверное, половины из того, что я тебе рассказывал, не слышал. Но ты

накормил меня, разрешил переночевать в твоём доме и дал возможность подзаработать. И ещё мне очень помогло то, что ты так любишь петь.

Вода начала просачиваться сквозь это крохотное отверстие. Некоторое время дамба держалась, но после слов Эла Фишера щель стала больше.

Я стоял у дороги, громко крича, костеря весь мир последними словами. Потом я заорал: «Иисус Христос!» И вновь тихо повторил это имя.

Дамба обрушилась, и хлынул мощный поток. Он сокрушил бетон и, вздымая волны, покатился по долине. Этот звук напоминал мне раскаты грома. Белая от пены вода унесла куски бетона — все, до последней крошки. Это произошло в одну секунду. И глубокая, широкая река, подобная Колумбии, спокойно потекла по земле.

Я заплакал, подумав о сестре. Мне никогда прежде не случилось этого делать — за все десять лет, прошедшие после ее смерти, я не проронил ни одной слезинки. Как это было прекрасно — оплакать ее! Слезы градом лились из моих глаз. Так продолжалось два часа. Тем временем взошло солнце. Конечно, река не могла унести мое горе с собой, но оно стало ее частью, и я понял, что эта река будет вечно катить свои волны, не исчезнет она и после того, как я лягу в землю.

Я вернулся к дому Эла и Дорис. Они сидели за столом и завтракали. Эл сказал, что уже начал обо мне беспокоиться. Я постарался объяснить им, что последние десять лет мне казалось, будто я нахожусь в темном туннеле, и вот сегодня утром я внезапно увидел свет. По-моему, они поняли. Я попросил Эла заняться моими волосами и бородой — дело в том, что мне захотелось сходить в церковь. Он ответил, что хотя ему никогда раньше не доводилось работать по воскресеньям, для меня он сделает исключение. После завтрака мы пошли в парикмахерскую.

Затем я отправился к тебе, Расс, и надел твой коричневый костюм. Потом поехал в церковь. Эл и Дорис уже были там. Они пели в хоре. Я пришел как раз в ту минуту, когда раздались звуки первого псалма. Я посмотрел налево, на первые ряды, и увидел ее там, где она, по ее словам, всегда садилась. «Человек привычки». Я сел рядом.

Вики заметила меня — и уронила свой сборник на пол. Но тут же подняла его и открыла в нужном месте. Я помог ей держать книгу.

Знаешь, на какой странице, Расс? «Славу Иисусу поют небеса». Наверное, Вики была так поражена, что не могла петь. А я пел, пел этот замечательный псалом и жалел только о том, что у меня не такой голос, как у тебя.

Расс

Весна 1948 года выдалась холодной; в марте по-прежнему дули пронзительные северные ветра, словно напоминая, что зима еще вернется. Это было крайне неприятно. Но все-таки рано или поздно ей придется сдаться. Раз от раза солнце светит все ярче, а дни становятся все длиннее. На задний двор моего дома то и дело прилетают дрозды: надеются разыскать в земле что-нибудь съедобное. Первые васильки и ястребинки уже показали на обочинах дорог, а на платанах и вязах проклюнулись молодые листочки.

Что ж, с вашего позволения, я отложу ручку и возьмусь за мотыгу. Весной все копают землю и высаживают цветы; мне нравится чувствовать, как солнце согревает лицо и руки. Так что самое время заканчивать эту писанину и идти на улицу. Но сначала я расскажу вам кое-что еще.

Через две недели после возвращения из Далласа — дело было в начале октября, — я поехал на грузовичке в Овертон, хотел починить там тормоза. Люк по-прежнему трудился в автомастерской Дьюи; он предупредил, что утром у них

много работы, поэтому мне придется ждать несколько часов. Домой он отвез меня на машине своего хозяина.

Я приготовил обед, поел, пошел в спальню, снял обувь и маленько прикорнул. Обычно я всегда так делаю, когда у меня нет заказов. И тут из кухни послышался шум.

Я вышел в коридор и увидел рыжеволосую женщину, которая стояла рядом с обеденным столом, держа в руках блюдо, завернутое в фольгу. Она изумленно ахнула.

Мы молча разглядывали друг друга.

— Я не знала, что вы дома, — наконец сказала она.

Я улыбнулся.

— Миссис Халли, наконец-то я могу поблагодарить вас за то, что все эти годы вы приносили мне пироги, торты и жареных цыплят. Вы прекрасно готовите.

Она нахмурилась и тихо прошептала:

— Так вы знали, что это я?

Я кивнул.

— Да. Пять лет назад я случайно увидел вашу машину, стоящую на обочине. Я никогда не упоминал об этом: мне казалось, вы хотите сохранить все в тайне. Но раз уж вы здесь, то, может быть, объясните, зачем вы это делали?

Женщина отвела взгляд.

— Не согласитесь ли вы выпить со мной чашечку кофе? — Я придвинул ей стул, она положила тарелку на стол и села. Я налил кофе и устроился напротив.

— Мне будет не так уж легко это сделать, но я все-таки попробую. Вы имеете право знать, — начала моя гостья, сделав глоток. — Тим погиб. Мой ребенок, мой единственный сын. А вы должны были провести службу в память о нем. Я помню, как вы поднялись на кафедру.

Мое сердце подпрыгнуло.

— Но вы на нас даже не взглянули, так и не сказали нам ничего.

Я нервно сглотнул и постарался выровнять дыхание.

— Я сидела в первом ряду... надеялась услышать слова утешения. Но вы, мистер Смит, так и не заговорили, вы просто покинули кафедру.

Так много детей погибло. И всех хоронили в субботу. На каждую панихиду отводилось пятнадцать минут. Гробы вносили и тут же выносили обратно. Все службы были похожи одна на другую: те же псалмы, те же цитаты из Библии. Но Тима хоронили по-другому.

Я сидел и слушал ее, приоткрыв рот. Мне хотелось ей что-то сказать, но я никак не мог подобрать нужные слова.

— Первые дни после его смерти я была так подавлена, что у меня не было сил думать о том, что моего сыночка похоронили, не сказав о нем ничего на прощание. Через несколько месяцев у меня началась депрессия: я не могла смириться с тем, что потеряла единственного ребенка. Я хотела расстаться с жизнью и всерьез задумывалась о самоубийстве. Мне казалось, на землю опустилась ночь.

Но мрак рассеяло сияние одинокой звезды. Я говорю о вас. Благодаря вам похороны моего сына были особенными. Вы стояли у алтаря и молились, а потом покинули церковь. Это воспоминание, как огонек, светило во тьме. Я решила, что должна продолжать жить.

После этого я не видела вас долгое время, но два года назад вы пришли в нашу церковь. Помню, как я поразилась, когда вы привстали со скамьи и обернулись лицом к прихожанам: это же он, сказала я себе. Почему он решил вернуться?

— Простите, но мне нужно рассказать вам о том, почему я не проронил в то утро ни одного слова.

— Я знаю. У вас был удар, и вы потеряли способность говорить.

Мне показалось, что Земля перестала вращаться. Я смотрел на нее, приоткрыв рот и округлив глаза.

— Но вы молились, стоя перед нами. Да, я всегда вижу, когда человек молится с жаром. Вам так хотелось начать проповедь, успокоить нас. Но ведь слова ничего не значат. Наверняка они быстро бы изгладились из памяти. Но мне не забыть до самой смерти, как горячо, истово вы молились.

Вам, наверное, интересно, как я выяснила, что у вас был инсульт. Когда вы появились в нашей церкви, мне сразу захотелось узнать, откуда вы приехали. Я спрашивала всех, кто присутствовал в тот день на похоронах, не знают ли они случайно имя священника, потерявшего голос. Кто-то сказал мне, что ваша фамилия Смит и вы проповедуете в Накогдочесе. Я поехала туда, нашла церковь, в которой вы служили, поговорила с людьми. Знаете, что мне сказали? Все были уверены, что вы сошли с ума во время службы по погибшим при взрыве. И в это легко поверить. Произошедшее в нашем городке было настолько ужасно, что никто не сомневался: священник, дотоле многократно встречавшийся со смертью, повредился в уме из-за того, что ему пришлось увидеть. Мне объяснили, что вы лечились в больнице в Раске; больше никто ничего о вас не знал. Впрочем, многие уверяли меня, что вы живете в Далласе с дочерью или у одного из сыновей.

Но я хотела знать все точно. В Накогдочесе мне удалось добыть адрес вашей дочери. И я поехала в Даллас. Там я представилась вашей бывшей прихожанкой и поинтересовалась, как вы поживаете. В разговоре ваша дочь упомянула, что вам поставили неправильный диагноз и на самом деле вы оказались в Раске из-за инсульта.

Однажды после службы я проследила за вами. Так я узнала, где вы живете. Мне стало известно, что вы занимаетесь обустройством садов; я даже собиралась попросить вас посмотреть мой участок. Тогда в разговоре с вами я могла бы выяснить, почему вы вернулись. Но потом я передумала. Мне показалось, вы не хотите, чтобы люди знали о вашем прошлом, и я решила оберегать вашу тайну.

Но мне очень хотелось, чтобы вы почувствовали — есть человек, который думает и заботится о вас, — вот почему я начала приносить еду.

Мое сердце билось уже не так часто. Я испытал огромное облегчение.

— Если вы еще когда-нибудь захотите угостить меня пирогами, буду только рад. Но, пожалуйста, входите через переднюю дверь, — сказал я.

— Нет, — покачала головой миссис Халли.

— Почему же? Ведь мы оба знаем, что...

— Да, мы знаем. Но ваши соседи могут неправильно это истолковать.

— Какие тут могут быть толкования? Что плохого в том, что добрая женщина угостит пирогом одинокого старика?

Ее лицо покраснело, и мне показалось, что она слегка улыбнулась. Когда она заговорила, ее голос был нежен, словно тающая снежинка:

— Я замужняя женщина, а вы... привлекательный мужчина.

Мне не сразу удалось постичь услышанное. Я молчал. Вид у меня, наверное, был очень глупый. Между тем она подошла поближе, похлопала меня по руке и проговорила:

— Через месяц я вернусь и заберу свою тарелку.

С этими словами миссис Халли открыла дверь, ведущую на заднее крыльцо, прошла по саду к припаркованной на обочине машине, села в нее и укатила.

Когда мы с Люком ехали в Овертон за грузовичком, я рассказал ему о моей встрече со Сью.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Расс? — взглянул он на меня. — Ты носишься со своими секретами, как курица с яйцом. Они так много для тебя значат! Чересчур много! Не-

сколько лет ты скрывал от Сью, что тебе известно, кто приносит угощения. Зря! У тебя давно мог бы появиться друг. Может, ей одиноко и она была бы счастлива с тобой поболтать. Но для тебя важнее твои секреты.

Что касается лечебницы... Стоит ли это скрывать с таким упорством? Да, твоя паства в Накогдочесе была напугана: люди видели, что ты совсем не похож на прежнего Болтунишку Смита, к которому они привыкли. Но здешние жители с ним никогда не встречались. Они знают только тебя, Расс, спокойного человека, который сажает цветы и деревья. Никому нет дела до твоего прошлого. Ты уже давно стал частью нашего городка. Подумай об этом.

И я действительно ломал голову над его словами несколько дней. А еще я думал о нем самом. Та давняя трагедия не отпускала Люка долгие годы. Он был словно закован в цепи все эти десять лет. Но пришел день, оковы пали, и он освободился.

Я понял, что Люк прав. Мое прошлое не должно иметь для меня такого значения. Я решил забыть о своих тайнах. Конечно, я не собирался расхаживать по домам, надоедая всем своими рассказами, но и скрывать больше ничего не хотел. И доселе в этом не было нужды.

Люк проработал в мастерской Дьюи пару месяцев, а потом устроился на месторождение, где устанавливал и чинил разные механизмы. В общем-то, он и раньше этим занимался. Он снял в Килгоре комнату и съехал от меня.

В воскресенье, незадолго до Рождества, в мою дверь постучали. На крыльце я увидел Люка и Вики. Они стояли, прижавшись друг к другу. Я пригласил их войти. Мы сели. Я предложил им кофе, но они дружно покачали головами. Потом молодые люди переглянулись, и Вики, обернувшись ко мне, сказала:

— Мы хотим, чтобы вы нас обвенчали.

Несколько секунд я осмысливал то, что услышал, а затем ответил:

— Вам нужно обратиться к священнику.

— Мы уже говорили с ним. Он не возражает. Вы же духовное лицо, — выпалила Вики.

Я покачал головой.

— Это вам, наверное, Люк сказал. Но я уже давно стал другим человеком.

Улыбка Вики была такой сияющей — мне даже почудилось, что в комнате стало светлее.

— Но мы не хотим, чтобы нас венчал Болтунишка Смит. Я прошу это сделать вас, Расс. Поймите, мы знаем, что вы стали совсем другим человеком. Люк ведь тоже изменился, отчасти именно поэтому мы обратились к вам с нашей просьбой. Это вы помогли вернуть его.

— Да нет же, ну при чем тут я.

— Вы знаете, что я права, Расс.

— А вы знаете, что это не так, Вики.

Она усмехнулась, кивнула и подмигнула мне; лицо молодой женщины осветилось такой лучезарной радостью, что мне показалось, будто радость эта материальна и я могу коснуться ее руками.

— Хорошо, я согласен. Но только при одном условии.

— Каком же, преподобный?

— Видите ли, Вики, Люк рассказал мне одну историю. Она заканчивалась так: в воскресенье утром он вошел в церковь, встал рядом с вами и запел. Но...

— Что? — улыбнулась женщина.

— Но он не закончил свой рассказ. В общем, можете называть меня назойливым старикашкой, который сует нос не в свое дело, или что там обычно говорят... Меня, конечно, мало интересует, как именно Люк ухаживал за вами, я хочу

знать только одно. Если вы не скроете от меня этого, я соглашусь вас обвенчать.

— О чем вы хотите знать, Расс?

— Что вы сказали друг другу, выйдя в то утро из церкви? Они переглянулись и захохотали. Мне пришло в голову, что я никогда не видел, как Люк Робертсон смеется. Было приятно на него смотреть.

Когда они успокоились, он заговорил первым.

— Сначала мы молчали. Вместе со всеми покинули зал, отошли в сторону, и Вики, посмотрев на меня, спросила: «Почему ты сбрил бороду?»

— А Люк ответил: «Потому что мне так и не удалось вытащить застрявшие в ней крошки торта. Пришлось от нее избавиться», — подхватила Вики.

Веселый смех заполнил комнату.

Вот так получилось, что в начале года с кафедры той самой церкви, где когда-то потерял голос Болтунишка Смит, я зачитал им слова клятвы. Это была прекрасная свадьба. Ри Лейсфилд приехала из Калифорнии, и я был свидетелем ее трогательного примирения с Люком. Пришли Эл и Дорис Фишер, Том и Рэйчел Эрвин, Бен и Сью Халли, Дьюи и даже Келли, двоюродный брат Вики. Тот день мы никогда не забудем. Но это было только начало. В прошлом месяце молодожены взяли с меня обещание крестить их первенца. Он появится на свет в октябре. Вы не представляете, какая это радость для пожилого человека — молодые друзья.

Так что, выходит, я все-таки священник. Я часто думаю о Болтунишке Смите. И о женщине, которая его любила. Он действительно был хорошим человеком, помогал людям и ободрял их. У него был талант убеждения, но он балабонил с утра до вечера, не отдавая себе отчета в том, какая сила заключена в словах.

Болтунишка очень бы взволновался, услышав, как закончилась история, рассказанная Люком. Он бы с удовольствием разложил все по полочкам, объяснил и обобщил то, что произошло с моим другом в лесу. История Люка могла бы стать основой величайшей проповеди на свете. Так подумал бы Болтунишка Смит.

Месяц назад я присоединился к церковному хору. Регент не всегда выбирает те гимны, которые предложил бы я, но мне все равно нравится их исполнять. Хором петь намного приятнее, чем в одиночку. Цикадам это очень хорошо известно.

Иногда я посещаю разные мероприятия, которые устраивает церковь, и с нетерпением жду наступления тепла — тогда мы начнем выезжать на пикники. Но я не собираюсь оставаться здесь на все лето. Я планирую отправиться в длинное путешествие: сяду в поезд и поеду в город Портленд, штат Орегон.

Меня беспокоит Боб Коулман. Когда-то, сидя на берегу реки, он задал вопрос Люку, а тот обругал его и ушел. После этого они не виделись. Все, что Боб будет помнить о Люке, — его грязное ругательство.

Это нехорошо. Ругательства чем-то подобны благословлению: слова имеют силу, они остаются в сердце. Я чувствовал: Боб не забыл о Люке, он помнит о том, что тот ему сказал.

Я надеюсь разыскать инженера, рассказать ему эту историю, дать прочесть мои записи. Тогда он поймет, почему Люк так поступил. А когда узнает, чем все закончилось, порадует, что его обидчика больше не терзают горе и ярость, и что он стал совсем другим человеком. Свершила это удивительная сила, и только Люк знает, как произошло чудо. Я верю: что, выслушав меня, Коулман забудет о своей обиде. Наверное, найти его не так-то просто. Первым делом надо

отправиться в Вашингтон, затем придется двигаться по течению реки, перебираться через горы, добираться до пустыни. Не удивлюсь, если там уже начали строить новую дамбу. Люди обожают их возводить.

Мне бы очень хотелось увидеть две реки, о которых рассказывал Люк. Он говорил о Колумбии, весело катящей свои чистые прохладные воды по безжизненной пустыне до самого Тихого океана. А вторая река — та, что Люк увидел душой.

Вы, наверное, думаете, что мне тоже удалось узреть вторую реку. Она и впрямь была совсем близко, чуть ли не на заднем дворе Болтунишки Смита. Но Люк слишком много говорил и не обратил на нее внимания. Что касается меня, то мои секреты и страхи так затуманили мне голову, что я не только не замечал эту реку, но и, в отличие от Люка, не понимал ее красоты. И у меня есть огромная потребность увидеть эту реку его глазами до того, как покину земную сень.

Я обязательно разыщу Боба Коулмана. И еще. Мне бы хотелось закончить свой рассказ словами, которые инженер сказал Люку, когда они сидели на краю каньона, любуясь Колумбией: великая река глубока и бесконечна и в ее водах заключена огромная сила.

А насчет того, что она бесконечна, это я уже от себя добавил. Все, пора братья за мотыгу.

*Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, —
через реки ли, они не потопят тебя*.*

* Ис. 43:2.